

СКОТИНА

BY UNGROUND

У отставного военного врача есть все, чтобы выжить во враждебном мире, куда его затащили обманом. Надо всего лишь перехитрить Систему, распутать клубок интриг и перестать быть пешкой в чужой игре.

Но вот хватит ли сил на схватку с самым подлым, коварным и безжалостным врагом — с мерзкой, вонючей скотиной, которая отражается в зеркале?

Что ты несешь в руке, меч или плеть? — Дар Вечного ученика!

(Суббота, 24 августа. Палма. Белозерск. Семейная усадьба Скотининых.

Глава рода барон Скотин играет со старшим братом в сатранг, позиция чёрных кажется нерушимой, но белые фигуры продолжают жалить)

Сначала из коридора послышался нестройный топот и шарканье. Потом настойчивый стук, и, не дожидаясь ответа, створки рабочего кабинета распахнулись. Внутрь полилась река перевозбужденных родичей.

Хозяин кабинета вздрогнул, мигом развернулся к непрошеным гостям, убирая за спину съеденную пешку.

Лысый розовощекий толстяк в цветном халате первым нарушил молчание — завизжал как недорезанный поросенок — Антон, почему мы от левых людей узнаем, что нам пришел вызов в академию магии. В род Скотининых больше пятнадцати лет никого не вызывали, — огляделся и, не находя поддержки, мигом нырнул за спины родственников.

Нестройный гул голосов подхватил, — До сих пор не собран экстренный совет рода! Какого нерадивого?

Барон расслабился, повернул взгляд на игральную доску и покачал пальцем, — Петя, не шали, ладья стояла на b9. Соперник пожал плечами, передвинул массивную фигуру. Никогда не унывающий взгляд поднялся на хозяина кабинета, — Что? Ты скрывал такое? Да как же? Такая удача, молчишь? Или опять все за нас решил?

Вперёд протолкнулся сухонький вертлявый старикан, укутанный в плед, — Антон, у нас у всех есть дети, у многих внуки, такие вещи не решаются лично. Твой отец такого никогда не позволял. Как убытки покрыть, так уважаемы родичи, помогите.

Барон выдержал паузу, насмешливо оглядывая разношерстную делегацию. Начал прохаживаться, заложив руки за спину.

— Дядюшки, братья, за ужином собирался сообщить вам интереснейшую новость. Нам действительно поступил вызов, но не совсем обычный, и совет рода тут ничем не поможет. В вызове есть интересный нюанс.

Глава неспешно подошёл к сейфу и набрал комбинацию, прикрываясь спиной. Массивная дверь скрипнула, довольный барон потряс в воздухе скрученной трубочкой. Толпа загудела, бумага с имперской печатью, светящейся всеми цветами радуги, пошла по рукам. Нетерпеливые толкали друг друга, выхватывали манускрипт, никому ничего прочитать не удавалось. Шум нарастал.

— У меня Николай отличный маг, вон своим ветром крышу с конюшни снёс.

— Лучше скажи, кто гвозди при строительстве конюшне пропил?

— А если моему слезу оформить?

— А у меня племянник подковы руками ломает.

— Подковы ломает, только ссытся и глухой.

— Да моя дочка по графству первая по математике и физике.

— Да не твоя это дочка, кто жену под кучером поймал и запорол вусмерть?

Барон рявкнул, — Осторожно, не порвите, брат, отбери, наконец, и читай вслух.

Тень барона перехватила неуловимую бумагу, повернулась к свету, прокашлялась, — Императорская призывная комиссия имеет честь сообщить, что высочайшей милостью Его Императорского величества Самодержца Всероссийского, Московского, Киевского, Владимирского, царя Астраханского, Польского, Сибирского, великого князя Финляндского, Грузинского, Болгарского... — прокашлялся, — Тут можно пропустить чуть. Наследного государя и обладателя... году одна тысяча девятьсот девяносто восьмому от рождения Вечного ученика. Представить на обучение магическим наукам Бориса Скотинина лично, не позднее пятого сентября. При себе иметь...

По мере чтения голос Петра замедлялся, начал заметно подрагивать, всхлипывать. Последние слова потонули в возмущённых воплях.

— Не может быть!

— Вызов Бориске, сыну Милославы?

— Как такое возможно?

— Эй, Антон Петрович, вы же тоже говорили — не уверены, ваш это сын или нет.

— Да, уважаемые, не отрицаю, бывали сомнения, что недоразумение, зачатое в Милославе, действительно от меня. Особенно после некоторых его ... странностей. Но вы все прекрасно знаете, что я лично четыре раза заказывал магическую экспертизу. Моя это кровь, все четверо магов подтвердили, в один голос, даже когда я пальцы им ломал. Понимаю, что кандидатура Бориса, в силу его..., не совсем удачная. Кто-нибудь собирается поспорить с написанным на бумаге?

Негодующий гул немного притих, Петр покосился на молчаливую серую фигуру в углу, скрестившую ладони у груди, — Не кипятись, чего ты сразу так?

Кто-то храбрый проорал, прикрываясь спинами, — Он сын твоей младшей жены? За что ему обломилось? Ты взятку в канцелярию занёс?

— Дорогие родичи, напомню, что, во-первых, Императорскую призывную комиссию невозможно подкупить. Если Великие князья не могут, куда нам нищим баронским рылам. Второе, не бывает младших и старших жён, бывают просто жены. Наама возомнила себя старшей потому, что её сын лидер по харите и ближе других к официальному наследнику. Если бы Борис больше развивал полезные умения, может и не было бы сейчас глупых вопросов.

Повернулся к брату, топнул, — Петя, тебя тоже касается, мне вообще похрен кто из них старшая, одинаково всех трёх терпеть не могу, — хлопнул рукой по столу, — Выметайтесь, не мешайте... работать.

Старик с розовой проплешиной потряс в воздухе кулаком, — Я помню, что пятнадцать лет назад приходило: «Прибыть члену рода Скотининых, до восемнадцати лет, с харитой не ниже третьей степени».

Толпа опять загудела, — Ты ещё вспомни, как вы все поцапались первый раз, когда Тимофея выбирали. А потом второй раз через месяц, когда его останки в коробочке пришли. Спичечной, прошу заметить.

Младший брат главы нахмурился, деятельный ум, постоянно увлекающий барона в разные авантюры, никогда не сдавался, — А точно переиграть нельзя? Подменить?

Старший Скотинин повысил голос, — Думаешь я сам в восторге? Ты знаешь, что произойдёт, если он не ответит на вызов? Да тут через час инквизоры всех наизнанку вывернут. Думаешь мне самому не жалко тратиться на сборы? Сам знаю, какой из него маг. Я же на четырнадцать лет подарил ему Слезу воздуха, а он за три года научился только ветер

из задницы пускать. Даже тельце своё приподнять не смог.

(Там же спустя час)

Царственная особа, вся увешанная драгоценностями, фыркнула, как лошадь-тяжеловоз, — Антон, ты же знаешь, как он развивает источник, когда ему исполнится восемнадцать, попросит слезу земли. Я, конечно, за него рада, но у меня тоже есть дети, и их судьба меня заботит больше.

— Наама, чему ты дура завидуешь. Ты когда последний раз видела Борю? За обедом? Ничего не заметила? Как ты думаешь, сколько он там протянет? Месяц? Да если он продержится в академии неделю, я велю вырубить из мрамора его статую в полный рост. И не ходите ко мне поодиночке.

Обиженная фифа топнула и развернулась к дивану, — А ты Петя, что молчишь? Скажи этому мужлану, что глава рода должен заботиться обо всех детях, и о племянниках тоже.

Старший брат барона старался никогда не встречать между главой и его жёнами, но сейчас его посетила гениальная идея. Петр просто задохнулся от раскрывшейся перспективы, — Антон, ежели песенка Бориса спета, надо его проводить с этим, как его — с фейерверком.

Барон приподнял брови, — С чем проводить?

— С пользой, Антон, причём для всего рода. До вызова две недели, давай его побыстрому женим.

— Петя, ты его видел? За него ни одна благородная не пойдёт и под страхом смерти, барон махнул рукой и скривился.

Петр хищно прищурился, — А какого нерадивого нам благородные, своих девать некуда. Елисейевы хорошее приданное обещали...

(Девятый храм Вечного ученика, общественная приемная. На каменном троне восседает сухой старик, вдоль стен застыли неясные фигуры в серых хламидах с ладонями, сомкнутыми на уровне груди. Перед троном согнувшись вопросительным знаком стоит женщина, явно не привыкшая гнуть спину).

Гнетущее молчание полутемного зала разорвал громоподобный рык, — Баронесса, если повод, по которому ты побеспокоила мне понравится, я лично высосу твои слезы.

Дама вздрогнула, рухнула на колени, завизжала голосом раненой чайки, — Владыка, случилось страшное, мой сын, моего мальчика призвали, взгляните на бумаги.

Жёлтый сверток взмыл в воздух и застыл перед глазами хозяина зала.

Сморщенная голова, похожая на обугленную головешку, шевельнулась, — Да ты должна прыгать от радости, что на твоего щенка обратили внимание. У Скотининых шестьдесят лет не урождалось годных магов.

— Владыка, его убьют. У нас слишком много врагов. Он нежный и ранимый мальчик, а о жестокости этих академий ходят легенды.

Морщинистая старческая рука отпихнула бумагу, — Дай мне в руки его любую вещь.

— В-в-вот, платочек.

Костлявая конечность прикоснулась к ткани и сразу брезгливо отдернулась.

— Да женщина, признаю, ты воспитала кусок редкостного говна, у него точно нет шансов, не то, чтобы закончить, боюсь он не протянет и до выдачи учебных принадлежностей.

— Владыка, сделай что-нибудь, придумай, в твоей власти менять все, перед твоей мудростью...

Старик резко перебил, — Женщина, что мне с того, если очередного никчёмного щенка превратят в вонючую кучку дерьма. Свора озверевших волчат, мнящих себя аристократами, да им даже стараться не придётся, он и так в этом дерьме по уши. Роди себе нового, а лучше пару, — глаза хитро прищурились, — Или барон перестал обращать на тебя внимание?

На лице женщины вспыхнули багровые пятна, — Владыка, он мой любимый единственный сын, я отдам вам свою Слезу.

Старик продолжал бурчать, — Отказаться от учёбы несложно, по состоянию здоровья или занести взятку в канцелярию. Для этого не обязательно беспокоить Храм и тем более лишаться Слез. Отрубите ему ноги, когда шум уляжется, отрастите новые. Или у вашего графа перевелись толковые лекари?

— Владыка, я готова на все, сделай его сильнее. Я младшая жена барона и мой мальчик только четвёртый на очереди. Если мой сын станет магом, он возвысится, его объявят наследником рода Скотининых.

Фигура засмеялась и тут же зашлась старческим кашлем, — Я уже начал переживать, что младшая жена барона блистательная Милослава начала переживать не только за себя. Хочешь стать старшей женой?

Женщина уронила взгляд, — Господин, я давно оставила попытки бороться за внимание человека, которому на все наплевать. Если что-то и способно спасти род Скотининых он полной нищеты, то это благоразумие и воспитание моего мальчика.

Старик на троне не пошевелился и не произнёс ни слова, но в зале что-то изменилось. Серые фигуры расцепили ладони и опустили руки, подчиняясь невидимому приказу.

— Пожалуй я смогу тебе помочь. Я не возьму твои слезы, но ты сделаешь для меня кое-что другое.

В воздухе на секунду загорелись красные буквы.

— Приведи сына в квартал портных, закажи пошив костюма и сколько надо приезжайте на примерку.

Женщина впиалась глазами в тающую надпись, — Все сделаю, владыка.

Каменный трон взлетел в воздух и лицо старика приблизилось, — Женщина, после того как ты исполнишь мою просьбу, у твоего сына появится внутренний стержень. Но за все надо платить. Будь готова к обратной стороне. Он может стать опасен и для вас.

— Д-д-да, я готова.

В лицо дохнуло могильным запахом тела, которое столетиями обманывало смерть, — Об учёбе больше не беспокойся. Я сделаю его сильнее, быстрее и... немного умнее, но он может начать вести себя странно. Не вздумай его ни о чем расспрашивать, лишишься не только слез или жалкой жизни. Сунешь нос куда не следует и от всего рода Скотининых не останется и следа.

Явление 1

*(Земля, ближнее Подмосковье, областное бюро судебно-медицинской экспертизы
За канцелярским столом сидит сухой и поджарый мужчина в возрасте)*

Смена проходила нервно и не совсем как обычно. Шесть часов подряд заполнять протоколы вскрытий — это, как говаривал санитар Стасик, не баран чихнул. От усталости покачивало, вторые сутки на ногах. На чистом адреналине провел экспертизу одиннадцати останков, заполнил кипу бумаг, размером с том советской энциклопедии и вот, в сон потянуло.

Добавил громкости ящику, висящему под потолком. Телевизор захрипел, — «По официальным данным Министерства внутренних дел число жертв пожара, вспыхнувшего в торговом центре, достигла шести человек».

Ага, шести. Одиннадцать у меня, четверо в областной морг, и ещё десяток по другим больницам. Пожар, дело не хитрое, только половина обожжённых с огнестрелом. Оба санитары отсутствовали, один по уважительной причине, вот тут на полочке, по запчастям разложен. Второй сачкует в грудной хирургии, обширный инфаркт у него, видите ли. Лаборант вообще отмазку глупую придумал — свадьба у него.

Щелчком отправил окурок на другой конец кабинета. Бычок мелькнул едва заметной искрой, нырнул в кофейную банку и нагло вылетел обратно. Старею или нервы шалят?

Если собираешься дразнить матерого хищника и берёшь его за яйца... К чему это я? Точно, пора немного отвлечься.

— Руслан Аркадьевич, добрый день! Это Борис, причина череды неприятностей преследующих вас последнее время.

— Что, опять ты? Ты от кого, от Прохора?

— Руслан Аркадьевич, напомню наши прошлые беседы. Один из ваших сотрудников, заключенный исправительной колонии «Вологодский пятак» позвонил моему клиенту, представился сотрудником безопасности Сбербанка и обманом вынудил сообщить реквизиты банковской карты. Сумма, которая была списана, по вашим меркам не большая, но деньги предназначались для лечения близкого человека. По вине вашего, так сказать, подчиненного мой клиент не смог собрать необходимую сумму, и близкий ему человек умер. Руслан Аркадьевич, я вас ни в коем мере не побеспокоил по такому пустяку, как наказание виновного. Самостоятельно позаботился, чтобы его во сне закололи заточкой. Я попросил вас осознать ответственность и рискованность вашего бизнеса и в качестве моральной компенсации перечислить в любую благотворительную организацию сумму в пятьдесят тысяч рублей.

Собеседник с рычанием перебил, — Я тебя говно жрать заставляю...

— Руслан Аркадьевич, не отвлекайтесь, вы не выполнили мою просьбу, и неделю назад сгорела машина, в которой ваш помощник обменивал денежные средства на криптовалюту. Также возросла сумма компенсации до пятидесяти двух тысяч.

— Я же тебя найду, я же тебя...

Голос в трубке продолжал звучать ровно и уверенно, — Умные люди понимают, что пустые угрозы — это слабость. Давайте разоведем эту мысль, ведь даже не пустая, любая угроза — это тоже слабость, как и демонстрация намерений. Обратимся к истории, Блез

Паскаль утверждал: «Силой и угрозой водворяют в сердце человека не веру, а ужас». Допускаю, что вам не известно, кто такой Паскаль, но кумир людей вашего круга, Дон Корлеоне проповедовал важный принцип: «Никогда не произносите те слова угрозы, которые вы в дальнейшем не сможете исполнить на деле».

— Думаешь, это тебе с рук сойдет?

— Руслан Аркадьевич, угрожать с вашей стороны — это взять обязательство оказать на меня некоторое воздействие. Поверьте, брать дополнительные обязательства в вашем положении — не совсем разумная идея. Вы опять проигнорировали мою просьбу, у вашей жены началось воспаление и ей пришлось удалить грудные импланты. Вместо сочной четверки теперь вам придется играть с милыми ушами спаниеля, разумеется, после того как все заживет.

— Что, блядь, это тоже ты? Да кто ты такой, сука?

— Руслан Аркадьевич, в первую нашу беседу я пояснял, что не отвечаю на глупые, наивные и риторические вопросы. Понимаю ваше желание затянуть разговор, чтобы отследить этот номер, но поверьте, эта ниточка никуда не приведет. Сумма компенсации возросла, теперь вместо пятидесяти двух, благотворительная организация ожидает пятьдесят четыре тысячи.

— Какие, нахрен, пятьдесят четыре, ты мне убытков на десяток миллионов принес.

— Напоминаю, Руслан Аркадьевич, если вы снова проигнорируете просьбу, через неделю вас ожидает новый сюрприз.

Закончив глумиться над генеральской шишкой, отправил одноразовый мобильник в емкость с кислотой. Выудил из стола новый, набрал номер, и после трех гудков ни в чем не повинный гаджет также отправился к своему собрату. Бесцветная жидкость помутнела и запузырилась. Шестидесят секунд и от телефонов остались только корпуса. Карборановая кислота[1], точнее мой собственный вариант с добавлением соединений сурьмы.

Скрутил папироску гармошкой и выпустил в потолок столбик дыма.

МТС, МТС. Ничего не имею против известного мобильного оператора, но в заключении нейрохирурга этот МТС не совсем о сотовой связи. Множественные метастазы костей черепа, позвоночника и почти всех костей крупных. Все дела сделаны, все долги отданы. Как бывший военный врач точно помню, когда это началось, и точно знаю когда, а главное, как это закончится.

Думал на сегодня все, ан нет, чихающий движок жмуровозки услышал метров за двести.

Пока очередной труп грузили на каталку, водитель за десять секунд выпалил весь расклад. Мужик бомжеватого вида выскочил перед летящей фурой и оставил после себя знатный мешок костей и бульон из потрохов. Санитары с сатанинским гогогом оставили на столе неопрятный брезентовый мешок и шлейф дешевого пойла. Бригада Стасика никогда не отличалась разборчивостью в выпивке.

Одного взгляда на смятую развороченную грудину хватило, чтобы шевельнулось знакомое чувство, не простое тело, и смерть тут не простая. Пошел переодеваться перед грязной работой, но взгляд зацепился за полку с реактивами. Среди разноцветных склянок не хватало пузатой спиртовой колбы. Надо же, отвлекся на секунду, а паразиты успели все-таки. Всегда провожал этих троих, не отводя глаз, а тут труп интересный. Бегом набрал знакомый номер.

— Стас, скотина, верни пузырь.

— Мая не понимать, начальник.

— Паскуда, там же формалин, траванетесь сволочи.

— Да ладно, начальник, мы ваш розовый нектар уже три года пьем. Ни разу даже ни заурчало.

— Стас, я знаешь, что этим спиртом мыл? Яйца бомжа, от нехорошей болезни умершего, кожей. Не страшно?

— Начальник, в спирте никакая зараза не живет. Не ругайся, помянем мы бомжика. Первая рюмка за упокой.

Разговаривать дальше похоже смысла не было, — Ладно, Стас, я предупреждал, чтобы больше без спроса спирт не брали? Лови дружеское пожелание — «Чтоб ты скотина обосрался».

До прихода смены оставался час, вполне можно было заняться бумажной работой, но я немедленно сдернул с вешалки боевой фартук, поджег неизменную беломорину и приступил к вскрытию, проговаривая диктофону каждую мелочь.

— Труп пожилого мужчины худощавого телосложения. Кожа лица, туловища и видимые слизистые оболочки синюшны. Между париетальной и висцеральной плевроми фиброзные спайки, в просветах около литра прозрачной серозной жидкости. Слизистая оболочка языка, мягкого неба бледно-красная. Миндалины увеличены, бледно-красные, несколько отечные на разрезе. Щитовидная железа на разрезе темно-красного цвета...

Телефон зазвонил требовательно, я прижал плечом кнопку, активируя гарнитуру. Звонить на этот номер в рабочее время мог только начальник следственного комитета или доставщик пиццы. Судя по воплю в трубке, это была совсем не доставка.

— Боря, что по жмурику свежемую?

— Шеф, в чем шухер, работаю. В одной руке скальпель, в другой карандаш. Утром заключение будет.

— Начальство водителя фуры телефон оборвали, Магнат, продуктовая сеть, скандалы им, видите ли, не нужны. На самый верх звонили.

— Да ладно, Петрович, травма таракальная, открытая. Множественные переломы ребер. Гемоторакс, разрыв легочной артерии, травматическую асфиксию и повреждения костного скелета. По-русски? Грудь расплющило, органы в кашу, сердце всмятку, а осколки ребер даже в жопе. Кровь что? Результат завтра к обеду, но тут алкоголь в концентрации, близкой к смертельной, причем сомнительного качества.

Говоривший в телефоне расслабился, — Алкоголь хорошо. Сам под колеса бросился и точно пьяный. Мне это дело быстро и без этих твоих штучек надо.

— Не просто пьяный, синий как пупок. В желудке сивухи полтора литра. Только сам под колеса бросился не мог. Мышцы мне не нравятся, окоченение трупное полностью завершено, а такое в нашем климате не раньше, чем через восемнадцать часов. Его по протоколу три часа назад подобрали. Не мог он раньше умереть? Первая мысль — готовый труп под фуру.

— Да ты что, Боря, воду не мути. Спрячь эту свою мысль, знаешь куда. Целое кафе свидетелей, из кустов сам выскочил и своим ходом под МАН. Руками размахивал и дичь орал. Ты это с окоченением не торопись. Очень серьезные люди на контроль взяли. Напиши аккуратнее. Ускорение окоченения от чего произойти может?

Я на пару секунд задумался, подбирая слова, — Бывают, поражение электротоком, яды разные. Еще состояние нервной системы, типа каталепсии. Пятна трупные тоже не характерные. На кистях и в области стоп, а это я постоянно у висельников вижу. Но следов

асфиксии никаких. По уму надо полный разбор, анализ крови, тканей.

— Боря, дери тебя за ногу, тебе до пенсии два месяца. Не надо так глубоко вникать, сделай красиво, хоть раз.

— Петрович, ты же меня знаешь...

В телефоне загудел отбой, я продолжил работу, периодически перематывая и прослушивая свой голос. На память не жалею, но небольшой возврат дает время обдумать мелочи, уловить нюансы, не замеченные сразу.

Пересмотрел контейнеры с содержимым желудка. Дорогой обед для простого бомжа, остатки морепродуктов, кальмары, мидии, белая рыба с кедровыми орешками. И все залито морем алкоголя. На запах любую барматуху определяю, а тут сомнения.

С этим трупом явно что-то не так. Интуиция, которая выручала сотни раз, сегодня не просто шептала, а орала дурным голосом. Снова натянул фартук, перчатки, подошел к телу и поднял ногу, рассматривая огрубевшие ступни. Такие ноги я видел в Афганистане, у мальчишек, никогда не видевших обуви. А здесь, в Москве? Кеды по размеру, не новые, растоптанные, но явно видно, эти ноги привыкли ходить по голой земле.

В едва заметной трещинке заметил несколько песчинок. Соскоблил на предметное стекло, посмотрим, где это ты босиком ходил.

Дальше произошло то, что было невозможно в принципе. Труп дернулся, вырвав ногу, я развернулся и опешил от прямого оценивающего взгляда. Пациент поднял голову, держащуюся на лоскутах кожи. Хлопнул в ладоши, выводя меня из секундного оцепенения. Смачно, просто и со вкусом плюнул мне в лицо.

Защитная маска вспыхнула, пластик мгновенно оплыл, обжигая кожу. Я нырнул под стол, прижимая руки к глазам. На полу извернулся, захватывая ножку стола, попытался вскочить, опрокинуть. Может и успел бы, лет двадцать назад. После ранения одна нога не сгибается, вторая не разгибается. Я, в сущности, поэтому с трупами и вожусь.

Стены качнулись, тело охватил холод, мгновенно сковавший до костей. Показалось, что голова взрывается тысячей осколков. Пропали звуки, свет, меня закрутило и потянуло в неизвестном направлении.

(Информация к размышлению: По непонятной причине Стас и вся бригада санитаров ушел на больничный и четыре дня не могли остановить неукротимый понос).

[1] Карборановая кислота — самая сильная суперкислота, допускающая возможность хранения в специальных сосудах.

(Безвременье. Место, называемое бескрайней плотью мира)

Сначала не было ничего, только мысли вялые и тягучие, как застывающая лава.

Тишина, мрак. Я лечу, или расширяюсь? Сколько я тут? День? Час. Полное отсутствие любых ощущений. Я становлюсь легче или больше? Отдаленно напоминает камеру сенсорной депривации, но тогда явно и сердце чувствовал, и слышал, как кровь по венам журчит. А сейчас ничего, полная тишина и мрак.

Нисколько не удивился, когда появился вкрадчивый голос, зазвучавший отовсюду, — Боря, ты рад слышать мой голос?

По привычке попытался ответить, сразу облом, не чувствую тела, не могу говорить, не ощущаю губ. Глаза открыть тоже хрен, век не чувствую, вообще ничего не могу. Что это, умираю, или уже умер? Это смерть такая? Кома?

— Кхе-кхе, здравствуй Борис, — повеяло фигурой скромного благообразного старичка, слащавого как сироп.

Из глубин сознания начала подниматься ледяная волна. Позабытое чувство, но как же давненько я такого не ощущал. Под минометным огнем, да что там под огнем, перед автоматчиками, с завязанными глазами у стенки, и то не терял ни контроля, ни ориентации. Подавил начинающуюся панику и попытался сосредоточиться на голосе.

— Боря, не спи. Если ты меня слышишь и понимаешь крикни мысленно слово — «Да».

— Что за херня, кто ты?

— Ого, какие яркие мысли, я и надеялся понимать тебя так хорошо. Жду одно слово — «Да».

Странный голос, вроде знакомый и не звуки же это, ушей то нет. Подумал ясно, продавливая слово как в мокрую глину, — «Да».

— Молодец, Боря, ты рад моему голосу?

Что за тупой вопрос, — Где я, что со мной?

— Боря, не кажись глупее, чем ты есть. Не удивительно, что ты ничего не чувствуешь. Ты умер, сдох, преставился, сбросил коньки или, если больше нравится — срезал дуба. У тебя больше нет тела. Я поймал твое сознание, летящее в... интересные места, и удерживаю только своей волей. Повторяю, ты рад моему голосу?

Очень похоже на дешевое правило трех «Да», но усложнять диалог не следовало, — Да, за ногу тебя деру.

— Боря, через пару минут твоя сущность растворится, как называют у вас, в информационном поле вашего мира, а у нас — в пристанище Злого ветра.

— Да, кто ты?

— Боря, мысленно можешь назвать меня Современник.

— Ты меня убил? Современник, ты не опасаясь последствий?

Вопрос я задал наобум, ответ не важен, просто психология. Очень хотелось понять, с чем же я столкнулся. Собеседник похоже это сразу понял и пресек.

— Прекрасно Боря, вижу, не потерялся. Любой ответ дает тебе кучу полезной информации. Впрочем, как и его игнорирование. Поверь, эта информация тебе не пригодится. Не держи в себе отрицание и гнев, тебя не пугает что ты видел оживший труп? Не беспокоит, что твое тело мертво, а мы беседуем, как старые приятели?

— Ну, положим, мертвое тело я свое пока не видел. Приятелями мы не являемся, про остальное говорить смысла нет, информации недостаточно.

— Молодец, Боря, не теряешь голову. Вселенная сложнее, чем ты себе представлял.

— Не согласен, ты не можешь знать, что я себе представлял. Не можешь знать это точно.

— Проверяешь границы моего ведения? Или хочешь послушать про сверхразум, квантовые ключи и органическую матрицу?

— Не люблю ссанье в уши, Современник.

— Молодец Боря. Но все же существуют другие миры, живущие по другим законам. Признаюсь, я немного приложил руку к твоему уходу, хотя вот пилюля — твоему телу оставалось совсем немного. Головные боли, Боря, начавшиеся с весны — не просто переутомление и возраст. Опухоль растет, а достижения вашей медицины не дадут тебе больше пары лет. Кстати, ты не заметил Боря, я называю твое имя почти через каждое слово. Цени! Пытаюсь тебя удержать подольше. Чувствуешь, как наша связь слабеет? Через пару

минут ты окончательно исчезнешь.

Я слегка офигел, но виду показать не хотелось, — Чего тебе нужно?

— Ага, перейдем к сути, Боря, мне нужна от тебя посильная помощь, скорее услуга, за которую я готов..., впрочем, о награде позже.

Молодому человеку в другом мире нужна защита и поддержка. Его пригласили на учебу в непростое заведение, где нужно огрызаться, бить в ответ и быстро соображать. Пригласили так, что отказаться никак нельзя.

— Как вы видите мое участие? Телохранителем? Я вообще военный врач, а не...

— Вот, пошел деловой разговор, Боря, неужели я не ошибся в выборе? Я достаточно осведомлен о твоих занятиях и небольшого хобби. Ты любишь и умеешь решать нестандартные задачи и пребывание здесь будет для тебя детской забавой. Парень в самом расцвете сил, почти красавчик, богатый и знатный. Так совпало, что его тоже зовут Борис. Я помещу твое сознание в его тело. Ты поедешь в академию, проучишься два курса и получишь диплом. Раз, два и дело в шапке. Забыл главное, с тобой будут учиться такие красотки, каких в жизни ты видел только по вашему ящику, показывающему цветные картинки. Щепотка интеллекта и жизненного опыта, которым ты не обделен, и они будут драться за место у твоей постели.

Интересно зачем мне красотки у постели, на коврике. Оговорки в речи намеренно или нет? Очень хотелось послать, прямо с языка срывалось, которого нет, — Что с моим телом, оно мертво?

— Здравый вопрос, Боря. У молодого человека было весьма счастливое детство, чересчур жизнерадостное и веселое. Вырос он совсем не приспособленный отвечать за свои слова и держать удар. Представь семью, где ребенка облизывают с головы до ног, вокруг него ходит огромное количество слуг, всем обеспечивают и стараются угадывать любые желания. И вот, получили никчемное существо, абсолютно уверенное, что весь мир вращается вокруг него. Пресмыкается перед сильными, унижает слабых, обычный начинающий садист и мелкий пакостник. Пусть у него будет небольшой академический отпуск, пару лет он проведет в твоём теле, лишённом магии, и не совсем здоровом. В любом случае, ему это будет полезный опыт.

— Магия? — От этого слова сразу заныли зубы, которых нет, — Я не верю в эзотерику и всякую муть.

— Совсем не важно, во что ты веришь, Боря. Если тебе будет от этого легче — можешь называть это продвинутой технологией на принципах, не известных вашему миру. Молодой человек начинающий посредственный маг, безмятежно учился в родовой школе, но некие силы выбрали его, прислали вызов в столичную академию. Тебе предстоит освоить то, что ты отрицаешь, причем сделать это придется хорошо. Лови плюшку, через два года, когда я поменяю вас обратно, ты сможешь сам исцелить свое никчемное тело. И вообще так разгуляешься при желании.

— Современник, оправданы ли такие сложности?

— Военная магическая академия достаточно специфическое место. До выпуска дотягивают не больше трех из десяти студентов. И не все просто отсеиваются, случаются дуэли, несчастные случаи, самоубийства. В столичных институтах учатся дети множества знатных и сильных кланов. Сломать новичка из древнего, но небогатого провинциального рода будет делом принципа. Сначала тебя будут бить сильно и больно, потом очень сильно и очень больно. А потом сделают из тебя половую тряпку, и ты сам вздернешься на

собственных трусах. Или вскроешь вены осколками бутылки, которую тебе запихнут в задницу. Ну как, заинтересовал, Боря, время выходит? Мы договорились?

С языка, которого нет, чуть не сорвалось «Да», — В твоих словах нестыковки. Ты говорил, мое тело лишено магии. Как я смогу себя исцелить, когда вернусь?

Голос продолжил с едва заметным нетерпением, — Приятно общаться с цепким человеком, Боря, жаль времени не осталось. Тебе пора мысленно сказать — «Да», или мне придется перейти к беседе со следующим кандидатом.

За мгновение прокрутил в мыслях весь разговор. Эх, есть за что зацепиться, чтобы на чистую воду, но не стоит это делать, когда яйца в тисочках. Только глупая собака лает на руку, сжимающую поводок.

— Да, Современник, поехали, — мысленно проговорил я.

Финальные слова прозвучали с заметной спешкой, — Последнее наставление, Боря, по счету, но не по значимости. Магия достаточно распространена в нашем мире, маги весьма уважаемы и очень опасны. Обмены и подселение в чужое тело не уникальны. Это случается не часто, запрещено под страхом смерти, но явление изучено вдоль и поперек. Если тебя раскроют, Боря, я убью тебя раньше, чем к тебе приблизится имперский инквизор. Больше думай, Боря, амнезия точно не прокатит.

Голос исчез. Перед внутренним взором закрутилась пара открытых ладоней, белая спираль, превратившаяся в змею, кусающую себя за хвост. Блестящая чешуя полилась в жадную пасть, кольцо начало сжиматься, превращаясь в ослепительную точку. Расплывающимся сознанием спрятал поглубже последние ядовитые мысли, — «Нет у тебя другого кандидата, да и согласие тебе мое с самого начала даром не нужно».

И еще, Современник, я никогда не играл по чужим правилам.

Явление 2

Что ты несешь в душе боль или страх? — Волю Вечного ученика!

(Палма. Загородное поместье рода Скотининых.

Финал свадьбы младшего сына барона. В полутемном зале остатки перепившихся гостей, слуги деловито убирают тазы с объедками. Оживление только у стола жениха с невестой)

Возвращаться чувства не торопились. Сначала появился слух, просто включился, как телевизор от щелчка пульта. Уши разорвал отчаянный женский визг:

— Измена. Отравлен, наследник отравлен. Руби всех.

Незнакомый голос, но визгливый и противный. Накрыло хлопками, грохотом перевернутой мебели, звоном железа и пронзительными криками. Над головой затопали и заголосили.

Тело, я его чувствую, оно есть, но лучше бы не было. Сил нет не только пошевелить конечностями, не могу даже приподнять веки, будто залитые тяжелым металлом. Лежу на твердом, холодном, смертельная слабость и адская резь в животе. Ага, еще нормально дышать не могу, рот забит неведомой дрянью. Попытался языком вытолкнуть мягкое и липкое, но сразу захлебнулся тошнотворной массой. Значит вот он, новый мир, не обманул Современник.

Почувствовал сильные пальцы, ощупывающие лицо, удар по челюсти, толчок в грудь, вроде коленом уперлись, и изо рта вырвали посторонний предмет.

— Гляди, Степан, он две гусиные ноги разом в рот запихал.

Чудовищное облегчение, воздух ворвался в легкие с хрипом и обжег легкие. Тут же замутило, накрыло вертолетом. Прямо под подбородок ткнулся ком и в воздух вырвался фонтан рвоты. Скорее не фонтан, а гейзер в руку толщиной и высотой не меньше метра. Куски непрожёванного ринулись через нос, вынося все преграды.

— Бля, Степан, эта скотина блюет.

Второй голос был не такой смелый, — Тише, баронесса услышит, вали на бок, пока не захлебнулся.

— А может так оставим, это же какая услуга всему роду!

Вернулись запахи очень некстати. От кислой вони желудок вновь скрутило в узел, исторгая наружу новые порции. Черт, да я же пьян как лошадь Пржевальского. Хотя лошадь вообще не пьет. Да за какие грехи мне все это?

Грубые руки хватали за все выступающие части, дергали, пихали и тащили.

Женщина продолжала визжать, — Лекаря! Все твари кровью умоетесь! Всех, всех заporю. Повешу, а потом заporю. Нет, сначала заporю, потом повешу.

Кажется, меня несут, скорее волокут, затылок чувствует ступеньки, наверх поднимают рывками.

— Да как это вообще можно поднять?

— Прикуси язык, Фома, хозяйка близко.

— Это позор рода Скотининых.

— Если молодой господин слышит твои слова, кожу будут сдирать медленно.

Тупой удар по затылку, кажется, уронили. От смачного потрясения в голове зазвенело, но зато чуть прояснилось. Мигом проплыл весь разговор с неведомой хренью. Магия, другой мир, другое тело. Хотя если критически разговор разобрать, половина бред, а вторая для запудривания мозгов.

— Ой, уронил, слышал, с каким звуком голова шлепнулась? Эхо как в пустом ведре.

— Баран, кожу медленно, это на ладонь каждый день, пока висеши на крюке, продетом в задний проход.

— Я вообще не подписывался такую тушу тягать. Я охранник, а не холоп.

— Ты в первую очередь слуга рода Скотининых, так что тащи молча.

— Закатывайте на ковер. За углы взяли. Раз, два, еще.

— Два, три — дернули, пошла родимая. Тащите в коридор.

Визгливый женский голос то отдалялся, то приближался, — Сыночек отравлен, убит. Негодяи, все прочь, черви. Лекаря. На кол, всех на кол. Моя кровиночка. Сгною ублюдки, всех казню.

Влажные трясущиеся пальцы пощупали лоб, шею. Добавился новый голос, вроде мужской, но такой тоненький, будто барашек заблеял, — Ваша милость, не было отравления.

Фальцет женщины перешел почти на ультразвук, — Что ты вякнул? Я сама видела!

— Ваша милость, не было яда. Случилось то, о чем предупреждал главный целитель, ваш сын по своей рассеянности, не обратил внимание на рекомендации, и в очередной раз изволил откусать лишнего.

— Тварь, да как ты смеешь?

Барашек продолжил, — Простите, ваша милость, молодой господин постеснялся обратиться к лекарю, у него длительная, так сказать проблема со стулом. Так сказать, его отсутствие. На фоне застарелого э-э-э отсутствия, вышло небольшое обострение внутренних хворей. Внутри киш..., э-э-э, элементы пищеварительной системы завязались в узлы, вызвав некоторую непроходимость.

— Что ты несешь? Пантелей, ты не родовой лекарь, а наемный. Я за что тебе плачу триста рублей в год, — продолжала визжать женщина.

— Ваша милость, меня нельзя на кол, вы сами сказали, я не родовой лекарь, а нанятый по контракту. Не отношусь к роду Скотининых, — со вздохом добавил себе под нос, — И триста рублей вы обещаете заплатить уже второй год.

Путем нечеловеческих усилий приоткрылся один глаз, и сразу резануло светом. Сквозь слезы комната сфокусировалась. Высокая статная блондинка, в вечернем платье с меховым воротником. Бриллиантовые серьги до плеч. Лицо чистое, правильное, будто вырезанное из мрамора. Немного портит картину гримаса презрения, злобы и испуга за любимое дитя. Кажется, матушка. Вторая фигура — тщедушный старичок в пенсне и с козлиной бородкой. Тройка одинаковых бородатых мужиков вжались в стену, стараясь выглядеть предметами интерьера. Сгорбленные, замызганные, перепуганные до икоты. У противоположной стены странная персона, закутанная в серую хламиду с головой. Из широких рукавов выглядывали ладони, сведенные у груди для молитвы. Похоже служитель культа.

От мощного пинка дверь хлопнула, повиснув на одной петле. Проем загородила могучая фигура в военном мундире. Лицо хищное, властное, нос крючком. Бакенбарды, завитые кольцами, черные кустистые брови, а ля дорогой Леонид Ильич. Здравствуй почтенный родитель.

Барон зыркнул жестким взглядом, продавливающим до потрохов, полился густой бас, —

На минуту отлучился, а вы чего устроили? Где гости?

Повернулся к охраннику, у которого сразу затряслись ноги — Степан, доложи.

— Ваша милость, Молодой господин изволил поспорить с двоюродным племянником Елисеевых, что ровно за три минуты откусает жареного гуся. А перед этим он успешно победил в конкурсе вишневого пирога, а наперед выиграл спор, что в один присест выпьет бочонок эля. Потом господину стало нехорошо, и он слегка, буквально на минутку прилег на пол.

Матушка закусила губу, — Да, дорогой, я всех порубить велела, как только Боренька захрипел и на пол упал. А что я подумать была должна? Отравили моего сыночка, лапочку, кровиночку. Как есть, из зависти извести хотят.

Женщина запнулась, — Погоди, это что, если этому негодяю верить — зря рубили? Не слушай этого червяка, брешет. Ой, перед гостями неудобно вышло. Это же что война теперь? Ну и пусть, а нечего было на моего Бореньку наседать.

— Заткнись курица, не трещи, сам посмотрю, — нахмурился барон.

Подошел к серой фигуре, сказал спокойно, — Око, покажи зал с момента, как я удалился.

Фигура молча развела ладони, как рыбак, показывающий крупный улов. Между ладонями вспыхнул голубой экран, полилось изображение шумного застолья. Ого, вот и магия поспела.

— Усиль голоса Скотининых, приближай, покажи с другой стороны.

Что-то интересное досмотрел, через пару минут отвалился, — Довольно, ясно все.

Фигура молча сомкнула ладони и изображение пропало.

— Мила, твой выплывыш в очередной раз обожрался, не смог просрать, подавился куском мяса и угробил собственную свадьбу. Почему я нисколько не удивлен? Если бы не вызов, я бы лично содрал бы с него шкуру и натянул на барабан. Хотя нет, из такой шкуры вышел бы отличный барабанный оркестр.

Барон перевел взгляд на жену, заламывающую руки, — Живы Елисеевы, все порталом ушли. Двух охранников зарубили только, одного сожгли. Не нужна нам война, у нас казна пустая, как голова твоего сына.

— Ты хочешь сказать, что мой Боренька...

Барон зыркнул таким взглядом, от которого захотелось провалиться сквозь пол, и не только мне, — Волоките этого в спальню и невесту ему ведите, пора кончать этот цирк.

Лекарь осмелился подать голос, — Ваша милость, нельзя его к невесте, ему поправить здоровье надо, полечить чуть, иначе...

— Ну так лечи, нахрен ты тут еще?

— Господин барон, позвольте не здесь, разрешите в уборную отнести?

— Червяк, я повторять должен? Здесь лечи.

Трясущаяся рука легла на лоб. От руки повеяло теплом, холодом, потом снова теплом. Глубоко внутри что-то шевельнулось, дернулось, лопнуло. Ноги мелко-мелко задрожали. Тугой узел в животе развязался и дно прорвало, наполняя безразмерные штаны. Вместе с нечеловеческим облегчением в нос ударила такая вонь, будто разворошили старый сортир.

Матушка свалилась в обморок, на руки стоящего рядом слуги.

Барон дернулся, отшатнулся, — Что же ты паскуда в уборную его не отвел, он насрал больше своего веса.

Обреченный голос всхлипнул, — Простите, Ваша милость, виноват.

— Этого отмыть и к невесте. Миле склянку с нашатырем под нос и волоките оставшимся гостям улыбаться, я пошел конфуз с Елисеевыми улаживать.

Гигиенические процедуры запомнились смутно, меня скребли, протирали, хлестали тугие ледяные струи. Я лежал, зажмурил глаза, местное мыло не просто щипало, а резало как электросварка. Смотреть не мог, но внимательно слушал короткие реплики. Вроде же семейные слуги, а ничего кроме презрения и ненависти. Поток иссяк, растерли полотенцами, завернули в дерюгу и опять поволокли по ступеням. Приключения кончились на кровати, напоминающей небольшой аэродром.

Силы постепенно восстанавливались, худо-бедно тело начинало слушаться. Удалось поднять руки и поднести к лицу. Рассмотрел короткие пальцы, распухшие как сардельки. В ладони вставлены матовые черные камни. Прямоугольные, плоские. Ткнул обгрызленным ногтем — вплавлены намертво, как старые загрубевшие мозоли. Попробовал ковырнуть сильнее, мышцы скрутило, как от удара электротоком. пронзила резкая боль, будто руку опустили в расплавленный металл. Ага, нельзя трогать.

Ощупал лицо. Патлы свисают, нос есть, губищцы как два кулака, щеки бульдожьи, подбородок один, второй, третий. Груды лежат подмышками, да размер не меньше третьего. А нет это запасная, вторая пара. Первая — твердая пятерка, как положено, спереди. Из-за брюха, колыхающегося как гигантская медуза, еле дотянулся до стручка неопределенного размера и формы. Ага там точно что-то есть, но как же он далеко. Сомневаюсь, что рабочий, скорее всего просто для красоты.

Пощупал зубы, сначала языком, потом пальцами. Все на месте, кроме восьмерок. Крупные, кривые. Челюсть массивная, щеки и подбородок гладкие, на растительность нет и намека.

Некстати вспомнился Современник. Молодого человека, симпатичного обещал, перспективного. Я же в теле беременного бегемота. Падла, да он же под три сотни кил весит. Эх, Современник, я же тебя найду, я же, сука, разберусь тут со всем и тебя найду. Вспомнил свой же принцип, никогда не угрожать, если не можешь выполнить угрозу. И тем более не угрожать, если можешь и собираешься. Ничего, один раз и мысленно можно. Современник то не обманул, по сути, так, умолчал о мелочах. Ценю здоровое чувство юмора. Интересно, о чем еще не сказал?

Не к ночи вспомнилось, а на душе сразу полегчало, настоящего Бореньку на Земле тоже сюрприз ждет. Своего члена я пятнадцать лет не видал, но вовсе не из-за зеркального недуга. Как в Йемене миной накрыло, так и лишился всего под корень. Будет Бориска с пластиковой трубкой играть, на ней такой хитрый игольчатый краник, быстро ли разберется, как пользоваться?

Внутренний монолог прервался скрипнувшей дверью. В дверь шмыгнула фигурка в белом платье и застыла посередине комнаты. Запоздало дернулся, прикрываясь простыней, но тут больше пригодился бы чехол от вертолета.

Невеста, у меня же свадьба. Это же сейчас...

(Палма, девятый храм Вечного ученика. Место, недоступное смертным.

Высокий черноволосый мужчина толкает инвалидную коляску по темному каменному коридору)

— Лорд-пилигрим, разрешите вопрос? Все знают, что имперских рекрутов ещё никому не удавалось подкупить.

— Я не расслышал вопроса, — сидящая в кресле фигура не шевельнулась, старческий голос проскрипел, как несмазанное колесо.

— Простите, Лорд-пилигрим, признайтесь, как вы добились, чтобы Скотининым прислали вызов? В столице столько перспективных балбесов, я ни на секунду не поверю, что комиссия разглядела жемчужину в тупой ослиной заднице. Да он же из таких окраин, откуда отродясь не появлялось перспективных магов. Максимум через неделю выяснится, что у него способностей, как мозгов в тараканьей ляжке.

Старик усмехнулся и закатил глаза под потолок, — На все воля Вечного ученика.

— Лорд-пилигрим, вы не оставляешь впечатление человека, во всем полагающегося на Его волю. Не страшно, что придётся отвечать перед Советом пилигримов?

Явление 3

Девушка робко приблизилась, шмыгнула носом. Света маловато, десяток свечей на концертный зал, но видно, девчонка ладная, высокая, стройная. Брови вразлет, черные глазищи как блюдца. Постояла минуту, двинулась осторожно на цыпочках. Смоляные косы в руку толщиной, белые ленты. Глаза так и зыркают. Не верит своему счастью и решается на героический подвиг, губы вон, почти до синевы стиснуты.

Одновременно из темного угла выдвинулась серая фигура, застыла на середине комнаты, ладошки вместе. Бесшумно двигается, будто пола не касается.

Разговаривать, пока не разберусь куда попал, не стоило совсем, но хотя бы поздороваться надо. Выдавил из себя, — Ну привет, — и удивился противному писклявому голосу.

Девушка вздрогнула, окинула тушу взглядом водителя мерседеса на валяющегося в канаве бомжа. Голос полился как серебряный ручеек, — Не разговаривай со мной, животное. Лежи молча, как договорились, я сделаю, что должна, и ты больше никогда меня не увидишь.

Прямо ушат холодной воды.

Платье поползло вниз, упрямый подбородок выдвинулся вперед. На секунду мелькнула белоснежная девичья грудь, дохнуло свежестью полевых цветов и вкусным шампунем. Прикрылась руками. Чертовски, просто фантастически хороша.

А ведь она здесь явно не по своей воле. Злая, сосредоточенная, как перед выпускным экзаменом. В воздухе не просто грозой веет, а настоящим ураганом. Ага, это, девочка, расплата за безоблачное детство. Сладко ела, мягко спала, тряпки, деньги, тачки. Теперь обратка за рождение в богатой семье. До конца жизни или старика, или вот такого жирного борова ублажать.

(Тамара готовится к самому важному экзамену в жизни)

Девушка залезла на кровать, потянула вниз полоску кружевных трусиков и опустилась за брюхо, перекрывающее горизонт, как бархан. Легкое прикосновение. Орган, теперь уже мой, шевельнулся, накрыла волна давно забытого сладкого чувства. Как же здорово снова ощущать себя живым и здоровым. Не совсем живым, но очень здоровым, очень.

Увидеть, что происходило по ту сторону изгороди хотелось, но естественное препятствие не позволило. Я сначала пытался поднять голову, но потом просто расслабился, отдаваясь волне неземного блаженства. Потянул руки, коснуться бархатной кожи, но от сурового окрика отдернул обратно.

— Не смей меня трогать животное! Лежи смирно отродье Нерадивого!

Да не очень-то и хотелось. Хотя все-таки хотелось. У молодого парня от такого обращения вообще стресс может приключиться, или чего похуже.

Девушка смелее прикоснулась к оживающему органу, сжала ладошкой. Закусила губу, обозревая конструкцию. По все признакам — ранее незнакомую. Да, жаль не знаю имени, это все твое.

Попыталась залезть сверху, повернуться боком, суетливо, брезгливо не касаясь необъятного живота, сальных складок и остального. Как только пальчики сжали член чуть сильнее, чем следовало, он разрядился, выдав в воздух могучий залп. Вдогонку грянуло пару выстрелов поскромнее, и орудие обвисло тряпочкой.

Упс.

Невеста надрывно вскрикнула, бросилась с кровати и покатила по полу, подвернув ногу. Мельком разглядел зажмуренный глаз, снайпером я никогда не светился, нечего все

свои таланты на обозрение выставлять, но нормативы по стрельбе сдавал выше среднего. Протяжно завывала. Раненой ланью метнулась к кровати и снова на середину комнаты, на ходу втискиваясь в перекрученное платье. Кулон на шее, сжатый ладонью, засветился фиолетовым. В воздухе появился пылающий овал, девушка нырнула в портал рыбкой, и он с шипением схлопнулся. В воздухе остался легкий цветочный аромат, и незримые отголоски последней фразы, брошенной перед бегством, — «Скотина! Потная, мерзкая, вонючая скотина». Или это может я себя так накрутил?

Не хорошо получилось, даже имени не узнал, похоже не жить нам долго и счастливо.

Фигура в сером сухо прошипела, — «Консумация не подтверждена», — разомкнула ладони и тихо скользнула к неприметной нише, будто специально вырезанной в стене. Интересно, всю ночь стоять будет?

Толпы вокруг кровати нет, и на том спасибо. У нашей аристократии, бывало, все родственники собирались, рассматривали пятна и советы давали. Обидно, конечно, за тельце, ничему его похоже доверить нельзя. При отсутствии альтернатив будем работать с тем, что есть. Чтобы в подобном случае сделал Боря? А ничего бы не сделал. Повернулся бы на бок и захрапел. Или маме пожаловался? Опять же лечение, купание. Будем исходить из того, что день был тяжелый и куда-то идти ему лень.

Сон долго не приходил. Крутил в голове события и так, и сяк. Слишком мало информации.

Современник, к чему этот цирк устроил? Зачем так сложно? Дохлого бомжа подослал, потом беседа хрен знает где. Мог бы подойти, по-человечески сказать: «Боря, тебя же на этой Земле ничего не держит, родные мертвы, друзей нет, все долги Родине отданы десятикратно. Телу твоему хана, не желаешь ли с начала начать?». Правильные аргументы подобрал и согласился бы я, да еще и благодарен был бы. Чего-то важного не понимаю.

Злыдень обещал, что девушки будут пачками ложиться, стоит только интеллектом блеснуть, вот, кажется, блеснул и одна сражена наповал. Отец явный самодур, за человека меня не воспринимает, отношения никакие. Мать души в дитятке не чаёт, но дура-дурой. Слуги боятся, презирают и тихо ненавидят. Так тихо — до скрежета зубов. Молодая жена на любящую супругу тянет в последнюю очередь. Брак фиктивный. Учитывая предстоящую учебу с неопределенным будущим, похоже материал я списанный. До кучи серые фигуры в каждой комнате, их в доме больше, чем самих жильцов. Пока вроде нигде не спалился, утро вечера мудренее.

(То же время. Усадьба Скотининых, восточное крыло. Старшие братья Бориса сидят в темноте, булькают кальян)

— Брат, позволь я выпущу ему кишки. Тамара должна была стать моей. За что ему такую жену? Я найду место, где не видит Око, и вскрыю ему брюхо.

— Согласен брат, такую цыпочку он не заслужил. Он сорвал чистый и невинный цветок. Вот прямо сейчас он мнет ее белое тело и похотливо хрюкает. Представь, как трогает ее груди своими потными липкими ручонками. Лезет в трусики. Помнишь детскую загадку — «Почему камбала плоская?»

Руки первого затряслись от переполняющей ненависти, — Брат, ты что? Ты вообще за кого? Он рухнет в кучу своих вонючих потрохов и сдохнет как собака. Он... Да я его... Видит Вечный ученик, я ненавижу его всей душой.

Петр выпустил в воздух дымную струю, — Коля, не накручивай себя, его нельзя трогать.

Помнишь про вызов? Через неделю он уедет в академию, пара лет, и вернется настоящим магом. Человек, получивший вызов, до зачисления под особым наблюдением. Видел, Око за ним, как привязанное.

— Брат, ты же знаешь его, мы же вместе пинали его ногами, а он ползал на карачках. Помнишь, как заставляли пить из лужи. Ты видел его ветер? Он никогда не станет магом. Он не протянет в академии больше недели. И Тамара...

— Да далась тебе эта торгашка? Будь умнее, Коля. Слишком много если и почему. Как получилось, что его вызвали? Не думал? А я ночами не сплю. Может это чья-то игра, не думаешь же у него проснулись способности. Он может стать чьим-то слугой, найти покровителя, присягнуть сильному. Или он просто пешка и ее двинули под бой? Да, от него нужно избавиться, но точно не здесь, и не своими руками. Аккуратно свяжись с Елисеевыми, ты же общался с этим франтом, Виктором. Надо узнать, как они относятся к новому родственнику.

(То же время. Ресторан купца Григория Елисеева, закрытая кабинка для vip-клиентов. Сухой поджарый старик в кимоно утешает всхлиывающую внучку)

— Солнышко мое, все же ради тебя, ради твоего будущего. Я сам был не в восторге, согласился только бы ты получила дворянство. Знаешь же, сколько бы денег у нас не было, они всегда будут смотреть на нас как на червей. Мы же договорились, все продумали до мелочей. Ты умная девочка и это был наш совместный план. От тебя требовалось потерпеть только один раз, подтвердить легитимность брака и тихо исчезнуть. Я нанял отличных спецов, Скотинин не дождал бы до отъезда в академию. Ты бы стала молодой вдовой и возглавила наш бизнес. Дворянский титул, по сути, твой, но консумация не прошла, и твои дети будут обычными простолюдинами. Мы что, зря отдали такое приданное? Что там случилось? Я видел нападение, и как твои родители ушли порталом.

Сквозь прерывистые рыдания прорезался голосок, звенящий как серебряный ручеек, — Деда, никогда не спрашивай меня, что там произошло, но Скотинин нанес мне такое оскорбление, которое не смыть и реками крови. Я не успокоюсь, пока последний из их рода не сдохнет в таких мучениях, что пытки Нерадивого покажутся детской щекоткой. Все, до последнего, я лично вырву эту фамилию из истории. А самому Скотинину я придумаю кое-что особенное.

Старик чуть не поперхнулся, — Тамара, неужели все настолько серьезно? Ты же всегда была спокойной и рассудительной? Мы же торговцы, а не воины, куда нам тягаться с аристократами?

— Деда, все гораздо хуже, чем ты думаешь. Ты сам учил меня жить и думать, как высокородные. Любые дела доводить до конца и никогда не прощать оскорбления. Скотинин младший не просто оскорбил меня, он надругался над всей фамилией Елисеевых. Раздобудь мне вызов в академию магии. Собери все свободные деньги, мне понадобятся рубиновые слезы.

(Ближнее Подмосковье, тихий сквер неподалеку от офиса ФСБ. На лавочке бизнесмен Руслан Аркадьевич в дорогом костюме, рядом неброско одетый мужичок с колхозной внешностью)

— Приехали, пятьдесят четыре тысячи уже. Понятно, что насмешка, скажи, кто они? Что за дерьмо происходит?

Мужичек не спешил отвечать, долго разминал сигарету, наконец, закурил и выдавил из себя, — Чтобы точно ответить кто, мне нужна третья запись, но я не уверен, что тебе стоит до этого доводить.

Бизнесмен дернулся, — Третья?

— Да, будет еще звонок, скорее всего не через неделю, а раньше. И у тебя случится еще одна неприятность.

— Ка-какая?

— Пока не знаю, для этого мне запись и нужна, но предположить могу, точно интересно?

Руслан Аркадьевич махнул рукой, — Давай, не томи.

— Скорее всего ты опять лишишься крупной суммы, причем не наличности, а потеряешь электронные активы, недвижимость или еще что там у тебя припрятано. По телефону он скажет: «Руслан Аркадьевич, вы ошибочно предположили, что я не повторяюсь». В таком случае это группа из наших действующих или бывших. Я бы на это дал процентов шестьдесят.

— Ох, ужасы какие.

— Да, но второй вариант хуже. Систему проследить не сложно, каждое действие все ближе к тому, что тебе дорого. По этому сценарию он ударит по кураторам твоего бизнеса, — полковник ткнул пальцем в потолок, — Или подставит тебя, или доставит неприятности тем людям.

Бизнесмен в костюме грязно выругался.

— Да, неприятно. Так бы действовали спецы по линии ГРУ, зарубежные также чуют. На это процентов тридцать.

— Хреново работаете. Ты бы не пугал, а решил этот вопрос. Я плачу за что? За спокойствие.

— Нормально работаем, а пугать я еще не начинал. С математикой вижу плохо совсем. До сотни еще десять процентов есть, а когда на кону сам знаешь что — это очень много.

— Еще десять?

Мужичок помял сигаретный фильтр, тяжело вздохнул, — Давай историю расскажу. В Новосибирске в восьмидесятых проходил областной турнир МВД по смешанной борьбе. Так, проходной, одно название. У действующего чемпиона области по сути конкурентов не было. Турнир вообще для него устроили, чтобы форму не терял перед всесоюзными. Заочный победитель. В последний момент в сетке дыра образовалась, и чтобы отчетность не нарушать, резво бойца нашли. В столовой бурят картошку чистил. Вроде здоровый, крепкий, но вялый и по-русски еле-еле. Уговорили кимоно одеть, — «Пару минут позора, а потом грамота и премия».

Чемпиона предупредили, новичка сильно не обижай, а он разошелся, начал класс показывать. Порхает как бабочка, то с одного бока ужалит, то с другого. Прошел в ноги, свалил и ступню на болевой.

— Чего ты мне байки травешь? Зубы заговариваешь?

— погоди, дослушай. Бурят вяло отмахивался, как спал на ходу, а тут заревел, — «Минии хүлмни үбдэнэ, бля». Вскочил на ноги, поймал чемпиона за кулак, крутанул в воздухе и пихнул ладошкой в грудь. Охнул чемпион, прилег и больше не встал. Рука — открытый перелом, два ребра и ключица в щепки. Чемпиона на самолете в Москву. Буряту мастера спорта присвоили и отослали от греха в неведомые дали.

— Ну и к чему рассказ этот? Мне проблему решить надо, а не...

— Какой ты нетерпеливый. Мораль такая, разные люди на свете есть, чемпионы, мастера. Грелки рвут, ломы на узлы вяжут. А есть такие тихие, неприметные, которых лучше не трогать. Или вообще не трогать, или уничтожать сразу всей силой. Но ни в коем случае нельзя с ними играть. Понимаешь? Оставшаяся вероятность, что ты перешел дорогу такому человеку. Кого-то не того твои орлы на бабки развели.

— И что, этот вариант хуже, чем первые два?

— Гораздо, гораздо хуже. Заключение, работающий в колл-центре, где сидел? В строгаче, в закрытой охраняемой зоне, среди своих. Какими ресурсами надо обладать, чтобы его закололи заточкой, и никто ничего не слышал? Одновременно воспитательный эффект — показал, что готов убивать. Взрыв под мостом тоже со смыслом — сопутствующие жертвы не важны, парнишка, что биткоины менял тоже не выжил. Про третье и говорить не надо, как редчайшая инфекция твоей жене попала — врачи руками разводят. Так что и до детей твоих доберется. И похер, что их в стране нет.

— Ты о чем вообще говоришь? Вообще запугал, я за помощью пришел, не забывай, ты мне должен.

— Эх, не слушаешь ты, Руслан. Номер не отследить, такого номера просто не существует. Как сделано — техники сотового оператора о таком даже не слышали. По голосу никаких зацепок, аккуратно изменен, каким алгоритмом и то понять не смогли. Никаких посторонних шумов. Запись разговора два профессора лингвистики изучают. По спискам твоих облапошенных прошлись, четыре тысячи за последние два месяца. Досье на каждого собирать — никакого аналитического отдела не хватит, да и пустое это дело.

— Не может быть, я не для того тебя позвал, никаких вариантов? Думаешь не найдется управа?

— Ну отчего же не найдется. На любого найдется. Руслан, существуют кадры, способные решить любые проблемы. Их услуги стоят так дорого, что вообще не измеряются деньгами. В Питере есть такие спецы, но и им палец в рот не клади. Робин Гуда твоего утихомирят, но походя и бизнес твой размотают, и сам на крючке окажешься. Их от столицы не зря подальше держат, чтобы дел не наворотили.

— Так что же, заплатить?

Мужичок кивнул, — Сделай, будь ласков. Я со своей стороны еще поработаю, может крыс у тебя потравлю.

— Крыс? У меня? Не одну?

— Минимум пару, причем друг с другом не знакомых. Думаешь я просто так личные дела твоего окружения поднял? Выполни, что он говорит, Руслан, и молись, чтобы третьего звонка не было.

(30 августа, 8 утра. Палма, усадьба Скотининых, спальня Бориса)

Проснулся как всегда внезапно, вынырнул из омута и открыл глаза, готовый к действию. По привычке хотел перекатиться на бок и нырнуть в тапочки. Необъятное брюхо колыхнулось и сверзилось с кровати со звуком падающей стопки белья. Все остальное тело пошло вслед. Ткнулся носом в палас, и прошедший вечер всплыл разом, ударил по голове, как пыльным мешком. Недоверчиво пощупал лицо и несколько выступающих частей. Нет, к сожалению, не приснилось.

Комната как комната, вчера больше казалась. Под высоким потолком картина с парой светящихся ладоней, икона не иначе. Кровать с массивными чугунными ножками, слона удержит, так она для этого и предназначена. Деревянные резные панели на стенах, гобелены, похожие на прибитые тряпки. Ни следа ночной гостьи, свечи убраны, все блестит. На полу весёлый паласик, продавленное кресло перед панорамным окном. Столик, заваленный ученическим хламом. Везде относительно чисто, кроме стола, под которым пыли и грязи с палец. Запрещено слугам подходить к столу, а самому убраться ума нет. На трёх сиротливых книжках тоже слой пыли, руки сразу зачесались лапнуть, но задавил желание. Да, информации нужна, но внезапно проснувшуюся жажду знаний не оценят.

Серая фигура стояла в нише, соединив ладони. Вот он, наблюдатель, Око треклятое. Игрушка барона. Ни лица, ни глаз, капюшоном скрыто. Взгляд спину не царапает, а мягко касается, рассеянно смотрит, будто в никуда. Когда ладони соединяет, запись идёт. Вчера на середину комнаты выходил, важное дело собирался снимать, но обломился. Относятся тут к этому как к предмету мебели. Значит и мне можно не замечать, просто местная видеочкамера.

За окном благодать. Вид с этажа второго-третьего, просторный двор, забор каменный. До горизонта желтеющие поля, сильно смахивает на рапс. Во дворе куча людей суетится, и все при деле. Деловито снуют рабочие, лошади, бодрым шагом маршируют то ли солдаты, то ли простая охрана. По всем признакам Россия. Имена наши, простые, говор русский. Первое впечатление — обычная глубинка километров двести за кольцевой. По времени сложнее, вроде барон и все дела, но одежда с аристократией не вяжется, на матушке платье как из варьете тридцатых, разрез до бедра, чулки на резинке. Свадьба сына — это же не маскарад, чтобы страусиные перья на голове носить.

Поднял руки, рассматривая камни в ладонях. Что же вы за хренотень? Сжимать кулаки не мешают, даже не ощущаются. Один по идее для связи, точно видел, как охранник с левой рукой у уха бегал.

Покрутил так и так, аккуратно сблизил ладони. Ага, теплее, жарче. Как только камни коснулись друг друга, руки немного откинуло, и между ладонями полилось голубоватое сияние, похожее на экран обычного планшета. На экране загорелись крупные буквы: «Борис Скотинин». Указательный палец дёрнулся, надпись резко поплыла вверх, взамен поехал текст помельче, за несколько секунд промелькнуло несколько страниц. Развёл ладони сильнее, экран потух с беззвучным хлопком, как лопнувший мыльный пузырь. Вот и понятно, как в паре работают.

Зажигая и гася, приступил к изучению девайса. Нашёл курсор в виде открытой ладони. Вообще рисунки ладошек на каждом шагу, равнодушен к ним народ. Управлялся

местный гаджет не сложно, шевелишь указательным на правой, пополз курсор вперед-назад, шевелишь на левой — вправо-лево. Дёрнул большим — как кнопку на мышке щёлкнул. Все интуитивно и ничего лишнего. Из левого камня нормальный динамик, торжественная мелодия, не иначе гимн, без хрипений и среза частот. Увеличивать, уменьшать, поворачивать — все можно. Освоился минут за пять, это не скальпель в руке держать. Принялся изучать содержимое.

Борис Скотинин, путь Вечного ученика.

Сопротивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 7 \% = 57 \%$

— Харита, ступень 3 (дворянин по праву рождения), прогресс 168 из 2016

Доступны умения 3 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретенное), прогресс 23 из 1728

— Архитектура, ступень 2 (открыто самостоятельно), прогресс 241 из 864

Дар Вечного Ученика: Отсутствует

Ну вот, никогда такого не было, и снова приехали. Хотя скромненько, могло бы и покруче, ни силы, ни ловкости, ни выносливости. И интеллекта тоже нет. Ультанем пуджой рака, как говаривала моя Женя, глядя на играющего Лёвушку.

Архитектура прямо озадачила, неужто ты Боря не такой прямой и очевидный. Архитектором что ли хотел стать? А нахрена, если ты сын барона? Сатранг, харита — дичь неведомая. У хариты подсказка доступна:

— Совокупность интеллектуальных, духовных и эмоционально-психических качеств, способствующих интеграции в социум.

Значит оцифровано что-то вроде авторитета или лидерства. Про сатранг совсем скромно — *Участвуй в турнирах и побеждай сильных соперников.*

Игра похоже, но нам сейчас не до игр.

На втором экране финансы, заголовок в лучших традициях СССР: *«Не забывай, что Путь Вечного ученика — это дорога умеренности, взвешенного и разумного потребления, на грани аскетизма и самоограничения».*

Финансовый баланс 12 рублей.

Обязательства, подтверждённые Оком:

— +300 рублей. Плановое поступление ежемесячного содержания (31 августа, остался 1 день).

— Аренда милости 3 уровня, 10 рублей каждые 12 дней (списывается автоматически).

— Клановый сбор, ежемесячно 5 рублей (списывается автоматически).

— 1 рубль. Долг перед Алесей Мухиной (осталось 2 дня).

— 10 рублей. Проигрыш спора с Николаем Скотининым (просрочен, минус 3 единицы хариты в месяц).

Старайтесь вовремя исполнять обязательства, от этого зависит не только деловая репутация, но и скорость восхождения по пути Вечного ученика.

Рядом со строчками пиктограммы сомкнутых ладоней, видео доступно. На первом видео Боря, скромно стоящий в углу. Матушка возле барона, взволнована.

— Назначаю Борису ежемесячные карманные расходы, триста рублей, — отец проревел так важно, как губернатор, утверждающий областной бюджет.

Матушка обиженно надула губы, — Антон, почему ему меньше, чем старшим? Чем Боренька хуже? У Петра пятьсот, а дядья своим детям ещё и сами доплачивают.

Барон скривился, — Сама сказала — старшим. Петр будущий военный, наследник, и вообще надежда рода. Николай хозяйственник будет крепкий, в семейный бизнес вольётся. Вообще не спорь, женщина, скажи спасибо, что ему вообще что-то перепало.

На втором ролике Боря с бесцветной тощей пигалицей в кафешке или скорее школьной столовой. Загнал девчонку в угол, растопырил руки, перекрыв пути к отступлению.

— Лесяндра, займи рупь, жрать хочу, не могу. Пару кексов возьму и тортик, а то до большой перемены не дотерплю.

Девчонка охнула, прижала к груди рюкзачок, — Борис Антонович, на прошлой перемене завтрак же был, и вы во время урока мои вафли съели.

— Не понимаешь, убогая, мне источники магии качать надо. Первого отдам, как барон перекинет. Не жмись, вон Око смотрит.

Пигалица тяжело вздохнула, дальше следовала картина финансовой операции, оба подняли правые руки и коснулись ладонями.

— Перевожу Борису Антоновичу один рубль под обязательство возврата первого сентября.

— Подтверждаю приём перевода в один рубль, пробубнил Боря и помчался к прилавку, рассекая очередь, как атомный ледокол.

Круто тут с финансами, и телефон значит, и кошелёк всегда под руками, точнее между.

На третьем ролике прямо целый спектакль. Парк, аллея, на лавочке блондинка с томиком стихов, или с учебником, что сути не меняет. Боря бредёт, загребая ногами землю, в тяжёлых раздумьях, наверняка где бы перекусить.

— Ой, а вы, кажется, Борис, вы правда настоящий маг воздуха?

Боря споткнулся, закрутил башкой по сторонам, убеждаясь, что обращаются к нему, проблеял робко, — Кто, я, это? Правда, настоящий, да.

Запись с боку из-за кустов. Половина картинка ветками перекрыта.

Взгляд небесно-голубых глаз, от которого по штанам должно побежать, — Ах, а покажите, это очень трудно?

Грудь колесом, насколько возможно при такой комплекции, — Да, щас, легко, — пыхтение, пассы руками, осенние листики кружатся в крохотном вихре.

Взмах ресницами, от которого Борю уносит в неведомые дали, покачивание плечиками, — Как удивительно, я слышала, маги воздуха умеют летать.

— Да что там летать, я вообще скоро на розу взойду.

Кульминация. С боковой дорожки вываливает ухмыляющаяся рожа с компанией, — Слышали, жирдяй хлестанулся в воздух подняться. Брешет же, спорим на чирик, на сантиметр не поднимешься?

Брат Николай значит. Прямо звериный оскал аристократизма.

Блондинка жжёт дальше, — Ты же правда сможешь, Боря, да, — распахнула глаза ещё шире, захлопала ладошками, — я в тебя верю. Ты такой большой и сильный.

Дальше трагедия, пассы руками, пыхтение. Лицо, цвета перезрелого буряка, адский вихрь, сметающий мусор. Развязка жестокая — неприличный звук из Бориных штанов, тело, оплывшее в кучу прелых листьев, и компания, удаляющаяся в туман.

Щёлкнул по надписи с долгом, подтвердил «Оплатить». Долги надо отдавать, Боря, тем более, средства позволяют, а завтра приход. Долг однокласснице тоже закрыл, не терплю быть кому-то должным. С одним рублём на балансе, конечно, печальней, чем с двенадцатью, но эти рубли для меня пока что пустой звук.

Следующая страница контакты, пиктограмки с мордами разной степени знакомости, подписи — Назначен быстрый вызов по голосовому ключу — Вызвать Метёлку, вызвать матушку, отца, дядю Петю и прочих. Вызывать пока точно никого не будем.

Строчка с арендой интерфейса и сбором насторожила. Камни на ладонях платные значит. Всплывающая подсказка показала, что не так все плохо.

Компенсация за счёт казны Рода Скотининых до достижения 18 лет или окончания учебного заведения, имеющего лицензию совета Пилигримов. Не допускайте просрочки аренды, это может привести к снижению хариты и падению защиты от Злого ветра. Регулярные неплательщики могут быть подвергнуты принудительному изъятию Слез Вечного ученика.

Клановый сбор, утверждённый его сиятельством графом Собакиным. Все вассальные аристократы обязаны вносить в клановую казну ежемесячный сбор. Мужчины десять рублей, женщины — восемь рублей, дети независимо от пола — пять рублей.

С финансами более-менее понятно.

Дальше пошли страницы-помойки типа рабочего стола. Папки разбросаны, школьные записи, заметки, списки обидчиков, кого и как покарать. Планы просто наполеоновские, фантазия в наличии, но без огонька. Внутри папки «Задания по каллиграфии» ещё одна неприметная «Факультатив». Фото известной направленности, как же без них. Понятны предпочтения, все низенькие блондиночки грушевидной формы. Грудь не важна, основное внимание на филейную часть.

Целая куча фото разных зданий, в основном башни, от минаретов, до простого нагромождения камней. В небо задраны как... Фрейд прослезился бы, хотя это же с архитектурой связано. Ещё у всех фото есть что-то общее, в голове колокольчик звякнул — это важно. Отложим, дадим мысли вызреть.

Нашёл отдельную папку с рисунком поросёньей головы. Два ролика, семейный обед и школьный выпускной. Руки чуть не затряслись от счастья, жизненно не хватает информации, как себя с родственниками вести.

На семейной трапезе все ровно, светлый зал, стол овальный на пару десятков персон. Барон во главе, по правую руку три женщины. Сидят как лом проглотили, улыбки натянуты как хомячок на концертный барабан. Матушка третья, самая дальняя, зыркает исподлобья. Сюрприз, однако, жена у главы не одна и матушка явно не старшая.

Взрослых ещё шестеро, подростков разных полов и размеров — восемь. По обрывкам разговоров классифицировал пару дядюшек и брата. Брат старше на пару лет, значит я не наследник точно. Если наследство тут по старшинству.

Боря восседает важно. Жрёт в три горла все, до чего руки дотягиваются. Какое же это со стороны отвратительное зрелище. Сколько же в него влезает?

Барон приложил левую руку к уху, гаркнул: «Молчать», — выскочил в коридор, как ошпаренный, — Ваше сиятельство, Скотинин на связи.

Секунда без старшего, и наружу из всех родственников истинный облик. Боря хищно улыбается. Пельмень с вилки летит в неприметного мужичка со стопкой полотенец. «Хо-хо, молодой господин, прямо в яблочко», — у Бори улыбка до ушей. Краб с тарелки в волосах вертлявой девчонки, Боря доволен. Руки вытерты об соседа — Боря почти в экстазе.

А вот вилка брата с размаху втыкается в волнистый бок, Боря не доволен, Боря скулит и жалуется матушке. Маман тоже недовольна, претензии рыжей кукле с нарисованными бровями, семейная перепалка с милыми колкостями, — «Посади на цепь своего ублюдка»,

«Что б ты сдохла, шлюха».

Все как у людей, отца боится, так его тут все боятся. Слуг презирает, так и в этом не одинок. Для брата, или скорее братьев — груша для битья и посмешище. Все жены барона стервы, и ненавидят как друг друга, так и не родных детей. Интересный коллектив, есть явный, есть скрытый лидер, сплетник, на месте и шут и субъект, которого все шпыняют. Просто идиллия.

Словарный запас у Бори не ахти. Пару десятков слов только насчитал, половина из которых частицы «ну», «вот» и «это». Придётся также изъясняться, для моего свободного владения английским и парой восточных — меньшая проблема.

Выпускной не менее интересный. Школа родовая, целиком Скотининых, недаром на стене барон в золотой рамке. Правда повыше ещё пара, не менее грозных. В выпускном классе Боря просто пуп земли, восседает с важным видом, не на двух стульях, а на отдельно сколоченной лавке. Диплом директор поднёс лично, семена ножками и кланяясь.

— Борис Антонович, прими уверения в совершеннейшем почтении. Искренние поздравления о блестящем окончании средней школы. Весь педагогический коллектив... Открыты все дороги... Луч света, что озарил... И в такой же манере минут на двадцать.

Дальше вызывал учеников по одному, громко выкрикивая имя, род, профессию отца. Ну как тут всех не срисовать и не запомнить. Попролам примерно знатные и простолюдины. Все аристократы из вассальных родов, Мухины или Капустины. Это директор отдельно проговаривал. Прилично народу, баронство не маленькое. Если выпускной двадцать восемь балбесов, значит всего школа на тысячу рыл не меньше. Простолюдинов гораздо больше должно быть, дворяне шгучный товар. Значит ещё школы есть, где только чернь учится. Баронство целиком можно оценить душ тысяч в двадцать-двадцать пять.

Одноклассники окружили, поздравляли, кланялись, соревнуясь, кто ниже. Реакция Бори разнообразием не отличалась. Процентам восьмидесяти — пошёл нахрен червь, тварь или гнида, сдохни плесень, или креативное — увянь вонючка, не взирая на пол и прочие отличия. Нескольким избранным кивал благосклонно, трепал за щеки. Взгляды одноклассников красноречивые, страх, презрение, бессильная злоба и откровенная ненависть, непонятно, где чего больше. У некоторых заметное облегчение — кажется это закончилось. Друзей в таком классе Боря точно не завёл. Хотя вот одно исключение — девчонка, знакомая по займу рубля, Алеся, смотрит затравленно, снизу вверх, но во взгляде обожание и несправедливая обида.

Неправильно ты Боря в школе отучился, не с той ноги. Вассальные роды и приближенные простолюдины — это же опора, соратники, с которыми скоро и бизнес вести, и прочие дела. Надёжная основа, костяк команды как раз в такой школе закладывается. А кто спину прикроет? С кем тут дела делать, если на мордах только желание плюнуть, сбежать или глаза выдавить. Гипотетически, станет Боря наследником, один не останется, жополизы то всегда рядом, а вот подлянку в спину точно получит.

Съёмка в обоих роликах с высоты роста, точно из глаз наблюдателей. На обоих роликах Боря в каждом кадре, по центру, видео значит доступно только своё, если что, у этого Ока надо просить. А вот барон похоже всех членов семьи смотреть может. На выпускном Око одно, весь ролик с одного ракурса. На семейном обеде пара, менялась панорама, показывая Борю с разных боков. Смонтировано плавно, без разрывов. Есть предчувствие, что не барона это игрушки, а самостоятельная функция, или общественная организация, или вообще сама по себе. Единой базой пахнет, а значит есть люди, которым все обо всех известно. Ни черта

не понимаю, ни политическое, ни социальное устройство.

У каждого человека на ладонях камни, у всех членов семьи и слуг и прочих. Ни одного в роликах с голыми ладонями не видел. Даже одно Око в кадре чёрным пятном на ладони светануло.

На последней странице одна папка, для входа пароль. Открывается круг, вроде циферблата часов, вместо цифр незнакомые символы. Вроде на иероглифы или руны не похоже, но чем-то мистически веет. Окошко приглашает три штуки ввести. От кого-то у Бори секреты. Пока не доказано обратное, предполагаем, что в интерфейс этот наладонный может войти чужой.

С помощью камней можно звонить, платить, видео снимать. Информацию хранить тоже можно, а ещё что-то типа игры компьютерной с умениями, путём Вечного ученика и Злым ветром. В принципе, ничем от обычного смартфона не отличается, только этот потерять нельзя. Наверняка и сеть глобальная быть должна. Хорошо бы что-то типа браузера найти, но нет, перерыл все, ничего похожего.

Просмотрел все доступные ролики, впитывая крупницы информации. Все важно, взгляды, интонация, походка. Вызвал мысленно образы разных персонажей, на ходу подстраиваясь мимикой. Вставать пора, труба зовёт.

(Ресторан купца Елисеева. Винный погреб.

Старик в кимоно отчитывает дородного мужика с чёрной бородой до глаз)

— Григорий, мы не аристократы, но род Елисеевых богаче многих этих напыщенных индюков. Наши товары знают и любят по всей империи. Смертельно оскорбили не просто мою внучку и твою дочь. Это плевок в душу всем Елисеевым.

— Отец, хватит ли у нас сил? На наши деньги можно вооружить десяток армий, но другие аристократы никогда не позволят победить безродным, мы не сможем сражаться с целым миром.

— Для открытой войны сил, конечно, нет. Я давно понял бессмертную истину — в нашем мире выживает не сильнейший, это глупое убеждение. Выживает тот, кто лучше приспособлен. Елисеевы при любой власти умели выживать и наращивать капиталы. Давай сделаем так: найди в доме Скотининых недовольных бароном, ищи в ближайшем кругу, жены, братья, все, кто входит в совет рода. Не может быть, что всех все устраивает. Второе, найди среди младшего поколения врагов Бориса, мне есть что с ними обсудить. И, наконец, разыщи среди ближайшего круга тех, кто безусловно предан барону. Мне нужны люди, которых можно выгодно подставить.

(30 августа, 8 утра. Палма, усадьба Скотининых, спальня Бориса)

Поднялся с кровати с таким надрывом и кряхтением, будто покорил Эверест, причём спиной вперёд. Вытер холодный пот, унял трясущиеся руки, первая героическая победа. Поплёлся в уборную, толкнув одну из дверей, уловил едва заметный запах химии. Вторая гардеробом должна быть, третья для слуг, если я что-то в этой жизни понимаю.

Обычная ванная, своего наблюдателя нет, и славно. Корыто с низкими бортиками, унитаз чугунный, заметно шире обычного, я бы прежний на такой сесть не рискнул. Напротив унитаза окно от пола и до потолка. Удобно, сидишь, думаешь в высоком, а за окном природа, птички поют.

Шкаф с причиндалами и покрывало на пол стены. Дёрнул тряпку, так и есть — зеркало. Раз покойников в доме нет, не популярен у Бори этот предмет. К чему бы это?

Какая же отвратительная рожа, со следами всех мыслимых злоупотреблений. Неопрятные сальные волосы, губы как олады, на лбу пара незрелых прыщей. Глазки маленькие, поросычьи, а чьими же ещё им быть? Прыщи на морде точь-в-точь как на видео с займом рубля. Недавнее видео, максимум пара дней. Зачем рубль занимать, если у самого на балансе двенадцать — вопрос риторический.

Пара приставных шагов в стороны — и свои габариты удалось оценить, и чего зеркала такие узкие. Восьми кубиков пресса точно нет. Рост чуть выше среднего, метр восемьдесят точно есть. Реальный выше должен быть, учитывая позвоночник интегралом. Немудрено, спереди необъятное брюхо, сзади противовес в виде жопы с багажник жигулей.

Поднял руку, согнул в локте, напрягая бицепс. Могучий жировой валик колыхнулся и повис как крыло летучей мыши. Потрусил сиськами, напрягся и приподнял фартук, повисший почти до колена. Ага, под ним ещё один, дохнувший старческими пролежнями. Как же так получилось, Боря? Тебе же семнадцать лет.

Бросил прощальный взгляд на зеркало. Тут я Боря с тобой полностью согласен, смотреть совсем нечего. Закинул тряпку обратно. Придёт время, уберём, но пока со всеми странностями не разобрался — нельзя ничего менять.

В шкафу все как в обычно, стаканчик со щетками, паста, бритва кассетная. Флакончиков целый ряд, у моей жены поменьше было. В целом ничего интересного, сполоснул морду и пошёл обратно в комнату.

Интересный уголок за кроватью, прямо сказать спортивный. Плакат местного мистера Олимпия с мимикой жизнерадостного бульдозера. Раньше улыбался во все тридцать два, но сейчас лицо в потёках. Глаза проковыряны до штукатурки. Чем-то Боре не угодил. Внизу инвентарь. Две гантельки килограмма по два, обруч для талии, и скакалка. Весы напольные, добротные, не ширпотреб. Шкала до двухсот пятидесяти. Под шкалой явно прописано «кг», система наша, метрическая, одной головной болью меньше. Встал одной ногой, не успел вторую перенести — положил стрелку. Бракованные попались, ежу понятно. Обруч можно не трогать, так видно, только на шею налезет. Подхватил скакалку, пригодится, напоследок плюнул в наглую рожу, поигрывающую бицепсами.

Окно едва слышно звякнуло. Секунду назад пусто, и вот, на форточке сидит наглый рыжий котик. Лёгкий точек, прыжок, и зверюга продефилировала по комнате. Хвост, задранный как труба, сразу показал, кто тут хозяин. Кот с важным видом обошёл комнату, у

Ока остановился, принялся, развернулся и парой коротких струек пометил человеческую статую. Подошёл к моим ногам, от души потёрся и скрылся за занавеской. Я покосился на наблюдателя. Гром не грянул, нарушитель не казнён, не наказан и даже не задержан.

Тренькнул колокольчик у третьей двери и в животе требовательно квакнуло. Ага, рефлекс, товарищу Павлову привет, не иначе на завтрак позовут. Гораздо круче, вошёл слуга, сгибаясь под тяжестью подноса.

— Барин, извольте, утренняя трапеза перед семейным завтраком.

Я скривил кислую морду и капризно взвизнул, — Червяк, живей ползи, — слугу, в которого пельменями швырял, признал сразу, — Чего тут?

Мужичонка привычно проковылял к столику, сгрузил на свободный конец тазик с пирожками, — Барин, свежая выпечка прямо из кухни, — водрузил ведёрный графин розового пойла, — Вот, господин, как велено, компот без сахара, ди-э-тический.

От запаха свежей выпечки в животе не просто заурчало, раздался звук, сравнимый со спуском унитаза. Плюхнулся на любимое кресло, которое жалобно застонало.

Весь стол в беспорядочных карандашных рисунках. Башни, башни, башни. Кривой мост и снова башни. Просто повернут Боря на башенках. Десяток карандашей, разной степени погрызенности, линейка и ластик.

Слуга робко кашлянул, — Молодой господин, я пойду?

Я дёрнулся, — А, ты ещё здесь, болезный?

Запустил пирожком мужику в удаляющуюся спину. В яблочко. Швырнул вторую, лопатки сжались, фигура осунулась и с оханьем юркнула за дверь. На краю поля зрения мелькнула рыжая молния. Котище на лету подхватил отлетевшую булку, одним прыжком оказался на подоконнике и скрылся в форточке. Хороший кот, правильный. Кажется, тут у него одного есть яйца.

За окном послышались стуки, грянул отчаянный вопль, — Пощадите, ваша милость, не губите! Люди добрые, сжальтесь.

Весь двор как на ладони. Великолепная картина для начала первого дня в новом мире — к массивным деревянным воротам приколачивали вчерашнего лекаря. Деловито и без суеты, видно, что процедура привычная и отлажена до мелочей. Прислонили, придержали, закрепили стяжками, и молотки застучали. Гвозди прямо в ладони.

Орал лекарь знатно, с надрывом. Октавы четыре услышал такой чистоты, что Пенкин бы удавился. Так заливался, что во дворик полсотни зевак высыпало. Нормально тут так народа.

Мужичок, толкающий бочку, остановился, соединив у груди ладони, но живо получил от охранника смачного пенделя и скрылся в неизвестном направлении.

Наблюдал, старался фиксировать каждую мелочь. Кто где стоит, во что одет. А ведь хороший вроде лекарь, просрать правда заставил прямо в коридоре, так это вроде барона недосмотр.

Отвернулся от окна, попытался мысленно восстановить картину. Баба с ведром, ещё трое с бельём. Старуха горбатая на крыльце, угольщик с тачкой, семь охранников у ворот и ещё пара мужиков. Стоп, нет, в серой рубаше с вилами, а кучерявый в безрукавке на голое тело. Картинка рассыпалась, попытался удержать — голова мигом заболела от напряжения.

Очень неприятная новость. Память ни к черту, мозг элементарную картину не держит, мелочи не фиксирует, как было раньше автоматом. Сознание моё, но мозг то старый остался, саму сложную логическую задачу, которую Боря решал в жизни — это что выбрать на десерт.

Встряхнул головой. Ещё раз, охранники, два бородатых, правый со шрамом на лице, у левого во рту золотой зуб. Виски заломило, будто в голову вонзили раскалённый прут. Не привык Боря головой работать. Не только тело в порядок надо приводить, и думать заново надо учиться.

Рука сама потянулась и лапнула горячую булку. Поднял к лицу, вдохнул аромат. Виски сдавило, будто голову зажало в тиски. Дальше случилась катастрофа, сознание не отключилось, но тело начало действовать само, по привычным алгоритмам. Причём я все видел, как через мутное стекло, что-то чувствовал, но сделать ничего не мог. Руки загребали выпечку совали в рот, Боря чавкал, рычал, давился, торопливо запивал, поливая все вокруг.

В себя пришёл, глядя на опустевший тазик и раздувшийся живот. Отдышался, пока пелена перед глазами не рассеялась. Вот это поворот. Осоловевшими глазами уставился на пустой графин. Нехорошо Боря, подвёл ты меня. А в моем лице и всех... Кого? Да просто всех хороших людей с планеты Земля.

Сука, придётся идти другим путём, поплёлся в туалет, тем более за окном концерт кончился, доктор сорвал голос, а барон разогнал зевак, рывкнув так, что стекло задрожало.

Сдёрнул покрывало с зеркала, уставился на ухмыляющуюся одутловатую рожу. Ну и чего ты такой довольный, победил думаешь? А вот хрен тебе по всей морде.

Расставаться с добычей тело категорически отказывалось. Какие там два пальца, какой корень языка. Первые робкие позывы только когда руку в рот засунул почти по локоть. Наконец, онемевшая конечность и говно под нос сделали своё дело, тело нехотя, но начало избавляться от нечаянного завтрака. Осмотрел переполненный унитаз критически, считать не буду, но пару пирожков Боря точно заначил, а может уже переварить успел. Недооценил я противника, пусть будет один-ноль.

Заполнил тянущую пустоту ведром воды. Неизвестно, пьют ли тут из-под крана, но лёгкое расстройство во вред точно не пойдёт. Привкуса хлорки нет, сказал бы обычная речная вода, без затхлости, но и свежести не первой. От воды тоже избавляться надо будет, сушиться, а то вон по опухшей морде видно. Но это позже, когда диету и нагрузки подберу.

Порылся в гардеробе, напялил безразмерную футболку и кое-как подвязал штаны. Оружие бы какое найти, толстяка всякий обидеть может. Носок красный на глаза попался, хороший, добротный, почти гольф. Раз пары нет, быть тебе боевым носком, во дворе кучу песка видел. Влез в безобразные меховые тапки, такие же, как на ролике. Все, лёгкая прогулка перед семейным завтраком и пора совершать подвиги.

Коридор как в настоящем жилище аристократов, камень, мрамор, арки. Пригляделся внимательнее — плесень, сырость, сквозняки из всех щелей. Печальные предки провожают глазами. Или показалось, но старик с глазами навывкате посмотрел особенно укоризненно. Да вот он я Борис Скотинин. Будет время, подробнее пообщаемся.

Коридоры, двери, просто так шляться опасно, желательно бы на план здания взглянуть. Споткнулся о кадку с безобразным фикусом, чуть не доставил удовольствие слугам, таскающим всякое разное. Да ну нахрен, сын барона я или хвост собачий.

Лестница, вниз это вам не вверх, спустился, но все равно умаялся так, будто тягал железо. Наблюдая за суетящимися слугами, нашёл дорогу в столовую. Вошёл бодрым прогулочным шагом, то есть переваливаясь как селезень.

Матушка подскочила, чмокнула в лоб и сразу засыпала вопросами, — Боренька, сладенький мой, как спалось? Ничего не болит? Как животик? Ой, ты сам оделся, а я переживала как без дядьки справишься. Но отец ещё сердится, помогать не велел.

Где молодая жена не спросила, и на том спасибо. Я же один спустился, а никого не удивило, или все в курсе что ночью случилось? Дядьку упомянула, свой слуга у меня должен быть. Обычно он есть но сегодня не было.

Матушка зашипела громким шёпотом, — Не переживай сыночек, мы тебе другую невесту найдём, и не какую-то торговку, — потянула к столу, на ходу поправляя мне воротничок.

Громкий шёпот, видно, услышал весь зал, белобрысая мымра ядовито выплюнула, — Ага, новую невесту ему. Объяснить нужно было, что со старой делать. Зал грохнул громовым хохотом, но под тяжёлым взглядом барона быстро успокоились.

Да, все в курсе. Око то в комнате было, барону показало сразу. Отец близким, а дальше... Можно не сомневаться, про мои ночные приключения только лекарь не в курсе, на воротах прибитый. Да и то может успел посмотреть.

Я дёрнул плечами и буркнул, — Ну чего, ну, — и поплёлся на своё место, не угадать сдвоенный стул, обваренный арматурой, надо было постараться.

Вся семья в сборе, морды холеные, наглые, типичные аристократы. Слуги под стенкой, повара в белых колпаках. Рядом с бароном три жены. По моему вкусу — матушка самая эффектная. Блондинка модельной внешности. Грех о таком думать, но прямо залюбовался.

Рыжая Роза тоже ничего, но сейчас вид портит живот, выпирающий чуть ли не больше, чем мой. Как минимум двойню ждёт. Третья на любителя. Формы есть, без них в жены к барону не попасть. Цвет кожи не сказать, чтобы черный, скорее эбонитовый. У нас на родине таких не водится, кожа, глаза, губы, с южных островов должна быть. Только у филиппинок нос более плоский, рост поменьше. Опять же имя Наама не сказать, чтобы наше исконное.

Барон грохнул по столу кулаком, — Вчерашняя свадьба моего сына закончилась неожиданным бегством невесты без объяснения причин. Борис, после завтрака расскажешь свою версию. Все разговоры потом, — вздёрнул руки.

Народ разом также поднял руки, ладонями вперёд. Семейная молитва!

Глава загрохотал басом, — Кто указал нам путь к Творцу?

Семья затянула хором, — Вечный ученик.

Барон с нотками пафоса, — Что мы несём в руке?

Родственники, перекрикивая друг друга, — Дар Вечного ученика!

— Что мы несём в душе?

— Волю Вечного ученика!

Повторять за родственниками было не сложно, покосился на серые фигуры. Пара, в разных концах зала, тоже стоят с задранными ручонками. Вот почему молитвы в ролике не было, не записывается молитва. А раз не записывается, творить сейчас исподтишка можно что угодно.

Точно, Николай, братец, который тыкал вилкой, наклонился к уху, прошипел, — Слышь, пухлый, а где молодая жена, почему ты один припёрся?

К таким мелким подколкам я всегда готов, мгновенно округлил глаза, — А ты не в курсе? Без сил лежит, она ещё пару дней подняться не сможет. Каждый истинный сын барона знает про секретную мужскую силу Скотининых. Жаль тебе про неё не известно.

Брательник дёрнулся как от удара током, захлебнулся, — Врешь, жиртрест, все знают, что она порталом ушла и ничего у вас не было.

— Что мы сжимаем в руках?

Семья потянула руки вперёд, — Слезы Вечного Ученика!

— Так если все знают, почему тебе не сказали?

Скоростью мышления брат силён не был, — А? Кто? Чего?

Прикоснулись ладонями к лицу, плавно соединили вместе и начали разводить над головой. Экраны засверкали всеми цветами радуги, полился торжественный марш, из пары десятков девайсов громыхнуло как симфонический оркестр:

— Осени нас Милостью. Заслони от Злого ветра и избавь от пути Нерадивого.

Это, кажется, аминь. Поднял глаза к потолку и хрюкнул от удивления. Вроде картина позднего средневековья, отягощённая продвинутым наладонным интерфейсом, а тут лампочка висит. Обычная, ватт на шестьдесят, мухами обсиженная. Мигает, потрескивает, как при работе от дешёвого генератора из Поднебесной. А кругом свечи восковые. Уже привыкать к запаху начал.

Барон, даром что на другом конце стола, моё хрюканье услышал и сразу сделал замечание, — Боря, семейный завтрак прошу избавить от тренировок по полному превращению в свинью.

Семья разразилась хохотом, а я мигом уронил взгляд. Полилась спокойная музыка, откуда непонятно. Слуга открыл крышку у блюда прямо перед моим носом. От печёного поросёнка поднялся столб горячего пара, шибанул такой одуряющий запах, будто лошадь лягнула в грудь. Пелена застлала глаза, я поплыл в неизвестном направлении и снова понял, ни руки, ни голова мне не принадлежат. Совсем. Второй раунд битвы с телом явно остался не за мной.

В чувство привёл раскат грома, грянувший посреди обеденного зала. Вздрогнул, очнувшись. Обвал? Взрыв? Нет, это просто моя сытая отрыжка. Моргнул, проверяя могу ли двигаться. На столе в радиусе метра не было ни одного целого блюда, груды поросячьих костей, перевёрнутые тарелки, соусницы, хлебные корки и яблочные огрызки.

Поднял глаза на барона и сразу стало немного нехорошо. Вся семья, не отрываясь, смотрела только на меня. Кто с разинутым ртом, кто просто с глазами размером с блюдца. Пара детей застыли, сомкнув ладони, хороший кадр запороть бояться. Куча просмотров на местном ютубе гарантирована — «Типичный завтрак Скотинина-младшего».

Матушка подскочила со стопкой салфеток, промокнула лицо, остатки каши были даже на ушах, — Что же ты Боренька, как же так, — в уголках глаз стояли слезы, — Все равно я тебя в обиду не дам.

Повернулась к родичам, загородив сына телом, — И что, что у моего мальчика хороший аппетит. Ему же ехать, учиться, ему силы нужны.

Вид у барона был не очень дружелюбный, лицо фиолетовое до черноты, кулаки стиснулись так, что кожа на костяшках начала потрескивать. Заговорил обманчиво тихо, растягивая слова, — Тихон, я велел кормить эту скотину перед завтраком, чтобы он на людях себя прилично вёл.

Знакомый слуга подбежал, согнулся, оттопыривая костлявую задницу, — Кормили, ваша милость, как есть молодой господин полный поднос пи-пирожков откусать и-и-изволил.

— Запор-р-рю, собака, два подноса ему приносите. Тут за столом леди сидят, баронессы. Дети, наконец.

Повернулся к молодым оболтусам, снимающим видео, — Надеюсь никому не надо объяснять, что происходит внутри нашего дома, остаётся там же. Увижу запись за пределами семьи, объявлю это предательством рода, — крутанул голову к стене, — сказал перед Оком.

Наконец повернулся в мою сторону, ткнул указательным пальцем, — Ты, ты, — шумно выпустил воздух, прикрыл глаза, будто считая до десяти, — Ты снова огорчил ты меня Боря. Пятого сентября в столицу, ни днём больше. Проходи свое зачисление, чтобы глаза мои тебя больше не видели. Факультет с общежитием выбирай, денег ни на квартиру, ни на порталы тебе не будет. И не забывай, территорию поместья без сопровождения Ока не покидать.

Завтрак продолжился в тяжёлом молчании, народ переглядывался, если и разговаривал, то односложными отрывистыми фразами. Я наблюдал за родственниками и вяло ковырял десерт, это было несложно, после целого поросся. Заметил пару интересных взглядов. Всего по чуть-чуть, злорадство, тревога, презрение, жалость, довольные ухмылки. Ничего, со всеми разберусь.

Возвращался в свою комнату тяжко. Вверх по лестнице это вам не вниз. Отдыхал на каждой ступеньке, наваливаясь на перила. Воздух вырывался со звуком работающих кузнечных мехов. Сердце билось с такой силой, будто пыталось вырваться на свободу. Про любые физические нагрузки пока придётся забыть, пока трехзначную цифру не сброшу.

Пара братьев и дядюшек обогнали на лестнице, демонстративно перепрыгивая через несколько ступенек. Отметил жалостливые презрительные взгляды. И что? Любимому сыну барона Скотинина и будущему блестящему ученику столичной академии не пристало скакать как горный козёл.

Футболку, мокрую как половая тряпка, пришлось кинуть у угол. Зыркнул в стенную нишу, привычной серой фигуры не было. Наблюдение не постоянное значит, только важных событий, типа первой брачной ночи аристократов, массовое скопление тоже. Хотя у меня всю ночь стоял и утро.

Поднял булку, которую утром швырял в спину Тихону. Вроде обычная выпечка. Ну подгоревшая с одного бока. Разломил пополам. В самом центре кусок непропеченного теста. Сразу не заметил, но качество не ахти. Завернул булку в носок. За завтраком в торте кусок соли попадался, чуть зуб не сломал. Чай белесой плёнкой покрыт, будто не кипятком заварен. Да и сам чай, как говорят, чайные полки подметали. Ещё мелочи есть. Странно, но повара семьи Скотининых на элитных явно не тянут.

Прости Боря, пора на процедуры. Тело как предчувствовало, что ему предстоит, ноги подкосились прямо на пороге ванной. Последние метры к белому другу преодолел стилем кашалота, выброшенного на берег. Очищение организма опять прошло с боем. Туша упрямылась и заблевала только оказавшись целиком головой в унитазе. Основательно почистившись, сунул голову под ледяную струю, пока в голове не прояснилось.

А ведь с физическими нагрузками не так все плохо. Точно есть, что тренировать уже сейчас можно. Ноги, носящие такое тело, не могут быть слабыми. Пару центнеров опрокинуть не просто, а чтобы это стало ещё сложнее — ноги пошире, центр тяжести пониже. Классическая же стойка сумо получается.

Поехали, ноги широко расставлены, ступни и колени разведены наружу. Приседаем, колени согнуты. Медленно поднимаемся, упор на пятки.

Резкая боль в ногах, в жопе, во всем теле. Лежа на кафеле в луже пота, вспомнил группы ножных мышц. Ягодичные, большие, малые и средние. Ага, ещё медиальная, приводящие, квадрицепсы и двуглавая мышца бедра. Все полыхало адским пламенем. Как же все запущено.

На четвереньках дополз до кресла, взгромоздился с помощью непечатных слов. Сука, одно приседание, а ощущение, что через мясорубку пропустили. Сердце билось такими

нервными толчками, что сразу стало понятно — никакой серьёзной нагрузки оно не выдержит.

Первый семейный завтрак можно считать состоявшимся. За окном разворачивалась очередная душевная картина, к воротам рядом с затихшим лекарем приколачивали Тихона...

(Палма. Белозерск, Волостной филиал Имперского инквизория, четвёртый отдел

Перед массивным дорогим столом стоит бритоголовый спортивный мужчина. В винтажном кресле развалился сидящий круглый мужичок с живыми глазами)

— Советник, доложи по вчерашнему инциденту?

— Лорд-инквизор, всплеск Злого ветра накрыл юго-западную часть империи и немного зацепил побережье. По характеру излучения — вероятность прорыва внешних сущностей больше восьмидесяти процентов. Пик пришёлся на 23:00, в это время пятьдесят семь человек кратковременно теряли сознание.

— Что по молодым дворянам?

— Четверо, лорд-инквизор. Племянник графа Скавронцева сломал ногу, катаясь на лошади, и сомлел. Четвёртый сын барона Скотинина подавился во время собственной свадьбы, очень любопытно в чувство приводили, от видео все четвёртое управление под столами валялось.

Хозяин кабинета рявкнул, — Не отвлекайся.

— Простите, лорд-инквизор, ещё один из близнецов хана Мамаева в алкогольной отключке и внука князя Румянцева падала в обморок.

— Отклонения в поведении есть?

— Так точно, у Егора Скавронцева. Остальные в пределах статистической прецессии. Скотинин сожрал тазик пирожков, унизил слугу и устроил обычный концерт за завтраком. Поведенческие паттерны совпадают до мелочей, от общения с молодой женой, до плевок в портрет Сильвестра. Румянцева расцарапала лицо служанке, сейчас на примерке ювелирки, два Ока ведут. Близнецы проснулись в одной постели и занимаются взаимодовлетворением. Видео могу переслать.

— Ещё раз предложишь мне такое, и твоя мечта осуществиться.

— Э-э-э, лорд-инквизор, мечта, моя?

— Да, советник, в младшей школе ты мечтал отправиться в Рваные земли искоренять мерзость. В твоём досье есть листик со школьным сочинением. Что по Скавронцеву?

— Вечером пытался говорить с Оком. С утра родных не узнает и вопросы задаёт глупые. Память говорит отшибло. Уже работаем.

Лорд-инквизор криво усмехнулся, — Картина ясная, кого к Скавронцеву послал?

— Все по протоколу, группу задержания, дежурную тройку инквизоров.

— Отбой задержание, отправь птоманта и развоплотите на месте. Нормального шли, не ниже четвёртой ступени, остальных наблюдать ещё сутки.

— Разрешите идти?

— погоди, Скотинин, Скотинин. Что-то знакомое, в сводках эта фамилия мелькала. Не его ли на учёбу вызывают?

Советник опустил глаза, — Так точно, лорд-инквизор, молодой Скотинин уже под наблюдением второго отдела, вызов в имперскую академию, именной.

Хозяин кабинета восторженно вскрикнул, в голосе прорезались нотки интереса, — Вот как! Почему не доложил сразу.

— Простите, господин, я думал это не относится к делу.

— Совпадение? Во всем, что касается безопасности империи, совпадений не бывает.

Усилить наблюдение. Пусть персональное Око следит за каждым его шагом.

— Лорд-инквизор, на наблюдение такого уровня нужна санкция Пилигрима.

— Под мою ответственность. Представь, что начнётся, если в имперскую академию проникнет враждебный разум.

Советник сгорбился и осторожно попятился. У самой двери голос начальника стеганул, заставив вздрогнуть и втянуть голову, — Стой, давай ускоримся, устрой ему проверку, как ты умеешь. Из прошлого что-нибудь копни. Живее, пока слизняк не освоился.

Явление 6

Только успел расположиться на любимом кресле, растёкшись как медуза, как в комнату влетело несуразное существо, сделало несколько кругов, незаметно оказалась на плечах и вцепилось в уши. Сестра Даша, на вид лет семи, но с энергией ядерной торпеды. Белокурые кудряшки глаза голубые как блюдца, но меня ангельской внешностью не проведешь.

— Братик, а ты опять башни рисуешь? Давай вместе нарисуем. А потом ты мне сказку считаешь, ну как в тот раз, если единичка появится.

Мерзкая девчонка, противная, как и все дети. Источник информации сомнительный, но другого то нет. Чуть пробубнил для приличия, — Ну чего, ну, — цапнул на столе пару целых карандашей и линейку, с одной стороны обкусанную, но миллиметровые деления на месте. Тупым перочинным ножичком подровнял кончики и незаметно отправил оружие в карман.

Даша бойко листала стопку, — Вот эту мы вместе рисовали. И эту. Какую сейчас нарисуем?

В рисовании башен не силён, но запачкать бумагу каракулями много ума не надо. Хочешь башню, будет тебе башня. Бороны художества повторить? Вавилонскую нарисовать или Эйфелеву?

— Хорошо, сейчас нарисуем, новую, полезную.

— Ура! Братик.

Брезгливо отодвинул прежнюю мазню, — Знаешь, с чего начинается чертёж правильной башни?

— Знаю, ты говорил, с фу, фу, фуднамета!

— Ха, а вот и не угадала. Чертёж башни начинается с того же, с чего и любой чертёж — с соблюдения размеров. Сначала надо нарисовать рамку.

Испортил десяток листов, пока приноровился к толщине карандаша и пальцам, которые не хотели его держать правильно.

— Вот это рамка? Зачем она?

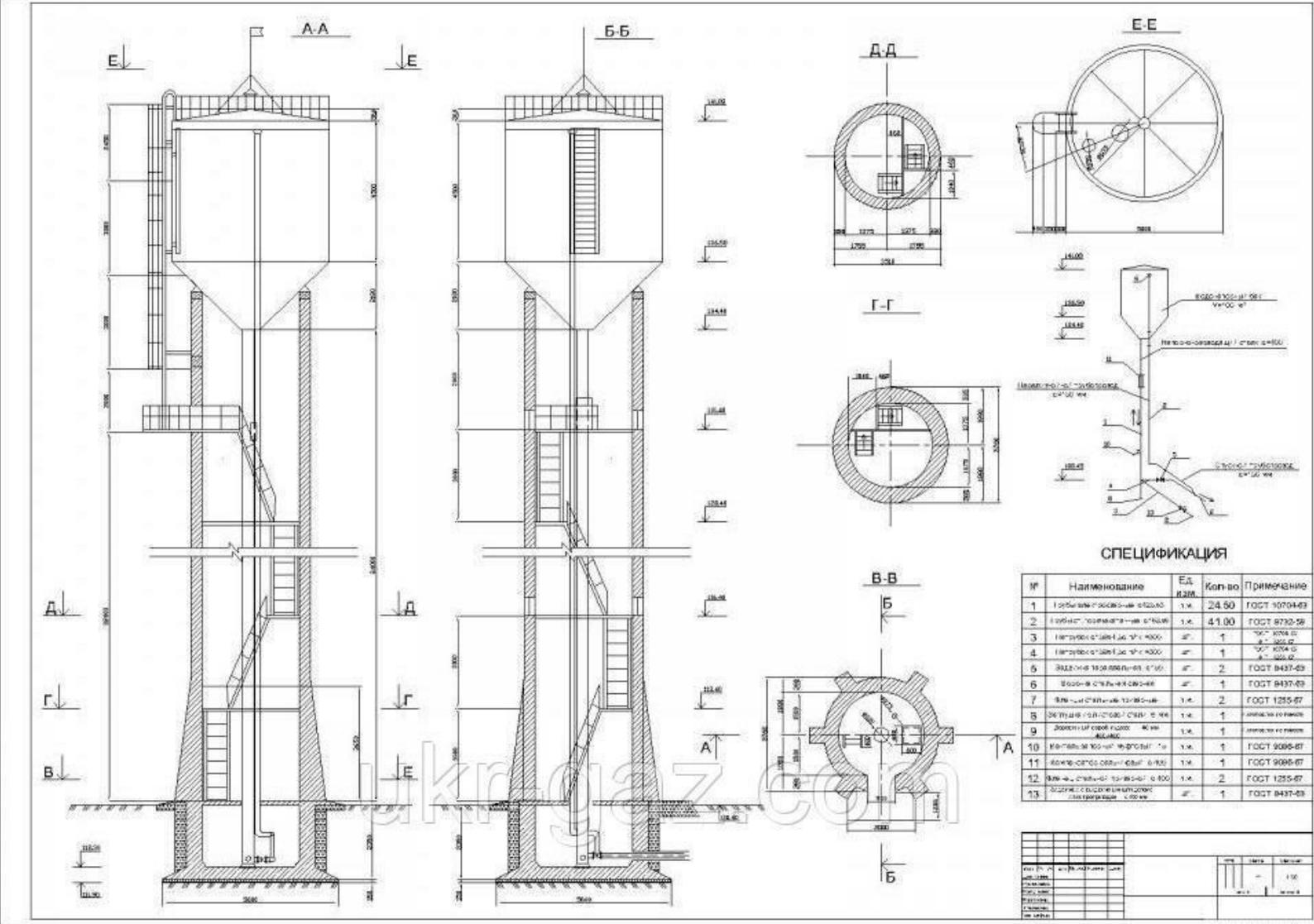
— Это рамка и основная надпись, без неё нормальной башни не получится. Без неё не чертёж, а мазня.

— А ты раньше не делал рамку, мы сразу башню чертили, — усомнилась сестра.

— Раньше я маленький был и глупый. И у меня вызова в академию не было. Теперь начнём башню рисовать, только сначала вот на этих, неправильных рамках потренируемся.

Через часик башня была готова. Самая что ни на есть обычная башня Рожновского, уместилось пара проекций и четыре ключевых сечения. Видно раньше Боря рисовал быстрее. Даша утомилась и начала клевать носом.

— Какая-то не очень красивая. А чем это башня полезная? В ней волшебник жить будет? А я тоже волшебницей буду, как папа. Видел какой у него хлыст? Ты тоже волшебник, только учишься. А Коля говорил, что ты никогда не сможешь колдовать, а я знаю, что сможешь. Зато Коля башни рисовать не умеет.

(Самая обычная башня, в ней волшебник жить будет)

— Конечно это очень волшебная башня, водонапорная. Если построить такую в городе, вода из крана будет сама течь.

Сестра оглядела чертёж с сомнением, — У нас же и так сама течёт, и холодная, и горячая. Странная башня получилась, на скелет похожа. Хотя даже лучше прошлой, все смотри ладошки скорее. Помнишь, если единичка появится, то читаем сказку!

Девчонка отвернулась и закрыла глаза руками, — Я не подсматриваю, мне мама говорила, что смотреть на чужую милость некультурно, приличные девочки так не делают.

— Мама правильно говорит, но это про чужих людей. Ты же моя сестра, какие у нас могут быть секреты?

Я включил интерфейс, увеличил главный экран.

— *Архитектура (открыто самостоятельно), ступень 2, прогресс 269 из 864*

Ах ты ж ёжики пресвятые. Утром было 241, на 28 единичек приросло. Если Борз каждой единичке радовался, бумаги на торчащие писюны столько перевёл, то значит результат очень серьёзный. Развитие виртуальных умений не игра ни разу, с реальными навыками связано.

— Есть единичка, где твоя сказка.

— Ур-р-а! Вот, я с собой принесла.

Раскрыл потрепанную книжку на середине. Такие выдавшие виды фолианты умеют сами открываться в нужном месте. Примерный уровень развития Бори оценил. Слюнявый палец заскользил по строчкам. Начал читать медленно, проглатывая окончания:

В древности мир был другим. Люди не знали страха, не знали обиды и боли. Когда Нерадивый впустил в мир Злой ветер, Вечный ученик и его двенадцать верных Пилигримое заслонили Палму ладонями, защитили людей и подарили миру путь к спасению...

Алфавит, грамматика совпадает. Никаких ятей и ижиц, обычный русский текст. Читать заново учиться не надо, и на том спасибо.

Даша взвизгнула, устраиваясь на моем колене, как на подушке, — Нет, дальше, это мы уже читали. Давай вот тут.

...

Две с половиной тысячи лет назад в семье плотника Йошена и простой женщины Маруши родился долгожданный младенец. Сын плотника, ученик плотника ему суждено было постигнуть тайны ремесла, стать гордостью отца и величайшим плотником, каких еще не видел мир. На небе зажглась новая яркая звезда...

Мастера-краснодеревщики с востока, ведомые новой звездой, пришли к главе гильдии плотников уважаемому Юроту и спросили:

— Почтеннейший, где мы можем увидеть рожденного Великого мастера? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему.

Завистливый, коварный и злобный Юрот, у которого были никчёмные и ленивые сыновья, встревожился известием. Он попросил мастеров, сообщить, как только найдут младенца, чтобы и он мог пойти и поклониться ему...

(Даша. — Нет, дальше, это мы уже читали...)

Дверь распахнулась без предупреждения и стука. Влетела разъярённая фурия в виде здоровенной рыжей дылды. Автоматом отметил, Лилия, дочь Розы, сводная старшая сестра. Лицо ещё детское, в веснушках, размером с тарелку, но или костюм на три размера меньше, или формами перезрела. Причем со всех сторон. За завтраком далеко сидела, да и в роликах никак не пересекались. Сразу повеяло недобрым.

Вслед бесцеремонно зашла статуя в сером, заняла своё привычное место. Виском начал ощущать почти физическое давление.

Деваха сходу выдала, — Ага. Опять ты тут, негодница мелкая. Я её ищу значит, а она тут.

Даша заметно испугалась, метнулась за моё кресло, — Я с Борей, мы сказку читаем и башню рисовали. Хочешь покажу?

Зашмыгала носом, — Братик, зачем башню помял, красивая же.

Потрепал сестру по голове, скомканный листок отправился в карман, — Завтра ещё красивой нарисуем.

Нечего посторонним мои рисунки видеть, тем более за них прогресс пошёл.

Рыжая топнула, — Ну, мелкая, я за тобой присматриваю, по всему дому бегать должна? Марш в свою комнату.

Сестра захныкала, робко подняла на меня глаза, — Боря, можно я останусь?

Рыжие брови столкнулись, как две грозовые тучи, деваха выдала — Я кому говорю? Даша, ко мне, немедленно!

Меня не замечает демонстративно. Прислушался к себе, Боря, подсказывай, как себя вести. Внутри затеплилось слабенькое возмущение, скорее раздражение. Ага, сигнал принят.

Поднялся с кресла, — Ты, это, полегче с девочкой.

Зеленые глаза расширились от негодования, — Ты что-то вкнул, боров? Давно в грязи не валялся?

От такого напора я сразу немного сник, — Я чего, это.

Сестра шагнула вперёд и резко крутанулась вокруг своей оси. Инстинктивно зажмурил глаза, не успел ни отступить, ни поднять руки, лицо пронзила острая боль. Тычок в грудь и мягкий удар по затылку. Спасибо паласик, выручил.

Девушка удалилась, вальяжно покачивая бёдрами. Заметил, как на конце метровой огненной косы вспыхнули и погасли серебристые искры. В двери развернулась, обожгла презрительным взглядом и уволокла хнычущую девчонку.

(Лилия смотрит на Борю, как на говно...)

Полежал минуту, глядя на кровь на руках, с кряхтением поплёлся в ванную, точнее гордо прошествовал на четырёх костях, подняться удалось только держась за дверной косяк. Лилия, по-моему, тебе замуж пора. Если с таким характером смельчаки найдутся. Подери его Нерадивый, хоть и не понятно, что за хрен такой. Так же глаза выбить можно. Висок разодран, переносица кровит, веки и то расцарапаны. Куда око смотрит?

Око смотрело в никуда и одновременно на все сразу. Стоит родимый, ручки сложил, будто так и надо. А тут, между прочим, любимого сына барона Скотинина хулиганы чуть зрения не лишили.

Повесить бы щеколду, только как Око ходить будет? Может уткнётся в закрытую дверь и уйдёт нафиг?

Умыл морду, налепил на нос бумажку. А интересные сказки, напоминают что-то, жаль книжку забрала сестрёнка. Что-то в прошлом нехорошее произошло, когда все жили счастливо, и внезапно приехали. Когда это произошло, в какой исторический момент? Намёк на события за давностью в пару тысяч лет.

(Усадьба Скотининых, восточное крыло, открытая терраса.

Слуга раздувает медный самовар. Братья Бориса готовятся к вечернему чаепитию. Николай бегает вокруг стола и машет руками)

— Петя, он отдал долг.

— Петя, слышишь, он отдал долг!

— Ты же говорил, что он его никогда не отдаст, лучше хариту обнулит.

— Брат, почему ты молчишь?

Петр долго мялся, наконец проговорил медленно, чеканя слова, — Все верно, говорил. Это не мои слова, это умные люди подсказали. И так было.

— Что, чего? Опять эти твои? Чего было?

— Так было, но изменилось. Борис всегда меня боялся.

— Да, а сейчас?

— Боялся, понимаешь? Я это понимал. И он понимал, что я понимаю. Он же не такой тупой, как... некоторые. Я же никогда его не задираю сам. Когда ты над ним издевался, я просто стоял рядом. Но он все понимал и боялся именно меня.

— А что поменялось, не боится? Да от вызова крышу снесло.

— Я два раза встретился с ним взглядом и мне не по себе. Не просто не боится. Он посмотрел как на пустое место, понимаешь? Никаких эмоций, не страха, ни интереса, ничего. Если бы он нашёл способ отомстить, злорадство было бы.

— Он же уедет скоро, вот и радости полные штаны.

— Не похоже, не пахнет радостью. Облегчение бы ощущалось или ехидство хоть какое. Хватит мельтешить, ты к Елисеевым ходил?

— Да говорил с Виктором. Посидели в кафе, в сатранг сыграли. Он сам про Борк разговор завёл. Все выспрашивал, чем занимается, интересуется, как учился, друзья кто. Ну побольше хотел узнать про нового зятя. У них вся семья переживает, в какие руки Тамара попала. Я ему всю правду разложил: «Трусливый шакал, только жрать, срать и под мамкиной юбкой прятаться». Рассказал пару историй. Сильно его мои слова трянули.

— Коля, я аккуратно просил, ты зачем сразу все вывалил?

— Куда уж аккуратнее, зато как проняло его. За любимую сестру он на все готов. Короче, он найдёт человека, который все решит. Окончательно! Десять тысяч это будет стоит и десять процентов ему за хлопоты. Я уже копилку потрусил. Три тысячи прямо сейчас есть.

— Погодь, что-то легко согласился. Не может быть, что в деньгах дело. Забыл, с кем связался? Это же Елисеевы. Для них десять штук — как нам мороженное купить. Или эти торгошники нашими руками хотят жар подгрести, или вообще подстава. Не дёргайся, посоветуюсь с умными людьми.

— Что-то твои умные люди в последнее время...

(Усадьба Скотининых, комната Бориса)

Око, око, что же ты такое? Одновременно видел пару. Абсолютно одинаковые, рост, фигура, походка. Не бывает абсолютно одинаковых людей. Жесты, эмоции, все индивидуально. Что-то у них для обмана зрения. Не только зрения, ходят бесшумно, запахов нет, все движения экономные, плавные, буддистские монахи отдыхают. Или как у автоматов, может это быть машина? Лица ни разу разглядеть не получилось. Электричество тут есть, почему бы и роботам не быть? На ладонях у них камни как у всех. Опять же, ни едят, ни пьют, всю ночь спокойно простоять могут.

Включил, пересмотрел ролик с обеда. Окно открыто, свечи не ровно горят, задувает так, что скатерть заворачивается, а полы балахонов у этих наблюдателей не колышутся. Что-то их окружает, защищает. Невидимый кокон, поле или магия в действии. Если наблюдатели такие в каждом доме, нет-нет да увидят то, что некоторые предпочли бы скрыть. Организация, которая их послала, защитить своих слуг должна. Или они ничем не пробиваемые, или за нападение на Око смерть немедленная и ужасная. А может и все вместе.

Некстати кольнуло. Раньше такие размышления мне же вообще были не нужны, в голове сама мозаика выстраивалась. Трех-четырех пазлов достаточно, чтобы всю картину видеть. Какой же ты тупой, Боря. Пора начинать это исправлять. С абстрактным мышлением глубокая дыра. За эту область много чего отвечает, но основа — это математика.

Прикрыл глаза, начал повторять таблицу умножения. До пяти без проблем, вперёд, назад, вразброс. Значит Боре знакомо. Остальную школьную хуже, ответ всплывает не сразу, с задержкой, лёгкое покалывание в висках. После десятки совсем тяжело, на двенадцать, тринадцать ещё смог осилить, морщась от рези в голове, дальше беспросветный мрак. Как же так, я Левушку на ментальную арифметику водил, до двадцати свободно умножал.

Нарушила печальные размышления матушка. Вбежала как на пожар, начала метаться по комнате, — Боренька, уездный исправник прибыл, с тобой поговорить желает, по дядьке.

Я недовольно хрюкнул, — какого ещё дядьке, ну?

— Сыночек, родимый, про то, как ты тело нашёл. Ах, маленький мой. Это же какой ужас для ребёнка, человека в петле увидеть. Это вот этот самый — стресс. Паскуда, не мог подальше повеситься, ни на глазах моего родненького. Я же ему доверяла, он же тебя с малых лет, и сопельки вытирал, и одевал, и в школу, и вот на тебе, удавился.

Я встрепенулся, — Кто пришёл, инквизор?

Матушка всплеснула руками, — Упаси Вечный ученик, какой инквизор, простой исправник, местный. Не волнуйся смерть баронских его не шибко касается, это дела наши, семейные. Отец ему заплатил, пусть разбирается, от чего дворовые в петлю лезут. Ну вот чего им не хватает, если к ним со всей душой, а они в петлю.

Понятно, чего не хватает, отношения людского. Покосился на окно, вон у тех бы спросили, на воротах прибитых. Не было печали, слуга значит мой вздёрнулся. Хотя не удивительно, от общения с Борей и застрелиться можно, первым попавшимся столовым прибором. Не первый случай, а раз барон следователя позвал, не чисто дело. В петлю без причины не лезут.

Что я знаю про исправников? Не мелкий чин, уровня начальника полиции. Но тут прошлые знания не помогут, чувствуется, что все наизнанку.

Мама продолжала, — я позову, приглашу, государев человек, ждать не привычен. Ты не переживай, расскажи, чего видел. Я рядом постою, если чего мы его в шею раз.

Я её остановил, надо бы информации побольше выудить, — Мам, погоди, а вдруг он меня арестует, — скуксил плаксивую рожу, — Я не хочу в тюрьму, там кормят плохо.

Матушка подбежала, обняла, — Маленький мой, да как же арестует то, кто ему позволит? Да мы его, — и внезапно тоже разревелась.

Надо ей сознание перегрузить, пока плывёт, — А ещё меня Лилия обижает, вот смотри как лицо поцарапала. И Дашу за руку дёрнула.

— Ой, бедненький мой, уж поговорю с Розой, так поговорю, ох устрою. Ой, нельзя говорить с Розой, барон нервировать запретил. Дождусь, когда родит — потом поговорю.

— А как же исправник, он меня бить будет?

— Да как же бить, ты же аристократ, на тебя даже голос повышать нельзя.

— А ещё меня Коля за обедом вилкой тыкал, вот прямо в бочок.

В процессе утешения друг дружки потихоньку вытянул, утром проснулся Боря, пора одеваться, а Тимофея нет. В колокольчик звонил, орал, ногами топал — не идёт. Разозлился, толкнул дверь в смежную комнату и носом в болтающиеся калоши, по которым моча стекает.

Да тут не просто стресс, тут травма детской психики. Невротической депрессией пахнет и прочими фобиями. Не понимаю, где толпа психотерапевтов. Куда матушка смотрит?

Исправник вошёл почти строевым шагом, щёлкнул каблуками. Обернулся в восточный угол, поклонился на образок с ладонями, сложив свои лодочкой. Ещё ниже матушке, по мне мазанул взглядом вскользь, как на недоразумение. Ну, к таким взглядам я уже привыкать начинаю. В возрасте мужичок, китель потёртый, розовая проплешина, но остатки военной выправки не спрятать. Лицо открытое, честное, красный нос и мешки под глазами выдают любителя зелёного змия. Любителя, почти перешедшего в профессиональную лигу.

Око выдвинулось из ниши и сделало пару шагов, заинтересовалось тоже.

Седые усы дёрнулись, — Борис Антонович, простите покорно, вопросов пара для отчётности перед Антон Петровичем.

Вижу нервничает, но храбрится, виду не подаёт. Прямо в глазах печаль — «И что я тут время теряю». Не в восторге от общения с аристократами, не в своей тарелке. Как я тебя понимаю.

Я оттопырил губу, сказал важно, с закосом под голос барона, — Ну чего, ну.

Исправник развернул планшетку, обычную кожаную, выудил огрызок карандаша, — Борис Антонович, вы тело обнаружили 22 августа в 9:30 утра.

Не понятно, то ли вопрос это, то ли утверждение.

— Ну чего, ну, проснулся, одеваться, а его нет. Ну я это, громко крикну, потом его нет. Ну и это, а он там.

— Ага, Борис Антонович, дальше что было, пожалуйста, каждую мелочь.

— Да что, то было то. Вот, сам я.

Усы исправника поползли в стороны, — Как, чего сам?

— Ну сам, сам это, штаны надел.

Исправник что-то покарябал в блокноте, — Утверждают, что кричали вы сильно, так что весь этаж сбежался.

— Да брешут, вот, что там вскрикнул разик. Да и не вскрикнул даже, а так.

— Ага, понятно. А скажите, Борис Антонович, вы криком подзываете дядьку, или в

колокольчик звоните? Вот же у вас на столе колокольчик.

Дался ему этот колокольчик, — Да, в колокольчик, чего. К столу вот встать надо. А утром с кровати, вот.

Госпожа Милослава, я попрошу Бориса Антонович, извольте, покажите как увидели и стояли как.

— Ну чего, ну, — нехотя поднялся, покосился на родительницу и поплёлся к двери.

Матушка подала голос, — Не трогали ничего там, барон то не велел. Все как в первый день, только тело забрали, ваши же, это открытие делать.

— Вскрытие, ваша милость. Так положено причину смерти устанавливать.

— Чего заладил, понятна причина, повесился же!

Исправник осторожно поправил, — Наше дела маленькое, госпожа Милослава, инструкции. Повесился — это не причина, способ это.

Я толкнул дверь в смежную комнату. Крюк на потолке с обрывком верёвки — красноречиво весьма. Обычная комната, как в коммуналке, она же и спальня, и кухня, и мастерская, и ещё нерадивый знает что. Табуретка на боку. Прикрыл глаза, втянул воздух. Нет запахов, вообще никаких, как в стерильной лаборатории. Не бывает так, тут человек жил, трудился. А может нос у меня не годный ни на что, хотя, когда блевал в унитазе запашок чувствовал.

Я развёл руками, — Ну, вот, это.

Высоченный потолок, как и у меня, метров пять. Если ничего не трогали, то с такой табуретки до крюка не достать. Оглядел комнату — стол у окна, массивный, в одиночку не сдвинуть. Пол чистый, свежих царапин нет. Койка хлипкая. Нет тут ничего, чтобы такую верёвку в одиночку привязать. А не помогли ли моему дядьке? И никому такая мысль не пришла? Если калоши в нос, то почти на уровне роста висел. Как тогда на табуретке стоял, тут что дебилы все?

Эх на тело бы глянуть. Руки аж зачесались. Следов борьбы в комнате не видно, вот пара топоров на полке. Ножи на месте, целая коллекция, кочерга. Краем глаза заметил, что Око пялится только на меня, что реакции какой ждёт?

Сколько не тужился, слезу выдавить не смог, никакой из Бори актёр. Пришлось незаметно надавить на уголки глаз. Чуть не перестарался и выковырял себе зенки, но вроде подействовало. Запрыгал носом, заныл, размазывая соплю.

Исправник, глядя на моё выражение чувств, вздохнул, — Господа Милослава, а мальчик то к дядьке сильно привязан был.

— Как сильней то. Они же вместе с распупка самого. Боренька же за ним как хвостик ходил. Он же Бореньку за ручку водил. И в школу, и...

На середине фразы исправник выронил планшетку и схватился за ухо, точнее ладонью его придавил. Сначала говорил медленно, вышагивая как цапля, потом начал ускоряться. Под конец затараторил заискивающим голосом: — Да, у Скотининых. Да, господин. Так точно, господин. Не извольте сомневаться. Имею честь свидетельствовать. Моё почтение. Будет исполнено, господин. Примите уверения, доставим в лучшем виде. Сию минуту, немедленно.

С каждым словом он становился будто меньше, военная выправка таяла. Плечи поникли, колени согнулись. В окончание разговора начал невидимому собеседнику кланяться, стуча подбородком в грудь. Интересный разговор. Попытался представить, кто мог серьёзного начальника местной полиции заставить трястись до дрожи в коленях.

Представил и почувствовал, как по спине побежала струйка пота. Не к добру.

Наконец служитель закона выправился, повернулся, проговорил, старательно пряча глаза, — Госпожа Милослава, у меня приказ, пригласить Бориса для беседы в участок, — голос поменялся, взяв официальные нотки, — сию минуту немедленно.

Матушка опешила, — Да зачем Боренька то, он же все сказал, да я могу и сама поехать. Да, что, да вас барон, да сейчас я, ты что себе позволяешь...

Взгляд исправника обрёл твёрдость, мелькнула и ту же исчезла искорка лёгкого злорадства. Похоже и на аристократов нашлась управа, — Ваша милость, наше дело приказывать. Вот ловите на милость, выставил ладонь вперёд.

Матушка тоже протянула руку. В другом конце комнаты, между прочим. Здорово так информацией обмениваться. Мне, как водится, ничего не предложили.

— Что у тебя там за писульки. Беспредел, совсем страх потерял, произвол. Вот барон узнает, не только от участка, от всей управы камня на камне...

В середине тирады женщина побледнела, прикипев взглядом к ладоням, начала хватать ртом воздух. Разом осунулась, будто похоронку прочитала.

— Борис Антонович, пройдёмте в экипаж.

— Я чего, это, — подбежал, схватил матушку за руку, — Как это, вот.

Матушка аккуратно поползла по стенке вниз и отстраненным голосом прошептала, — Сыночек, ничего не спрашивай, езжай с господином исправником, — закусил губу до крови, — Я буду держать за тебя ладони...

Это же надо перепугаться так. Ну надо, значит надо. Или всё-таки не надо? Ничего он меня сейчас не зависит. Ничего не знаю, нихрена не понимаю. Мелькнула мысль удрать — так ведь некуда, не знаю никого, да и уйду максимум шагов на пять.

Лез в карету с кряхтением, высоко ступенька. Пыхтел, если бы исправник не пихал сзади, точно бы поручень оторвал. Плюхнулся у окна, мало ли, на город посмотреть удастся. Следом запрыгнул сам исправник и всплыло Око, придавив невидимым взглядом.

Показная почтительность в голосе исправника растаяла, — Борис, милость не являть, никому не звонить, держи на виду руки.

Задёрнул занавеску из плотной ткани, убедился, что щёлочки не осталось. Ну не очень-то и хотелось.

Я вякнул для храбрости — Да тебя баран в бароний рог. Ой, барон в бараний рог скрутит и всю эту вашу.

Вот как меняет людей власть, исправник рявкнул совсем другим голосом, твердо, — Прикуси язык, пока его тебе не укоротили. Барон далеко, а я здесь. И только от меня зависит, вернёшься ты назад или рядом с дядькой приляжешь.

— Что? Я знаешь что? — Я в академию еду, в имперскую. Да меня.

Исправник наклонился и резко хлопнул пальцами по челюсти снизу вверх. Зубы клацнули, прикусил щеку и сразу ощутил во рту солёное.

Ой. Пучим глаза, ноздри раздуваем. Гнев, ярость. Дышим тяжело, можно даже кулаки стиснуть. Пальцы в рот, щупаем щеку. Смотрим на кровь. Глаза шире, испуг, страх. Стадия мажора, которому все можно, плавно переходит в напуганного подростка. Причём раньше не пуганного. Недоумение, обида, шок...

Дорога заняла минут пятнадцать, прошла в тяжёлом молчании. Только чувствовал сверлящий взгляд с одной стороны и мягкое давление с другой. Механически фиксировал скорость, пытался запоминать повороты, кочки. Голова через минуту напомнила адской

резью — не надо запоминаниями увлекаться.

Кому-то меня о чем-то спросить захотелось. Таким тоном, что матушка в осадок выпала. А только ли из-за разговора меня выдернули. Может убрать от барона подальше? В любом случае развязка не за горами. Интерес не здоровый, подозревают меня в попаданчестве, ежу понятно. По-крупному вроде не залетал, но хорошему спецу и мелочей достаточно. Пока стратегия одна — под дебила косить.

Обычный провинциальный участок полиции, или проще чиновничья контора. Неприметная серая женщина в очках подвела к футуристической конструкции, похожей на рукоять перископа. Гнусавым голосом пояснила, — ладони на ручки, обхватить плотнее. Лицо к маске прижать. Не дёргаться, смотреть на яркий свет. Все, слепок милости готов.

Вежливо пригласили в кабинет, усадили за стол.

На столе графин с водой, пачка сигарет, пепельница. Хоть одна хорошая новость — табак здесь, слава Вечному ученику есть. Стол не перевернуть, ножки к полу привинчены, отодвинул табуретку к самой стене, господину моей комплекции, простор нужен. Из-под потолка слепит так, что глаза слезятся. Прямо киношная допросная, не хватает только стены из тёмного стекла. Обернулся, так нет, вот же она. По всем канонам должны подержать тут с часик, мариновать, наблюдая поведения и срисовывая профиль.

Не угадал, исправник вошёл почти сразу, по-деловому повесил китель на спинку стула. Нехотя открыл папку, размером с дело на маньяка, орудующего десяток лет. Начал листать, поплёвывая на пальцы.

— Ну что, Борис Антонович, закурить не предлагаю, это дело не жалую, но водички попить стоит. Нам предстоит долгий разговор, тяжёлый.

Глаза старательно прячет. Стыда не ощущаю, не та это должность — начальник полиции, чтобы перед прыщавым жирным подростком неудобство чувствовать. Но что-то тяготит. Я засопел сердито, закурить очень бы не помешало, протянул руку к стакану. Зубы лязгнули о край, выбивая тарантеллу. Трясущимися руками пролил половину на грудь.

— Я чего, вот, дяденька исправник.

Полицейский придавил взглядом, — Скажем так, положение твоё, Борис, очень незавидное. Я, конечно, постараюсь тебе помочь, но сейчас все будет зависеть только от тебя.

Делать перепуганное лицо было совсем просто. Стоило просто расслабиться, и Боря сам начинал мелко трястись и покрылся липким потом.

Исправник продолжал, — В прошлом году вы с классом были на экскурсии, и ты совершил проступок, имеющий, так сказать, очень серьёзные последствия.

Не имею ни малейшего понятия, что там была за экскурсия, и чего я там натворил. И гражданин исправник сейчас в этом убедится. А также наблюдатели за стеклом.

Выдавил из себя, — Я чего, ну, я чего, сын барона Скотинина, а они твари безродные.

— Борис, не надо ругаться, пожалуйста, весь день с самого начала. Эти, как ты выразился, «безродные» — вассалы вашего рода, между прочим.

Вспомнил совет из далёкого детства, душевный кочегар Степаныч был в интернате. «Знаешь, Борис, я двадцать лет по лагерям и выжить мне помог принцип — никогда и ни в чем нельзя признаваться. Вообще никогда и ни в чем. Если тебя с фотоаппаратом поймали над секретными документами, говори — «Материал для стенгазеты». Если жена на бабе застукала, повернись и ори «А-а, Люся, это кто меня за член схватил». Я тогда не понимал — за какой член хвататься надо, но урок усвоил.

— И вообще это все не я, это Метёлка, вот.

— Дмитрий Метелкин? Тебя в его показания носом ткнуть? Да он же больше всех пострадал.

Контакт Метелки в милости на видно месте. Что бы я там не натворил — не смертельная обида.

— Да чего вы ерунду вспомнили то, все решено же давно, правда? Метелка — мой лучший друг!

— Ничего не решено, Боря, давай весь день с самого начала.

До последнего буду под дурачка косить. Сейчас моя задача просто выжить. Намотал сопли на кулак, тихонько заскулил, — Чего с начала, ну. Да там черви безродные все. Я что, отец мене, это, я кушать просто хотел, вот.

Исправник пропустил мой пассаж, резко приблизился, — Ты ещё ничего не понял, засранец. Не поможет тебе Барон. Тебе теперь вообще ничего не поможет. Опёрся руками о стол, нависая перед лицом.

— Ну чего, вот, я башню рисовал. А потом это. Лясандра, вот...

Глаза исправника загорелись хищным блеском, — Олеси Мухиной не было на экскурсии.

Прозвища всех друзей знает. Прицепился, как клещ к мошонке.

— Я же про это, что не было. А она всегда с собой пирожки берет и вафли, и мене даёт. А я кушать захотел очень. Понимаете? Я и сейчас вот, тоже кушать хочу.

Следователь повёл носом, заметил лужу под стулом, мокрые штаны и резко отпрянул, — Ты что обоссался, говнюк ничтожный, да я тебя, — рука взлетела для оплеухи.

Я зажмурился и пропищал, — А-а-а, дяденька исправник, не бейте, не сажайте в тюрьму, я все расскажу. Это все из-за сатранга.

— Причем тут....

Приближающуюся развязку отодвинул пронзительный голос из коридора, похожий на визг бензопилы, — Где младший Скотинин? Я вас спрашиваю. Допрос несовершеннолетнего без присутствия родителя? Слепок милости без представителя рода? Допрос аристократа без уведомления канцелярии графа? Все кровью умоетесь.

Дверь открылась. Исправник приобнял меня за шею, повернулся к высокой деловой старухе в строгом костюме. Просто вобла сушёная, от которой расходилась аура силы и власти. Нос крючком, как у хищной птицы. Серые волосы стянуты в дулю на макушке.

— Ваша милость, как можно, какой допрос, просто сидим, беседуем, водички попили. Запахло от исправника гораздо хуже, чем штанов, на которые я пролил воду. Скажи Борис, не было никакого допроса, — исправник скорчил зверскую рожу и сдвинул мне шею так, что в глазах заплясали мушки.

Я выдавил из себя, — Ну чего, вот, да, сидим.

— Немедленно объяснитесь!

— Да, ваша милость, конечно, токомо Борису в таком виде не совсем удобно. Надо бы ему одёжку сменить.

Престарелая леди оглядела меня внимательно и задохнулась от возмущения, — Так тут не просто допрос, тут психологическое давление и пытки. Матвей Фомич, похоже последний год перед пенсией вам придётся городовым за полярным кругом. Как раз некому ехать расследовать в артели ссыльных случаи каннибализма.

Исправник заметался, — Нервы, нервы сдали. Виноват я, напомнил Борису Антоновичу

про дядьку, вот он и расстроился. Слуга же у него повесился.

— Я это, простите, ма-ма.

Леди глянула на меня холодными рыбьими глазами, — Я тебе не мама, смените мальчику одежду и немедленно назад к родителям. К вечеру в канцелярию рапорт по инциденту.

Очень резво пара бравых служак подхватили меня под руки и повели по коридору. Ноги сами идти отказывались. Один поворот, второй, ступеньки. Эй, кажется выход в другой стороне. Обрадовался рано.

Обратил внимание на мелькнувший в конце коридора затылок. Женщина наголо бритая, гимнастёрка, португеза, брюки-галифе, но взгляд зацепился не за выдающуюся филейную часть, которой Боря любит втихаря. Кобура на поясе, первая кобура, которую в этом мире увидел. И ещё жест левым плечом, будто бретельку собирается сбросить. Где такой видел?

Втолкнули в неприметную дверь. Прикрыл глаза от резкого света, втянул знакомый запах, всколыхнувший живые воспоминания. Точно морг. Белая кафельная комната, каталка с накрытым трупом. Инструменты, стеллажи с реактивами. Исправник подошёл, откинул угол с лица.

— Борис, извиняться не буду, инструкции у меня и приказы. Давай скорее, раз ты домой едешь, забирай своего дядьку, суши штаны и езжай на все четыре стороны. Новых не найдём, нет такого размера.

Интересно, видел ли Боря мёртвых людей? Да и ещё и близко так. Око за спиной. Царапающий взгляд больше никогда не забуду.

Я переломился пополам взревел, выпустил вязкую слюну и сделал вид, что блюю на ботинки исправника. Матвей Фомич мгновенно отпрыгнул, как горный козёл. Не знает гражданин исправник, что Боря с едой расстается неохотно. Вида свежего трупа для этого точно недостаточно.

Ага, точно, свежий. Суток не прошло, а дядька неделю лежит. Свиныю за ёжа мне тут суют.

— А ну не блевать, соберись, это просто тело твоего дядьки. Приди в себя, Боря, ты же аристократ, а не тряпка. Будь мужчиной, командуй дядьку забирать.

Я на дрожащих ногах приблизился, охнул, — Чего вы это. Не дядька это. Это мужик незнакомый.

Исправник забегал глазами, — Как же не дядька, — сдёрнул простыню целиком, повысил голос, — Внимательней смотри, ты что выйти отсюда не хочешь?

Я пролепетал, — Не может это дядька быть, что я дядьку своего не узнаю?

Исправник подхватил меня под руку, поволок к следующей двери, — Не дядька говоришь..., толкнул в новое помещение, в котором было заметно холоднее. Столов больше. Одиннадцать штук. Одним взглядом окинуть не получилось, пришлось делить на две группы — пять и шесть. А раньше я мог пару десятком объектов сходу выделять. Тела на пяти, все прикрытые, одни ноги с бирками торчат.

— Раз там не дядька, сам своего слугу выбирай.

Ну так с этого и надо было начинать, развели целый спектакль. Кровь из носу, но исправнику надо меня прямо сейчас разоблачить. Перед воблой оправдаться. На северный полюс городским никому не охота.

— Ну чего, ну. Я маменьке все расскажу, и дядьке, и барону. И графу Собакину, вот. И вообще, поеду в академию и самом Императору пожалуюсь. Нельзя аристократов бить.

— Поговори мне тут.

— И ещё вот — инквизору.

Надо же, подействовало. Исправник выдал другим голосом, дружелюбнее и тише, — Борис Антонович, зачем жаловаться, накладочка вышла. Ваша правда, не дядька это был. Тот, кто ошибся наказан будет, обязательно. Хочешь, мы его даже уволим!

Инквизора опасается, а кто тогда его крышует?

Пять трупов в комнате, больше быстро не нашли, ну и слава этому Вечному ученику. Простынями накрыты под горло. Похожи здорово, все мужики в возрасте, бородатые.

Исправник отбросил в сторону очередную тряпку, — Сюда смотри, этот? Забирай.

Точно не мой клиент. Трупные пятна красноватые, такие только после отравления угарным газом. Не просто запах, тухлятина химией забита. Для неподготовленного человека это же вонь адская. Да тут к бабушке не ходи, надо в обморок падать. Взвизгнул и обмяк, складываясь как здоровенный куль с требухой. Приложился лбом об угол стола. Вскользь, от такого рассечения брови обычно крови как с кабана. Ткнулся носом в пол. Может припадок какой сообразить? Или не стоит переигрывать.

Перевернули. В лицо прыснули водой и отвесили пару оплеух. Та же пара полицейских молчаливые, крепкие, как санитары психнеотложки. Вздёрнут сейчас не как солидного гражданина, имеющего вес, а будто нашкодившего котёнка. Попытались, но каши мало ели. Получилось только оттянуть шкуру на полметра. Интересная работа у Ока, всякую дичь снимать.

— Да, Борис, не хочешь ты похоже домой.

— Простите, что-то плохо мне. Хочу домой, хочу. Простите, дяденька исправник. Мне страшно, ма-ма-ма.

— Ну так вставай и смотри внимательно.

Второй на дядьку больше похож. След от на шее едва заметный, только не висельник это. Сзади душили и не верёвкой, а тонкой проволокой, нет, скорее цепочкой.

Четвёртый прикрыт, горла не видно, но рука свалилась, кисть из-под простыни выглядывает. Ногти чёрные, вьевшаяся грязь, земля, уголь. Не может у баронского слуги таких рук быть. Простой работяга, шахтёр, крестьянин. Подробнее бы сказал, если мышцы, мозоли пощупать.

Пятый утопленник явный, одного взгляда достаточно. Я их каждый купальный сезон столько потрошил, сколько исправник за всю жизнь не видел. Вернулся к третьему телу, вариантов нет, только этот остался. Безобразный шов через грудину, живот вздутый, и запах. Ну так понятно, неделю лежит, а то, что вскрыли — так смерть не своя, морг при участке для этого и нужен.

— Дядька Тимофей, как так то, вот же он.

Сдулся исправник резко и бесповоротно, как крышка, словившая гвоздь. На пару сантиметров ниже за секунду стал. Мелькнуло разочарование, досада, страх, значит угадал точно.

— Вот помню он завсегда мне штаны одевал и шнурки завязывал. И на лошадке меня катал. А ещё мы с ним на рыбалку и...

— Хватит болтать, вопросов нет больше, — добавил бесцветным голосом, — Отвезите пацана домой и тело прихватите. Хотя стойте, оставьте нас на пару минут.

— Борис, признаюсь я немного погорячился, перегнул палку.

— Ну чего, ну.

— Да, говорил немного грубо, пугал тебя. Но ты же понимаешь, игра это такая.

Очередная подстава или нет? Не верится, что матерый исправник перед пацаном извиняться собрался.

— Матвей Фомич. Да я все понимаю. У вас же эти — инструкции.

— Это хорошо, что ты понимаешь. Вот только барон может не понять. И леди, которая отвлекла, может вопросы начать задавать.

— Понимаю, Матвей Фомич. Все правильно барон поймет. Вы же как лучше хотели. Вам преступников ловить надо.

— Вот и хорошо, что ты такой понятливый. Давай я тебя сам отведу.

В конце коридора завел в неприметную комнату. Большой санузел, зеркало на пол стены, раковины. С одной стороны писсуары, с другой ряд кабинок, глаза резануло от запаха хлорки. На стене аппарат навроде старого таксофона. Снял трубку, из которой сразу подуло горячим воздухом.

— Лицо от крови умой. Суши штаны и провожу до кареты.

Стоит косится, ухмыляется криво. Что-то задумал. Ага, вот, схватился за живот, охнул.

— Суши штаны, не отвлекайся. Сейчас я на пару минут.

Повесил китель на вешалку. Метнулся в дальнюю кабинку, — заканчивай, постой минутку, или в коридоре подожди.

И для чего новый спектакль? Откуда чего ждать?

Полы кителя чуть разошлись в стороны. Ровно настолько, чтобы показалась кожаная сбруя с открытой кобурой. Револьвер с черной рукоятью, барабан крупный. Не силен в револьверах, но вроде на наган похож, хотя ствол длинноват.

Я уставился на оружие как кролик на удава. Замер, раззявив рот. И как мне реагировать? Первое, не было под одеждой у него кобуры. Такое я бы ни в жизнь не пропустил. Второе, как бы Боря реагировал? Смотреть, наверное, можно, интересно же. А вот трогать не факт.

Вытаращил глаза побольше. Протянул руку, на середине пути отдернул, хлопнув по ней второй рукой. В такой позе меня и застал исправник, появившийся за спиной бесшумно.

— Ой, Матвей Фомич, какая штука у вас страшная. Я честное слово только глазами смотрел, руками не трогал.

— Это, Боря, офицерский трехлинейный пест. Можешь взять посмотреть. Ты вот понимаешь, что у меня инструкции, а я тебе пест потрогать разрешаю. Не бойсь, бери, не заряжен.

Робко протянул руку, на середине опять отдернул.

— Нет, страшно. Правда Матвей Фомич, я же знаю, что нельзя. Это преступников и бандитов ловить, да? Вот брату Коле расскажу, что я настоящий пест видел. А матушке не скажу, она ночью спать не будет. Ох, боязно.

Надо исправника с мысли сбить, пока он еще чего не удумал.

— Ох, знаете, дяденька исправник, я что понял. Не сам мой дядька Тимофей погиб, злые люди его повесили.

Слащавая улыбка с исправника сползла мигом, — Как не сам, откуда знаешь?

Заговорил я с важным видом, — Матвей Фомич, думал я, вот. Дядька когда я его нашел, описался. В штаны пописал, вот. Я и пятно видел и вообще. И понял, это он так знак подал. Ну вот, когда разбойники посадят в мешок и унесут с лес, надо знак подавать. Ну так в дырочку выкидывать семечки или крошки, и по следам найдут. Вот и дядька пописал, это он так знак подавал.

Исправник затупил почти на минуту, постигая тонкости моей логики. Наконец, плюнул, накинул китель и поволок меня на улицу.

Привезли назад споро, те же пятнадцать минут, и я у ворот родного дома. Хлопнул дверью и толкнул воротину, вместе с прибитым Тихоном. Ничего, ему покатайся полезно.

Охранники выскочили, мигом оценили обстановку и потащили внутрь останки Тимофея, завёрнутого в дерюгу. Матушка кинулась прямо у двери, схватила, прижала. Глаза красные, лицо в разводах, не иначе рыдала весь час.

Сквозь всхлипывание пробилось, — Боренька, милый, мальчик мой. Ты жив, хвала Вечному ученику. Это ты, вернулся, правда?

Вопрос проходит по категории — наивный, ответ на него матушка может выдать самостоятельно, если чуть-чуть напряжёт извилины. Я на такие принципиально не отвечаю.

— Ну чего, ну. Вот Тимофея принимайте, тело привёз.

— Как же так, сыночек, а я уже...

Вырывался из объятий, шмыгнул к двери, — Устал я, отдохнуть вот надо.

Или мне кажется, или меня подозревали в чем-то нехорошем. Сомневаются, что я не совсем Боря, или совсем не Боря. Допрос не удался, но это не моя заслуга, вовремя старуха вмешалась. Цирк с опознанием взбодрил, а по сути, тухлая история. Сумбурно, логики чёткой нет, похоже на импровизацию. Раз отпустили, значит подозрения сняты. Или не факт?

(Земля. Ближнее Подмосковье. Психотерапевтический центр «Гранит».

Престарелый профессор ведёт по коридору невзрачного посетителя в белом халате, накинутого на военный китель)

— Уважаемый коллега, товарищ, простите, вот пациент, который вас интересует. Прошу обратить внимание, сразу сообщили, сразу.

— Что вам про него известно? — пробурчал посетитель, перелистывая папку.

— Вот все в досье. Ну что смогли. Майор Ребров Борис Терентьевич, 54 года. Впечатляющий послужной список из того, что доступно. Военный хирург, проводивший сложнейшие операции в полевых условиях, сотням наших жизни спас. Светился во всех значимых конфликтах по всему миру. После серьёзного ранения демобилизован и последние двадцать лет эксперт-криминалист при институте МВД. Восемь лет назад потерял жену и сына, в одно время почти. Все из открытых источников, жена — сердце, сын — официально тоже сердце, по факту банальный передоз.

— Не густо. Когда привезли и кто сообщил?

— Вызов от дежурного патологоанатома поступил, в час ночи. Опоздал говорит на смену и застал своего коллегу вот в таком виде. Сразу в скорую позвонил, а они уже нам. При задержании буйно сопротивлялся, руку санитару успел сломать.

— Обследование провести успели? Что, по-вашему, послужило причиной?

— Мог бы предположить, что последствия длительной службы в горячих точках настигли. Могла сказаться длительная работа с трупами, смертью и кровью, подкосила смерть жены и сына, годами накапливалось внутреннее напряжение и в один момент выплеснулось наружу.

— Чувствую неуверенность в голосе. Что-то сработало триггером?

— Да, есть ещё, вот результат планового медосмотра. Два месяца назад в голове обнаружили опухоль и множественные метастазы в костях. Думаю, такая новость кого

угодно доведёт до...

— Договаривайте, крыша съехала?

— Крыша? Уважаемый, в наших кругах не принято использовать этот термин. Но вот, можно записи послушать. Возомнил себя бароном древнего рода Скотининых, машет руками и пытается колдовать. Отсутствие реакции узнавания на всех бывших знакомых и друзей. Психоз, шизоаффективное расстройство, отягощённое диссоциативным расстройством идентичности.

— А с руками, с руками у него что? При задержании было?

— Нет, тут уже. Не доглядели. Расцарапал себе ладони до мяса. Дырки насквозь бы провертел, если бы вовремя не скрутили. Вот сейчас под галоперидолом успокоился. Пятикратная доза, резистентный случай. Правда истории перестал рассказывать, только одну фразу твердит.

— И какую, скажи на милость?

— Злой ветер...

Хорошая история получилась. Мозги прочистились, как к бабушке сходил.

Особа женского пола в участке, жест плечом, где такой видел? Вспоминай, Боря. Подстава в парке с блондинкой и братом. Девушка также плечом водила. То блондинка, а это с затылком бритым. Ну так парики никто не отменял. Не простая значит была подстава, а со смыслом. Не погорячился ли я, что долг отдал?

Пока наблюдателя нет, кинулся к двери Тихона. Если тело вернули, закончилось следствие, на место смерти посмотреть без лишних глаз. И ножи там интересные торчали, теперь бесхозные. Облом первый, отмыта комната до блеска, крюка нет, стены, потолок побелены заново. Облом второй, вселенский, ни мебели, ни оружия, все исчезло, даже топор зазубренный. И это все за неполный час. Узнать бы распоряжение чье.

До обеда просидел в кресле, изучая интерфейс. Теперь факт известный — штука зовётся милостью Вечного ученика и есть у каждого. Слуга за окном вопил не переставая. И откуда столько сил? Лекарь через полчаса уже затих, а этот все никак не уймётся.

Щёлкнул по надписи со своим именем.

Борис Скотинин, дворянин третьей ступени по праву рождения. Сын барона Антона Скотинина и Милославы Скотининой-Таракановой.

Метрики, документы, справки. Удобно, все своё всегда под рукой. Ссылки на отца, мать светятся, но не работают, «Свободный доступ к либрусу до достижения 18 лет ограничен учебными материалами». Ага, вот и упоминание о глобальной сети. В интернет и соцсети до совершеннолетия не положено. Решение спорное, но логики не лишено.

Диплом о среднем образовании развернулся с пышными комментариями:

Математика (не только устный счёт и четыре действия, но дроби и проценты освоены изрядно).

Чтение и письмо (Букварь, письмо простое и деловое без ошибок и всяческих исправлений, в писании палок усердие особое).

Естественные науки (В науках естественных прилежен).

История (Летопись явления Вечного ученика читает на память).

Иностранные языки (На пяти языках поздороваться, представиться и откланяться разумение имеет).

Магические науки (теорию шести магических наук знает изрядно, в практике воздушной стихии результат выше похвал всяческих).

Придворный и деловой этикет (За обеденным столом приличия блюдет, прием официальный не позорит, изящно кланяться, садиться верхом и в карету обучен).

Военное дело (дуэльный кодекс знает отлично, команды по чину старшего исполнять разумен).

Верховая езда (довольно).

Фехтование (основы обращения с саблей, кинжалом и кнутом выше среднего).

Изобразительное искусство (Талант в карандаше, в особенности сооружений инженерных, на что похвальный лист прилагается).

Музицирование (чувство ритма отменное, к пению голосом расположен).

Танцы (парные, одиночные и групповые, а также вальс и мазурку, знает весомо).

Рекомендован к прохождению дальнейшего обучения.

Самый скромный комментарий у верховой езды. Не хотелось бы глядеть в глаза лошадке, которой выпало счастье Борю катать. Вот такая, значит, в школе программа, вот на это десять лет жизни.

Если правильно понимаю, летопись явления Вечного ученика, которую я на память знать должен — это то, что мы с Дашей читали. Или сама летопись, или детская адаптация.

Генеалогическое дерево открылось развесистой клюквой. Вверху миниатюрные портреты в чёрной рамке. Мёртвые предки, великие и славные, экранов пять пролистал. Древний род, однако, на одном экране шесть строчек вмещается. Если строка — это плюс-минус поколение, тут не меньше тысячи лет роду. Ниже живые, фото в цветной обводке, но такие крохотные, что с трудом узнал себя и братьев. Профили не открываются, при наведении вялые подсказки, да и то не везде. Под матушкой три стрелки. Родная сестра Даша, одни косички и глазищи торчат, и портрет брата в серой рамке. Подсказка куца: «Федор Скотинин, смерть не подтверждена, местоположение неизвестно». Занятно, брательник нарисовался пропащий. Не удивлюсь, скелет из шкафа еще выползет.

Сводных братьев и сестёр полная колода. У Наамы два сына, Николай и Петр, близняшки Агата и Софья. С Николаем за завтраком сталкивался, зуб у него на Борю. Петр тоже не понравился, пару раз взгляд ловил изучающий, без эмоций, как у Надежды Константиновны на псалтырь. Похоже умнее Коли, осторожнее, а значит опасней. У Розы сын Иван и дочь Лилия, рыжая стерва, но с формами отменными. Ивана за завтраком не видел, выглядит чуть старше прочих, в миниатюре фото в мундире с аксельбантами. Служит или трудится на благо семьи.

У отца пара братьев, Петр и Остап. Петр всегда рядом с бароном крутится, скользкий тип. По положению в дереве на пару миллиметров выше, значит на год-два старше. Зовут Петр и дед тоже был Петр. Если дед Петровича-младшего себе растил, почему же отец бароном стал? Приглядывать за этим Петром надо, да тут вообще за всеми глаз да глаз. Остапа за столом хорошо помню, улыбчивый, галантный, взгляд добродушный, но меня таким не обманешь. Глуп, труслив и патологически жаден.

Три сестры у отца, пара модельной внешности, глаза коровьи, губы уточкой. Третья не удалась, мало того, что в очках, так и морда широкая, как масляный блин, простая, деревенская. Рамка вокруг портрета необычная. Серая, как у Федора, только без стрелок. Навёл на рамку и охнул, «Марина Скотинина. Изгой. Изгнана из рода». Под ложечкой тревожное кольнуло, что-то с ней не чисто, сделаю зарубку, подробнее выяснить.

Двоюродных, троюродных без счета. Отдалённые ветки просмотрел по диагонали, для общего развития. Сам не заметил, как по древу перебрался на родственников матушки, думал Скотининых много, оказывается Таракановых вообще, как тараканов. Запоминал имена, даты, составлял первое впечатление и раскладывал по полочкам.

Род Скотининых входит в клан графа Собакина. На гербе здоровая пёсья голова незнакомой породы, язык вывален раздвоенный, с брылей слюна свисает. Ссылка на род сюзеренов не открылась, рылом или ещё чем не вышел. Печально, знать начальников в лицо — первейшее дело. Информация вливалась как глоток свежего воздуха.

Рядом с моим скромное фото жены, Тамара Скотинина. Двойной фамилии нет, как у матушки или других женщин. Значит Елисеевы не дворяне. Вписывается в картину, что свадьба фиктивная, если она за титул замуж вышла, то Скотинины тоже что-то получить должны. Баблом пахнет большим. Линия между нами красная, как у отца с женами, но не жирная, а еле заметная. Брак у нас не совсем настоящий, что там Око шептало —

«консумация не подтверждена».

Добрался до строчки, посмотреть которую решился с двояким чувством.

— *Магия воздуха (приобретённое умение), ступень 2, прогресс 23 из 144*

Активное магическое умение, основанное на управление сигнальными молекулами газообразных веществ. Резервуаром свободной энергии воздушной магии является жизненная ёмкость лёгких. Для второй ступени доступно одно полное опустошение резервуара в сутки. Резервуар самостоятельно пополняется со временем, во сне или с помощью специальных дыхательных упражнений.

Перед активацией умения сделайте глубокий вдох, задержите дыхание и полностью сосредоточьтесь на предстоящем действии. Выпустите воздух одновременно выполняя ключ активации. Опирируйтесь доступными конструкциями, дозируя порции воздуха.

Для активации умения коснитесь ногтем указательного пальца левой руки камня правой ладони, мысленно желая активировать. По окончании работы с конструкциями поблагодарите стихию.

Все просто, никакой мистики, как инструкция к бытовой технике. Точно продвинутая технология с неизвестным принципом. Кто в нашем мире понимает, как микроволновка действует или телевизор. С другой стороны, попробовать — а вдруг получится. Это как бы окончательно признать, принять что ли.

Ролик, опять же приложен, короткий, но ёмкий. Боря во главе стола, торт со свечками, натянутые улыбки многочисленной родни. Барон торжественно вручает сыну яркий зелёный камушек.

— Борис, глаза всего рода смотрят на тебя. Ты будущая надежда, нерушимая опора, тебе суждено стать великим магом и прославить славное имя Скотининых...

Пафосная речь не заинтересовала, а вот вид Бори очень даже. Крепкий такой упитанный подросток, но на откормленную свинью ещё не похож. Получается за три-четыре года Боря так разожрался.

Парень торжественно принял камень, глаза сияют, матушка аж прослезилась. Зажал драгоценность между ладоней, сияние, фанфары. Завистливые взгляды родни, кривые рожи и жидкие аплодисменты. Вот как в этом мире можно умение получить.

А это же значит и обратный процесс возможен? Так подсказка же рядом: «Для переноса активного умения в Слезу Вечного Ученика обратитесь к ближайшему алтарю Злого ветра».

Напоследок прошёлся по последним строчкам.

Слово Вечного Ученика: Отсутствует

Развивай умения. Каждый навык, достигший 3 ступени, получит Слово Вечного ученика, дающее преимущества.

Дар Вечного ученика: Отсутствует.

Собери 6 умений 4 ступени, обратись к алтарю Злого ветра и получи уникальный Дар Вечного Ученика. Владелец Дара может передать его по наследству прямому потомку, максимально продвинутому на пути Вечного ученика, и основать свой род.

Значит у отца точно есть суперспособность. Пока за ним ничего такого не замечал, хотя логично, все это змеиное гнездо должно на чем-то держаться.

Собери 3 умения 5 ступени, обратись в храм Пилигримов и попроси улучшение Дара до Воли Вечного ученика.

Подними любое умение до 6 ступени, обратись в Верховный храм иполни ряды

Пилигримов.

Захлопнул ладони, маловато информации, но хоть что-то. Кажется мне, что заигрался тут народ. Совсем заигрался, или за всем этим что-то стоит? Путь этого ученика — учиться, учиться и ещё раз учиться. Разбираться надо, с какой скоростью и как тут что развивается, судя по башням, на нормальную прокачку не один десяток лет уйти может. Пока без камней на ладонях никого не встречал. Если люди живут, значит система работает.

Пора колдовать пробовать, самому смешно, но жить захочешь, как говаривал известный персонаж, — и не так раскорячишься. Задержал дыхание, щёлкнул по камню ногтем, шумно выдыхая. Явись стихия, Борис Скотинин колдовать готов. Облако исторгнутого воздуха засветилось, плавно переливаясь. Окутало ладонь, плавно потекло на вторую. Нахлынуло чувство покоя, неги, умиротворения. Щемящее чувство из далёкого детства. Светящееся облако, повинувшись движению рук, плавно заструилось перед глазами. Всеми цветами радуги играет.

Развёл ладони в стороны, облако собралось плотнее, закрутился продолговатый вихрь. Внезапно настроение сменилось чувством восторга и эйфории. Толкнул облако ладонями от себя. В комнате пронёсся ураган, сметая все барахло со стола. Окно вылетело с оглушительным треском, разлетевшись на тысячи осколков.

Конечно спасибо, стихия, или как тебя там, но я не этого хотел. А чего я хотел? Ошарашено выглянул в проем, пара работяг стоят напротив, приставив руку козырьком. Ещё трое несутся с разных концов двора. Ну разбил и хрен с ним, с кем не бывает.

Адски зачесалась ладонь, рука сама дёрнулась с уху.

— Э-э, да.

Из камня рявкнул голос барона, — Что да, Борис, кусок ты дебила. Десять раз повторял, воздухом в комнате не играть. Полигон нахрена для вас идиотов построили. Только не говори, что опять обосрался и проветрить хотел?

— Не-е-е, пап, не обосрался, — запустил в голос немного тоски, — Ну, так получилось.

— Жрать надо меньше. Хвала Вечному ученику, пара дней и тебя тут не будет.

Звук отбоя возвестил, что разговор окончен, короткие гудки, как на телефонах далёкого детства. Надо же, про моё чудесное возвращение не слова. И про приключение в полицейском участке послушать не интересно. Матушка не сказала? Так тут целый двор видел и отъезд, и приезд. Или Око у него рядом, или по телефону такие разговоры не ведут. Ну так позвал бы куда, или сам пришёл. Или не интересно?

Любопытная штука магия и в хозяйстве полезная. Осваивать надо, но сначала информацию бы раздобыть. Не может быть, чтобы ничего у Бори на эту тему не было. Собрал книги по комнате в количестве трёх штук. Учебник арифметики, придворный этикет и пособие по начертанию инженерных сооружений. Все, конечно, интересно, но мне что-то посерьёзней нужно.

В гардеробе разрыл подозрительную кучу хлама. Так и есть, среди грязных носков и футболок раскопал солидный том «Наставления по освоению основных конструкций воздушной стихии». Забросил Боря магию, как только от брата насмешку словил, и обиделся крепко.

Живот скрутило в тугий узел, ага, водичка из-под крана действует. Поплёлся в туалет, сейчас пособие славно почитаю.

Раскрыв обложку чуть не выматерился вслух. Внутри было только две страницы, остальной фолиант был безнадежно испорчен, усердно выдолблен под плоскую фляжку.

Сама фляжка в наличие имела, помятая, алюминиевая, на армейскую похожа. Коньяк признал сразу, только открыл пробку. На что же ты Боря полезную науку променял?

Оставшийся материал — пара сиротливых листиков. Рукописный текст, выполненный таким безобразным почерком, что я удивился, не мой ли коллега писал.

Здравствуй молодой адепт магии воздуха. Если ты читаешь эти строки...

Конструкции приведены в порядке сложности воспроизведения и требованиям к объему резервуара...

— *Воздушный поток (упорядоченное движение воздуха в направлении, указанном ладонями). Базовая воздушная техника, не требовательная к ресурсам и мастерству. Не рекомендуется переходить к изучению более сложных техник, пока управление воздушным потоком не освоено до автоматизма.*

Это значит и есть мой вихрик. Его до автоматизма надо. До этого я бы и сам додумался.

— *Воздушный кулак. Упругий удар, способный оттолкнуть противника или препятствие. Не забывайте, что использование воздушных техник не позволяет обойти базовые физические законы. Воздействие на противника окажет равновеликую силу на самого заклинателя. Рисунок уродливого человечка, лепим на вытянутых руках снежок и толкаем его ладонями.*

— *Воздушный молот. Конструкт способен нанести неупругий удар, оказать останавливающее действие или причинить противнику существенные повреждения. Действие воздушного молота основано на преобразовании и высвобождении кинетической энергии, поэтому эффективность зависит от начальной скорости, которую удастся придать воздушному снаряду.*

Вот это похоже на то, как я вихрь толкнул. На первый взгляд серьёзная штука.

— *Циклон. Вихреобразное движение воздуха с вертикальной осью, совпадающей с собственным телом или внешним объектом в пределах видимости. Обеспечивает действие постоянной кориолисовой силы, сориентированной по правилу левой руки. Циклон является базовой техникой, позволяющей заклинателю подниматься в воздух, левитировать, а также перемещать предметы.*

— *Воздушный покров (Вихреобразное движение воздуха вокруг собственного тела. Конструкт является развитием циклона, действие постоянной силы направлено на уплотнение покрова, способного защитить от физического воздействия или влияния враждебной стихии.*

— *Морозное дыхание. Упорядоченное движение воздушного потока, способное переносить тепловую энергию. Учитывайте, передача тепла от менее нагретого тела к более горячему привлекает затраты энергии, в соответствии со вторым началом термодинамики.*

Более сложные конструкты требуют мастерства не ниже третьей ступени и обязательное присутствие наставника...

Не густо, но хоть что-то определённое. Со всем разберёмся и все опробуем.

Не прошло десяти минут, дверь открылась, вошла служанка с ведром и веником, пара рабочих затащили новую стекольную раму и деловито начали убирать остатки. На мою тоскливую фигуру взглянули, вежливо поклонились и обошли по дуге.

В разбитое окно впрыгнул котище, спокойно и невозмутимо, будто окна тут каждый день вылетают. Прямо направился к моей кровати, покосился зелёным глазом на слуг и разжал челюсти. На паласик выпал здоровенный крысиный хвост. Потёрся о ногу,

требовательно муркнул.

Я почесал животину за ушами, — Ладно, молодец, чего тут сказать.

Довольный рыжий сиганул в окно. Вот дожились, даже кот пытается меня подкармливать...

Тяжела жизнь аристократа от завтрака до обеда. Скучно тут и дует теперь. Пора собираться на улицу. С усилием влез в растоптанные штиблеты. По коридору пошёл, широко расставляя ноги. Такие акробатические номера, как самостоятельная завязка шнурков, господину моей комплекции не по рангу.

Потянулся на крыльце, красота, тепло, светло, воздух свежий. Белое здание похожее на советский санаторий, три этажа. Верхний для барона и жён должен быть. Второй для родни разной степени удалённости.

Нашёл своё окно, в котором сустились рабочие. Выше женская спальня, на подоконнике цветочки, занавески розовые. Сбоку упор для ноги, два движения и подготовленное тело наверху, ещё пара — и на крыше. Вбок при желании не проблема, карниз широкий и для пальцев зацепов полно. Вниз ещё проще, под окном клумба, можно сразу прыгать, можно на сосну, до которой всего метра три. Жаль, что в этом теле я герой только сидя на унитазае.

Око по двору ходит, не ходит, плывёт, зыряка во все стороны. Вроде за всем одновременно следит, но больше в мою сторону. Слуги пробегают кланяются, глаза в землю. Что-то один не очень низко поклонился.

— Эй, холоп, спина чешется. Кнотом почесать?

Бородатый мужик уронил корзину, бухнулся в ноги, — Простите барин, совсем глаза не видят.

— То-то, тьфу. Не слюнявь ботинки, кожа облезет, из твоей прикажу сделать. А вот шнурки мне завяжи.

Присел у кучи песка, в которой ковырялась малышня. Слепил знатную пасочку, поваялся, незаметно напихав в карманы песка. Заряжать носок буду там, где никто не видит. Сломал пару чужих куличиков, погрозил трёхлетнему карапузу кулаком, который заревел и припустил к мамочке. Пусть знает, как связываться с большими и сильными.

В носшибанул знакомый запах, повернулся выворачивая шею. По дорожке толкал тачку невзрачный мужичонка с сигаретой в зубах. Опять люто захотелось курить.

Отвернулся, чтобы не соблазняться. Уткнулся взглядом в знакомого кота, он меня преследует что ли? Рыжий разбойник деловито залез на кучу песка, разрыл ямку и присел делать дела. И это значит на той самой куче, где я, сын барона Скотинина отдыхать изволил. Спрашивается, и кто из нас скотина?

Пошел на прогулку, осматривая окрестности. Вроде и ухоженный сад, а кусты подстрижены криво. Плитка лежит, а узор через раз совпадает. Фонтан косою, все кругом недоделано, через жопу. Минут через двадцать давящее ощущение на затылок исчезло, надоело кому-то за мной наблюдать, видно оставили в покое.

За домом строений куча, целая деревня. Домики для слуг, точнее лачуги, вросшие в землю, склады, бельевые веревки. Земляная яма, в которой угли жгли, колоды пчелиные на пеньках. Дети полуголые, сопливые. То ли правда в средневековье попал, то ли на сотню километров от МКАД отъехал.

Насмотрелся на соцреализм и вернулся к парку, пора полезную информацию по полочкам раскладывать. С прогулки вернулся уставший, боевой носок приятно оттягивал карман. В кустах набил песком, утрамбовал и даже опробовал, стукнув себя по бедру. Назад

плелся прихрамывая, но довольный. Походку вооруженного человека легко отличить от твари дрожащей.

(Палма. Белозерск, Волостной филиал Имперского инквизория, четвертый отдел)

Лорд-инквизор, племянник графа Скавронцева ликвидирован. Успел оказать неожиданное сопротивление, прямо с больничной койки резиновой грушей выбил птоманту глаз. Такой грушей с носиком, которой клизму. Это когда ягодицы раздвигают и...

— Советник!

— Простите, боевому птоманту, прошу заметить, два года на оперативной работе, а до этого больше десяти в регулярных войсках. С пяти метров в полной темноте. У молодого Скавронцева не могло быть таких серьезных навыков метания бытовых предметов. Действие внешней сущности доказательств не требует.

— Это резиновая груша у тебя бытовой предмет? Что по Скотинину?

— Поведение на восемьдесят шесть процентов соответствует психологическим картам. Настораживает только одно, — помощник слегка замялся.

— Говори, я клещами вытягивать должен?

— Перед сном не подрочил.

— Что не сделал?

— Э-э-э, не по-по-мастурбировал. Ну в милости второй ступени для просмотра видео определённого рода нужно держать ладони на некотором расстоянии друг от друга. И ничего в этот момент руками делать нельзя, пальцы к управлению привязаны. Поэтому молодые дворяне приспособились...

Лорд грубо прервал, — Избавь меня от подробностей. Со всех наблюдаемых Око снять. Скотинина вести до распределения на учёбу.

Явление 9

Стук в дверь отвлек от мудрых мыслей, которые все начали сворачиваться в сторону пропущенного завтрака. Внутренности жили собственной активной жизнью.

— Ну чего там, ну.

Дверь скрипнула, — Молодой господин, семья приглашает на обед.

Голос женский, молодой. Хотел посмотреть на служанку женского пола, а то все мужики бородатые, нечесаные. Не успел, упорхнула, пока доковылял до двери.

Семейная молитва, по сути, не отличалась, кто видел одну, значит видел их все. Обеденный стол изменился в лучшую сторону, сервирован богаче, одних закусок десятка три. У каждого члена семьи высокий фужер, ряд слуг у стены с глиняными кувшинами. Погорячился, бокалы для вина не у всех, у Даши и ещё пары мелких только компот. Ага, перед моим носом тоже простой стакан. Слуга только стопку полотенец держит. Согласен с бароном, хуже скотины за столом может быть только пьяная скотина. Хотя гордиться тоже есть чем. У всех слуги с одним полотенчиком на предплечье, а у моего стопка почти до подбородка.

Когда слуга снял крышку с исходящих паром шпашек с жареным мясом, я заметно напрягся. В нос шибануло так, что все внутренности завопили от волчьего голода, но контроль над телом не потерял. Сам не удивился, был готов, особенно когда рассмотрел незаметную серую царапину на крышке. Готов то готов, а под мышками намокло. Блин, учиться и учиться контролировать это тело.

Семья наблюдала за моей трапезой с удивлением, едва не большим, чем утром. Видно, очень непривычно видеть Борю не мордой в тарелке, а интеллигентно держащего нож и вилку.

Послушал неспешные беседы. Где же большой семье ещё не поговорить, как не за обеденным столом. Взрослые обсуждали цены на лес, лошадей, светские сплетни.

— Вадим Геннадьевич, мы слышали вы жеребца приобрели редкого. Совсем вы дочку разбаловали?

— Мне для моей Вареньки ничего не жалко.

Вычленил голос Лилии, — Мам, мой Гоша так и не нашёлся, весь дом обыскали.

— Милая, купим тебе нового, всего-то. А хочешь мы тебе розового кролика купим, как у Ляли Собакиной.

— Не хочу нового, не хочу Кролика, мой Гоша, он...

Замедлил движение челюстей, когда понял, что Гоша — это белая ручная крыса. Мигом в голове нарисовался голый розовый хвост, оставшийся у кровати. Залётом пахнет, надо бы избавиться аккуратно.

Спокойно доел подгоревший шашлык, вытер руки об слугу, подскочившего мигом. Не успел тряпку подать — сам виноват. Подошёл к матушке, чмокнул в щеку, лёгкий поклон барону, и величаво удалился, оставив родственников в лёгкой прострации. Все, что нужно заметил, выводы будем делать вечером.

Обед отправился в унитаз, без сил рухнул на кресло, уставившись в окно, воняющее свежей краской. Накатила слабость. Хотелось жрать просто невероятно, к чему добавилась и жуткая головная боль. Всего-то завтрак и обед пропустил, а ощущение, будто постился сорок дней.

Вертлявый слуга с крысиным лицом влетел без стука, — молодой господин, барон приглашает в кабинет. Велит оставить дела и прибыть как можно скорее.

Вроде вежливо сказал и поклонился, но ухмылка кривая, вид такой, что можно усомниться, кто тут аристократ. Одарил его таким же взглядом, — Ну так веди, червяк.

Матушка перехватила по пути, будто караулила, — Сыночек, милый, поди ко мне, радость моя.

Подхватила под локоть, затащила в неприметную дверь. Крысомордый поморщился, затеребил ногами, будто хочет по маленькому, покорно застыл снаружи.

— Тебя вызвал, да? Отец вызвал? — пощупала лобик, — Ой, горячий какой.

— Мам, ну чего ты, я уже это, большой.

Обхватила голову, прижала к груди, задушила среди необъятных полушарий. Надо же, женщина в самом соку, ухоженная, лакомая в нужных местах. Для моего настоящего возраста отлично подходит, но ничего, кроме тоски и лёгкого раздражения. Тамара, которая без малого во внучки, прямо так взбодрила. Никогда за собой тягу к молоденьким не ощущал, а после смерти Жени и подавно. Сделаем скидку, только попал, ещё не в себе был.

— Сыночек, я так переживаю за тебя. Там на учёбе и меня не будет, и отца не будет.

— Мама, ну чего ты, давай к делу, отец ждёт.

— Какой ты взрослый уже стал, большой. И разговариваешь как серьёзно, по-деловому. Тебе восемнадцать через месяц. Ты прямая линия барона, по совершеннолетию от деда тебе пай положен и рубиновая слеза. Я хлопотала, перед батюшкой, чтобы тебе сейчас, перед учёбой пай выдали. Смеётся, не верит, что у тебя в академии все получится. А я верю, ты разумный у меня и вообще. Если ты пропадёшь на учёбе, пай в роду останется, понимаешь? Эти змеи отцу во все уши шипят, что ты там и недели не протянешь.

Дальше в голосе маман прорезались заметные всхлипы, — У тебя здоровье слабое, я же знаю, я же с малых лет с тобой на руках. Ты всегда крепенький был, пухленький, а здоровье никакое. И корь, и скарлатина, и менингина. Куда же ты меня покинешь?

Я потихоньку высвободился из объятий. Чуть не задохнулся от ядовитого аромата, спросил осторожно, — Мам, а размер пая какой? В деньгах.

— Десять тысяч рублей, копейка в копейку. А слеза на выбор. Только вот, барон тебе на пятнадцатилетие слезу дарил, зелёную правда, не рубиновую, но зато редкую. А сейчас слез в казне в помине нет, дела у рода не очень. Только это секрет, понимаешь, об этом знают, но говорить нельзя, непатриотично.

Еле отделался, пообещав не делать глупостей. За информацию спасибо.

— Я тебя тут ждать буду. Расскажешь, как прошло.

— Не надо меня ждать, я взрослый уже.

— У нас дело ещё есть важное, примерка костюмов. Не можешь же ты в старье в столицу ехать. Мой сынок должен быть самый модный и красивый. Как отец отпустит, сразу ко мне.

Хорошо, что слуга семенил чуть впереди. Не хватало только искать и заблудиться. Хотя пройти мимо массивной двери из красного дерева нужно было постараться. Красное по цвету, не по ценности древесины. Обычная сосновая, покрашена красной краской, но размером почти до потолка.

Антон Петрович обсуждал с братом хозяйственные вопросы, на меня даже не покосился. Оглядел братьев. Сразу видно, не просто родственники, а как два листка, вылезшие из ксерокса. Могучие, крепкие, только у барона седины побольше. А он же лет на

пять младше.

Дядя Петя, сильный, кряжистый. Неглупый, на первый взгляд из тех, кому всегда сопутствует удача. Но не из-за талантов или трудолюбия. Запас энергии такой, что на пути к своим целям не задумывается над выбором средств. Насмотрелся на таких бизнесменов в своё время.

Отец похож, но немного другой. Энергии тоже не занимать, дерзкий, со всеми грубый и циничный, но зоркий, как опытный хищник.

Говорили свободно, или ничего важного, или такой экземпляр, как Боря, опасений не вызывает. Ну да, все равно ничего не поймёт. Пристроился тихо на диванчике, который всхлипнул и продавился до пола. Терпи родимый, работа у тебя такая.

— Требуется тщательная подготовка... Точно не хватит ресурсов...

Кабинет выглядел именно как обычный кабинет чиновника средней руки. Без всяких явных атрибутов богатства и власти. Видали и побогаче. Стол письменный, кресло, сейчас занятое родителем, портрет большого начальника. Не иначе сам император, от взгляда в самую душу во всех грехах сознаться тянет. Сейф на половину стены, прикинул длину, ширину — такой и пустой не меньше пары тонн. Покосился на шкаф с книгами, эх жаль далековато, корешки не разобрать. Хотя один выделяется — Карл Маркс «Робинзон Крузо», том 4. Хорошо хоть не хрюкнул, как за завтраком. Перечитал раза четыре, все казалось, что зрение подводит.

— Запасы топлива... Кратчайшие маршруты...

Впился глазами в столик с расставленными шахматными фигурами. Пытался отворачиваться, концентрируюсь на разговоре старших, но шея сама выворачивалась в сторону деревянной доски. Где мои редкие выходные, когда удавалось вырваться и поблицевать в парке. Мигом выхватил неправильность. Десять фигур в ряд, а по вертикали девять клеток. Нашёл глазами незнакомые, рядом с ферзём маленькая пешка с пышным платьем, слева от короля тощая фигурка в колпаке с бубенчиками. Сразу вспомнился неведомый сатранг, между прочим, я в него играть уметь должен. Соединил ладони, активируя планшетку. Так и есть, сатранг раскрылся, показав рисунок доски и гениальное описание: «Участвуй в турнирах и побеждай сильных соперников». А где правила? Зато ролик тут как тут.

Покосился на занятых братьев. Приглушив звук проглядел, как Боря сидит за доской напротив черномазого очкарика и ковыряется в носу. Соперник тронул ферзя, неуверенно покосился на приближающийся указательный палец с соплей. Лопухая голова спряталась между тощих плеч, и ферзь обреченно двинулся под бой. Победителем школьного турнира объявляется Борис Скотинин. Поздравляем с открытием уникального умения, необходимо потомственным аристократам.

— Материальная база... Резервы...

Наконец взрослые обратили внимание на подростка, развесившего локаторы.

Дядя Петя сменил тему, — Эх, Боря, Боря. Приданное то мы получили с душком. Зря ть Антон радовался, что Елисеевы клюнули. Молодой дворянин, вызов в академию. Видели они его до свадьбы, знали на что шли. И обратно ничего не отыграть теперь.

Барон потёр переносицу, — Сеть продуктовых магазинов в столице получили, ты чуть от радости не плясал. А там только четыре с прибылью, остальные в таких минусах, что хоть в петлю лезь. Из производства — пара лесопилок годных и тьфу, фабрика туалетной бумаги.

Брат возразил, — Лесопилки в тему, они в наш мебельный бизнес вписались. Магазины

прибыльные прибрали, они удачные, для аристократов. А что с остальными делать? Двадцать магазинов для черни. Закрыть нельзя, социальные, и по закону неустойка работникам такая, что никакой казны не хватит. Надо управляющего грамотного нанять, чтобы так дела повёл, и покупатели и продавцы бы сами разбежались. Обанкротить, закрыть и помещения продать, хоть как-то убытки покрыть. А такой спец больших денег стоит.

Отец топнул в мою сторону, скривился, как от зубной боли, — Ну что с тобой не так? Даже жениться нормально не смог.

Я опустил глазки вниз и начал изучать пол. Узор на паркете очень интересный, елочка называется.

Дядя Петя вставил, — Ты чем невесту напугал, что она портал истратила? Такой свиток дороже породистого жеребца. Я же с тобой в бане был, ничего страшного не заметил.

Барон перебил, — Брат, я тебе потом покажу, у меня запись есть с интересного ракурса. Только коньяк приготовь, лучше мурманский, иначе спать спокойно неделю не сможешь.

Ценю хорошее чувство юмора, скорчил плаксивую рожу, — Так получилось, пап.

— Ладно, Боря, до совершеннолетия тебе рента положена, я тебе каждый месяц триста рублей перечисляю. Но что такое три сотни для столичного студента? Молодёжь за вечер по клубам больше спускает. Мы с братом посоветовались, решили отдать тебе в личную собственность настоящее промышленное предприятие — фабрику туалетной бумаги. А что прибыль не большая, но стабильная. Тысяча в месяц!

Я захопал глазами. Подарок сказочный, особенно когда аристократы пронюхают, чем пахнут мои доходы. Ну ни на секунду не сомневаюсь, что узнать им помогут быстро.

— Э-э-э, может не надо?

— Что значит не надо? Кто скулил что денег мало? Если бы ты считать умел, то удивился, во сколько твоё питание обходится. Кто тебя в столице кормить будет? Вопрос решён, Боря, ничем путным ты заниматься все равно не сможешь, а тут делать ничего не надо, все само работает.

Я подал голос, — Почему?

— Что почему?

— Почему ничем другим не смогу? Может я не пробовал просто. Пап, а отдай мне магазины убыточные.

Ржали родственники от души, как кони, барон даже начал сползать под стол.

— Хо-хо-хо. Боря, управляющий. Боря бизнесмен. Ты в зеркало давно смотрелся?

— Пап, ну сам же говорил, нужен человек, который так дела поведёт, чтобы и покупатели, и работники сбежали. Да я же лучшая кандидатура!

Видя сомнения на лицах, добавил, — Не просто так, давайте взамен пая. Я же через месяц за ним все равно приду. Какая там рыночная стоимость у магазинов?

— Рыночная стоимость? Ты такие слова знаешь? — ухмыльнулся отец.

Дядя Петя не выдержал, — За паем, придёшь? Да сдохнешь ты в первую неделю. За деньгами он собрался. Ты что, не понял ещё куда тебя отправляют? Что-то ты спокоен для ... смертника.

— Дядя Петя, а что вы теряете? Если пропаду — отказ от пая уже у вас. Кстати, мне вроде ещё слеза положена, розовая.

Братья переглянулись. Отец нахмурился, забарабанил пальцами, оглядел меня ещё раз, внимательнее.

— Лысина нерадивого, а может это выход. Он теперь женат официально. Через месяц

будет вправе сам дела вести. Обанкротится, так его долги Елисейевой перейдут. А если сдохнет, эти насекомые на пай претендовать придут — а мы им раз и их магазины взад.

Вот злодеи. Ни на секунду не сомневаются, что с бизнесом у меня не получится.

Дверь открылась, в комнату скользнула фигура в сером. Не дремлет неведомая контора.

Взрослые виду не подали, но я заметил, как отец затеребил кисточку на скатерти. У дядюшки на виске проступила едва заметная бисеринка пота. А напряглись то заметно. Дела обсуждали не совсем легальные, про которые наблюдателям лучше не знать. Судя по обрывкам разговора — доставка грузов, уже становится интересно — каких?

Я сжал голову в плечи, по видео именно так обращался к дяде, — Дядя Петя, как мне не бояться, если со всех сторон только и слышу — в академии тебе не жить.

Зашмыгал носом, добавил надрыва в голос, — Может можно как-то не ехать, а? Может можно что-то придумать? У меня матушка волнуется, за сестрой младшей присмотр нужен.

Братья расслабились. Понравилось им, куда разговор свернул.

Дядя съязвил, — Вон как он запел, о матери и сестре вспомнил. А о чести рода подумать не хочешь? Как был эгоистом, так и остался! Думаешь я забыл, как ты в храме из коробки для пожертвований печеньки сожрал.

— Я просто кушать хотел, сильно.

Отец грозно рявкнул, — Хватит скулить, закрыта тема. Едешь, распределяешься, в общагу селись и учись, как все нормальные. Давай милость.

Я в последний раз всхлипнул, — Может не надо?

— Давай руку, сказал, и так столько времени на тебя потерял.

Робко протянул отцу правую ладонь, он сразу накрыл её своей. Вроде все правильно. Как только камни соприкоснулись перед глазами поплыли огненные буквы.

— *Передача в собственность фабрики туалетной бумаги «Морозная свежесть».*

— *Передача в управление сети магазинов «Дешёвые продукты».*

— *Аннулирование наследного пая.*

— *Открытие кредитной линии.*

Все решилось за пару секунд. Прямо перед глазами, достаточно было мысленно соглашаться. Это у барона продвинутая версия интерфейса, прямо в голову информация, и экран листать не надо. Все, теперь я не просто аристократ, а бизнесмен и промышленник. Решать проблемы будем по мере поступления.

(Там же, спустя десять минут, братья расставляют фигуры на доске)

Барон прервал напряжённое молчание, — Что ты об этом думаешь?

— Даже не знаю, что сказать. Никогда не воспринимал его серьёзно. Не заметили, как вырос мальчик.

— У него чутье на Око, заметил, как он разговор переменял? Его же и не учил никто. Может зря мы его к делам не привлекали?

— Давай посмотрим, как учёба пойдёт, да и интересно, что он с магазинами сделает, от которых изъян один. Я ему кредит открыл на первое время, если до нового года протянет, можно будет и дело поручить.

По лицу пробежала едва заметная тень. Барон махнул рукой, — Не важно все это. Сам знаешь, не жилец он.

(Пять километров от усадьбы Скотининых. Шатер кочевых гитан.)

Тяжелый кряжистый мужик в цветастой рубахе настраивает гитару. Напротив входа стоит щуплый посетитель с бегающими глазами)

— Баро, все принес, как обещал. План поместья, комната объекта обозначена. На этаже ночью четыре охранника, пара сидит в фойе, другая по коридорам бродит. Случайно, без расписания. На третьем этаже охраны больше, женские спальни, туда лучше не соваться. Во дворе темно, фонари только у крыльца и ворот. Собак уже месяц не спускают ночью, разбегаются по парку. Собак можно не бояться.

— Не надо меня учить, как делать мою работу. Сколько глаз в усадьбе?

— Четыре-пять ночью. У барона один всегда, в спальне будет, или на женской половине, если он, гм, к женам. В главной гостиной всю ночь может простоять. Еще пара случайно по усадьбе бродят, по коридорам, у тренировочных площадок, в других гостиных. Где угодно могут быть. Ну и у объекта скорее всего будет тоже.

— Око у него ночью дежурит, почему раньше молчал? За это доплатить придется.

— О сумме мы уже договорились, сейчас обсуждаем детали. Если хочешь пересмотреть условия заказа, боюсь мне придется поискать других исполнителей.

— И где ты еще найдешь дураков для такой работы?

— В нашем городе всегда хватало тех, кто не прочь заработать. Заказ простой — зарезать жирного ублюдка, который ни то, что сопротивляться, подняться с кровати не сможет.

— Ты ничего не забыл?

— Извини, Баро, возьми аванс.

(Усадьба Скотининых, коридор второго этажа)

Назад двигался аккуратно, стараясь никого не встретить по пути, что в моем случае было сложнее, чем замаскировать самосвал в муравейнике. Слуги разбегались, ныряли под лестницы, резко меняли маршрут, чтобы не столкнуться со стихийным бедствием. В глазах у всех привычное — страх, презрение, ненависть и снова страх. Родственники тоже не горели желанием общаться. Око тихо плелось сзади, не приближаясь, но намекая, что каждый мой шаг под контролем.

С тоской подумал, не жить мне здесь, даже если гипотетически хозяином стану. Несколькими добрыми делами никогда не перечеркнуть годы унижений, издевательств и тонн говна, которые Боря вылил на окружающих. Тот, кто неправильно застегнул первую пуговицу — уже не застегнется как следует. Бежать надо отсюда без оглядки и никогда не возвращаться.

До своей комнаты дойти не успел. Ладонь зачесалась и дёрнулась к уху, прямо рефлекс какой-то.

— Сынуля, милый, ты не забыл — модный и красивый. Костюмы готовы, едем в город на примерку последнюю.

Задавил фразу, которая почти вырвалась. Ехать, в город, да это же другое дело.

— Я готов, мама, выхожу во двор.

Поездка, костюмы, начал пританцовывать в предвкушении, наконец, город посмотрим. Боря, понимаю, что трогать всякую гадость не хорошо, но держи себя в руках.

Карета, запряжённая парой лошадей, стояла у ворот. Скорее не карета, а уродливый фанерный сарай на колёсах. Один угол совсем безобразный, гвозди, забитые не до конца, загнуты как попало. Интересно, что за мастер фанеру гвоздями. Лошади неухоженные, в

гривах прилипли куски дерьма, колеса кривые, она вообще дальше ворот проедет? Кругом мрак беспросветный.

Двух тел, висевших час назад, на воротах не было, хотя следы крови остались, над которыми вилась стая навозных мух. Скорее всего простил барон, помереть от пары гвоздей не должны, человек вообще скотина живучая. Лекарь часа четыре провисел, а Тимофей так, пару часов от силы. Интересно, если гвозди в ладони, а там камни...?

Пара охранников распахнули ворота со скрипом, поля и вправду рапс до горизонта, хороший сорт, растения крупные, сильные. Вдоль поля простые деревенские хаты.

Всю дорогу мама держала за руку, норовила обнять и причитала без остановки, не обращая внимание на серого, который бесцеремонно залез следом и беззастенчиво вёл запись.

— Сыночек, как же так. Что делать то?

Причитания резко сменялись деловыми наставлениями, — Одевайся теплее. От девиц подальше держись. Им только сцапать аристократа молодого, перспективного. Ты мальчик тонкий, ранимый и не опытный совсем.

С аристократами не пей, они как лошади пьют, закружится голова — и облапошат вмиг. Ещё в сатранг на деньги не садись играть, есть игроки такие — шпилеры. Обманут мигнуть не успеешь. А ещё есть дворяне, специально на дуэлях дерутся, за деньги. Подставить могут.

Ужасы какие. Про дуэли понятно, раз дуэльный кодекс в школе преподаётся, важная штука. В шахматы на деньги — да это же весело. Не должны правила этого сатранга настолько от шахмат отличаться, чтобы я со своим мастерским баллом не разобрался.

Снова рыдания, — Родненький мой... Я же денежки тебе пересылать буду, ты только кушай хорошо.

Да куда уж лучше. Я косился на щель в занавеске, жадно выхватывая пробегающие дома, грязные улицы, спешащих людей. Пейзаж особо не радовал и не удивлял. Провинция, такое захолустье, где ничего лет двести не меняется. Ни одного нового здания, всем на вид не меньше пяти десятков лет. На секунду мелькнула вывеска «Белозерская уездная земская управа». Вот и название города подъехало — Белозерск.

Пейзажи покоя и классики Западной Европы сменялись разрухой и нищетой, потом снова всплывали венецианские фонтаны, роскошные двухэтажные коттеджи.

Из образа выходить не следовало, шмыгал носом, изредка поддакивая, — Ну че, ну. Мам, может со мной поедешь? Я же как сам?

— Ой поеду. Все брошу, поеду, — запричитала захлебываясь, — И кушать готовить буду и защиту тебя от всяких, — внезапно запнулась, — Ой, не смогу, не могу с тобой. Мне подле барона быть надо. Змеи эти возле него, ни на минуту оставить нельзя. Нет поеду, гори оно все синим конем. Ох, нельзя мне, Даша как же, пропадёт девочка, сожрут её, затюкают.

— А может кто из слуг со мной поедет? Как же я сам?

— Ох, возьми всех, все забирай, и моих и... — на секунду запнулась, — Да как же? А где же жить они будут? Да и не пустят их, барон не позволит то. Стой, дядька то положен тебе. Дядька поедет. Ой, нету дядьки. Нужен новый дядька. Дядька новый нужен!

На перекрестке засмотрелся на очередную вывеску и вздрогнул от пронзительного сигнала. Обогнал красный автомобиль, обдав клубами пара и мелким щебнем. Успел уловить слабый запах перегара. На спирту агрегат и на спортивный похож. После лампочки на кухне ничего удивительного. Без крыши, хрома полно, крылья ещё выпирают, хотя уже прилизаны. Судя по формам — классика сороковых-пятидесятых. Ни водителя, ни

пассажиров нормально не рассмотрел, судя по головам — как селёдок в бочке. Водитель в фуражке, видно слуга. Пара коротко стриженных и десяток развевающихся кудрей. Девочек катают.

Матушка выдала, увидев мой интерес, — Мобиль самого графа Собакина, благодетеля нашего. Неужто сам в Белозерск, или сынки его. А отец не говорил ничего.

Отвернулась, затараторила в ладошку, — Антон, его сиятельство тут, мобиль проехал. Да, тут в Белозерске. Какой-то такой, красный и рычит. Мы с Боренькой костюмы мерять едем.

Граф Собакин значит на спортыге рассекает, а простые бароны в собачьих будках без рессор. Этот мир начинает нравится все больше и больше. Значит есть тут и электричество, и автомобили, огнестрел тоже видал. Чувствую, в столице будет еще веселее.

(Усадьба Скотининых, рабочий кабинет барона. Братья Скотинины склонились над картой Белозерска, Петр водит пальцем по красной линии)

— Антон, ты чего молчишь, что твой Бориска опять чудит.

Барон, услышав имя младшенького скривился, как от зубной боли, — Ну вынес окно, не первый раз, прошлым летом также было. Это же воздух. Вот слышал как в столице с огнем развлекаются, наследница Ежова целую деревню спалила с холопами.

— Уверен, что воздух? Антон, извини, ты тогда в отъезде был, а я все лично видел. В прошлый раз он креслом его выбил, когда психанул, что магия не даётся. Мы же все видели, какой из него маг. Его ветер только юбки одноклассницам задирать.

Барон проворчал неуверенно, — Так может и сейчас креслом?

— Так в том то и дело, я раму усиленную поставить велел, как в твоих комнатах. Стекло разбить можно, а выбить с рамой не просто, штыри в камень на ладонь.

— Магия проснулась? Задери меня Нерадивый, так он что, и вправду не зря с вызовом?

— В том то и дело, не поймёшь этих рекрутов имперских. Вызов в академию — это же такой шанс для всего рода.

(Палма. Белозерск. Квартал гильдии портных)

Тормознули у яркой вывески «Лучшие костюмы в империи». Серьёзная заявка. Вся улица в похожих трафаретах, костюмы, пиджаки, жилетки. Народу не то чтобы много, но есть. Не всякий сброд, а деловые, квартал не для бедных. Снуют экипажи, верхом всадник промчался, высекая искры из брусчатки. Мальчишки важно и сосредоточенно собирают конские яблоки. Веет спокойствием и уверенностью конца 19 века.

Долговязый мужик с длинной шеей дёрнул дверку и поклонился исключительно матушке: — Ваши светлости, извольте-с, просим-с, госпожа, все готово, все в срок-с. Три костюма на каждый день. Два парадных и один для особенных случаев-с. Брюки, жилетки, рубашки, все высшего качества. Четыре ночи артель не спала-с, лучшее сукно из столицы.

На меня глянул вскользь, проводил слащавой улыбкой, — Молодой господин, пожалуйста в кабинку, на примерку-с.

Кабинку к нашему приходу сделали персональную, отгородив половину мастерской, видно в обычной Боря не помещался. Одеваться помогали пара подмастерьев, суетились пропихивали руки, ноги, регулировали подтяжки. Сидели костюмы не то, чтобы мешковато, не представляю, каким мастером надо быть, чтобы скрыть недостатки этой фигуры. Темно синий, чёрный, коричневый, все вроде ничего, для местной деревни. После облачения приходилось выходить к матушке, пускавшей слезы умиления.

— Боренька, какой же ты красивый, слов нет, какой солидный и взрослый. Гордость моя, радость моя.

Мастер тоже не замолкал ни на секунду, — Вот этот самый лучший, для особых случаев. На приём к самому графу Собакину, хоть сейчас. Да что там графу, к самому Императору можно.

Может я в столичной моде ни бум-бум, но этот последний вообще дерьмо полное, слишком в нем угадывались контуры слонопотама.

Во время очередного дефиле заметил на полу клубок пряжи с вязальными спицами, аккуратно пнул под ширму. Внутри наклонился. Отличная спица, стальная, сантиметров тридцать, аккуратно спрятал в рукав.

— Боренька, милый, какой ты серьёзный, прямо оторопь берет.

— Ну чего, мам, ну.

— Сыночек, сладкий мой, ох невест отбивать придётся.

Лёгкая тень набежала на лицо, губы поджалась. Ага, некстати одну невесту припомнила.

Во время облачения последнего чехла в лицо ощутимо повеяло прохладным ветерком, слуги внезапно застыли, как манекены. Оглянулся, помахал ладонью у пустых глаз. В принципе, что-то такое ожидал, один из парней шевельнулся и прошипел знакомым голосом:

— Боря, ты рад слышать мой голос?

Современник. Не мог не объявиться. Хотя мог бы и не объявиться, я бы не расстроился.

— Недавно виделись, не успел соскучиться, — осторожно зашептал я.

— Что ты понял Борис?

Я недовольно буркнул, — Сутки не прошли ещё, что я мог понять?

— Боря, ты пока не попался, хотя в этом не твоя заслуга. Мне интересно, что ты понял? Ты пока не ценишь моё участие, но когда-нибудь дойдет, сколько я для тебя сделал.

— Сделал? Что-то твоя помощь не ощущается. Хотя в полицейский участок швабру с рыбьими глазами ты прислал?

— Швабру? С глазами? Емко. Только не думай, что я вечно буду за тобой подтирать.

— От меня там ничего не зависело, от слова совсем. Ну прислал грозную тётку, согласен, вовремя. Ну так должен же ты свои вложения, инвестиции оберегать.

— Боря, мне твоя благодарность не требуется. Не инвестиция ты, а скорее монетка, брошенная в фонтан. Может удачу принести, а может и нет. Кроме этой, с твоих слов, швабры, я направил корпус инквизоров по ложному следу, и из-за тебя совершенно безвинный молодой человек прекратил, так сказать, своё существование. Тебя это не беспокоит?

— К чему бы? Я сторонник того, что абсолютно безвинных не бывает.

— Похвально, Боря, тем более не такой уж он и безвинный, говнюк редкостный, как и все аристократские выродки. У нас опять не так много времени. Можешь задать мне несколько вопросов, постараюсь ответить честно.

— Прежде, чем задавать новый вопрос, хотел бы услышать ответ на предыдущий.

Портняжка завис на несколько секунд, похоже вспоминает прошлый разговор.

— Какой ты въедливый, Боря, надо быть проще. Ты спрашивал, как тебе исцелиться, после возврата в собственное тело, лишённое магии? Обычная магия нашего мира действительно жёстко привязана к телу, её резервуар, источник в разных внутренних органах. Интерфейс управления встроен, вплавлен в ладони. Но все же поверь — способ есть. Если бы больше изучал мир, вместо сидения на пятой точке, уже бы знал, что существуют специфические магические разделы, также чужие в нашем мире, как и у вас. Такая магия прорастает в душе и остаётся там навсегда. Удовлетворён? Кстати, не заметил, за тобой наблюдение, более пристальное чем к другим членам семьи?

— Такое не заметить? Око следом только в туалет не ходит. Предполагаю, что из-за мифического вызова, он для всех полная неожиданность. Родственники переругались и до сих пор в шоке. Также не исключаю, что меня подозревают в переселении. За наблюдателями серыми кто-то стоит, возможно инквизоры, которых тут до усрачки боятся. Простая полиция в дела аристократов не лезет, но исправник себя чересчур смело вёл. Есть контора, которая попаданцев не одну сотню лет ловит, значит спецы должны быть, которым я на один зуб.

— А кто говорил, что будет легко, Боря? Ну, так вопросы будут?

Вопросы? Какие же тебе задать вопросы? Картина, которая все не давала покоя, схлопнулась. Повара готовят плохо, архитекторы чертят криво, строители, слуги, вот, даже портной — все делают свою работу абы как.

— Современник, скажи, куда в этом мире делись мастера?

Голос слуги дрогнул, — Интересное наблюдение, как ты пришёл к такому выводу?

— Здесь нет тех, про кого говорят «золотые руки». За сутки не встретил ни одной вещи, сделанной мастером своего дела. Все вокруг тяп-ляп, повара, строители, вот, даже на дорогом костюме строчка неровная. Уверен, это важный вопрос, который многое прояснит.

— И тебя не интересует, кто такие Пилигримы, Нерадивый или Злой ветер?

— Это общедоступная информация, я этого не знаю потому, что у меня просто нет ни к чему доступа. Через пару дней в столицу, где меня никто не видел. Уверен, там будет, и с

кем пообщаться, и что почитать. Так что не увиливай от вопроса. На него мне никто кроме тебя не ответит. Ты видел оба мира и точно понимаешь, о чем я говорю. Этот мир отличается от Земли не только средневековым антуражем.

— Боря, ты меня несколько озадачил некоторой поспешностью. Замечание в целом верное, но мастеров ты ещё увидишь, причём таких, какие и не снились. Да, скоро в столицу, и тебя ждёт ещё множество открытий. Я обещал ответить честно, но на этот вопрос ответить не могу. Давай я продолжу сказку, которую ты начал читать с девочкой:

...

Завистливый, коварный и злобный Юрот, у которого были никчёмные и ленивые сыновья, встревожился известием. Он попросил мастеров, сообщить, как только найдут младенца, чтобы и он мог пойти и поклониться ему.

Мастера дальше шли за путеводной звездой, которая привела их к колыбели. Там нашли они младенца с матерью, поклонились ему и вручили дары — рубанок, циркуль и воск.

Предупрежденные старцы ушли на восток другой дорогой, обманутый Юрот же пришел в ярость и приказал ночью отрубить руки у всех младенцев города и во всех пределах его...

— Это детская сказка. Что по сути моего вопроса?

— Это подсказка. Разгадку ты должен найти сам. Не в том дело, что не хочу отвечать или что-то скрываю. Не хочу тебя подталкивать. Не торопись, собери всю картину и сделай выводы.

— Может не стоит усложнять?

— Сейчас ты не понимаешь, но от этого зависит, чью сторону ты примешь. Наши договорённости в силе. Готовься к учёбе и попытайся не сдохнуть.

— Ладно, ответь хотя бы — почему я?

Слуга распрямил плечи, вытянул вверх указательный палец, — Ты был избран!

— Спасибо, я так и думал.

— Что ты ду...

Слава Вечному ученику, отвечать не пришлось. Скрипучий голос мастера вывел работников из транса, — Чего уснули, черепахи? Молодой господин-с, вам помочь?

Слуги зашевелились, быстро разгладили складки и вывели меня под белые рученьки. Последний костюм откровенно не понравился, и дело было вовсе не в фигуре, которую ничто не могло украсить. Приглядеться к швам — стежки гуляют, нитки топорщатся. Не работа мастера, а обычная поделка кооператива дядюшки Ляо. Пытался указать портному на криво пришитую пуговицу, но получил только визг:

— Госпожа, что может мальчишка понимать в работе лучшего мастера в городе.

Ага, а на вывеске — лучшие костюмы в Империи.

Началась обычная суета, слуги упаковывали вещи в пергамент, кучер набрал коробок выше головы и поволок в карету. Матушка расплатилась и болтала с мастером про столичную моду.

— Госпожа, задержитесь на минутку, посмотрите коллекцию блузок для деловой леди, уникальная возможность. Ремешки, сумочки, прямо из столицы.

— Боренька, ясный мой, на улочке обожди.

Я, невозмутимо толкнул дверь. Пустая потеря времени, ни поговорить нормально ни с кем не могу, ни вопрос задать.

Око вышло за мной на крыльцо, идёт неслышно, в отделении, как бы и не при делах.

Привыкать начинаю.

Чистые факты. В этом мире есть человек или группа людей, которая наблюдает за нашей Землёй. Наблюдает скрытно, успешно, насколько давно? Знают много, гораздо больше, чем показывают. Есть возможность вмешиваться и влиять на события. Вмешиваться запрещено? Шифруются от Ока, боятся неведомых инквизиторов, или только хотят это показать? А кто сказал, что не вмешиваются? Меня ловко окучили, пикнуть не успел. Также хоть президента, хоть самого Папу Римского.

Цель? Если наблюдают — значит им что-то нужно. Вторжение? Вторжение — это не цель. Ресурсы? Тогда какие? Территория? — Здесь своей полно. Люди? — Своим жрать нечего. А почему? Автомобили, электричество есть, значит часть истории этого мира с Землёй совпадает. Когда что-то пошло не так?

Боря, кусок ты дебила. Элементарные вещи связать не в состоянии. Отвечать на вопрос отказался, почему? Сделал вид, что подталкивать не хочет, значит как раз подталкивает к мысли, что ответ не один. Должно найтись несколько противоположных мнений. Нейтральная сторона или хочет выглядеть. Ненавязчиво показал, что имеет доступ к записям Ока. Швабру канцелярскую на помощь прислал, с его слов, а может примазался.

Опять додумал до головной боли и рези в голове, но надёжных выводов нет. Чего матушка долго возится?

Из-за глухого деревянного забора слышался звон разбитого стекла, крики и брань. Око мгновенно развернулось и скрылось за углом. Ага, есть события более важные, чем наблюдать за скучающим безобидным подростком.

Есть пара минут, которые можно провести с пользой. В соседнем полуподвальном окошке сторбился старик над швейной машинкой. Свечи чадят. Вывеска косая, выцветшая, еле прочитал: «Костюмы». Серая неприметная конторка, вот в таких обычно тёмные делишки и обстряпываются. Толкнул рассохшуюся дверь.

Старик поднял голову, перекусил нитку. Взгляд цепкий. Голос спокойный, без подобострастия:

— Чем могу помочь, молодой человек? — голос дрогнул и поправился, — Ваше благородие.

Оглядев всю тушу, которая заняла половину мастерской, поправился ещё раз, — э-э-э, ваше степенство.

Нет, ошибся, нет тут никакого криминала. Застарелая усталость в глазах, тоска. Всего по чуть, мрачная решимость, тревога и переживание за близких. Старческое упрямство, на грани фанатизма, вон как зубы стиснуты. В углу матрас, буржуйка, закопчённый чайник. Спит в мастерской, ест тут же. В руках латаная куртка. Это что же работа для мастера, к драной куртке рукав пришивать. Борется старый мастер за место под солнцем из последних сил, но конец явно не за горами.

Поздоровался, представился, не терплю людей, скрывающих своё имя. Откашлялся, — Вывеска у вас совсем старенькая. Это же квартал портных. Вся улица мастерами занята. Вон слева — «Лучшие костюмы в Империи», справа — «Лучшие костюмы в мире». К вам же так никто заходить не будет.

Мастер сдвинул брови, — Говори, по делу зашёл, али языком чухать?

— Говорю, случайно проходил, вывеска у вас такая неприметная, что считай и нет её.

Старик тяжело вздохнул, искорка интереса погасла, — Вы же сами видели, молодой человек, какие вывески у соседей. Что я могу повесить рядом с такой красотой, — нехорошо

прищурился, — А ты что рекламный? У меня денег нет.

— Да нет, отец, не рекламный точно, но в рекламе кое-что соображаю. Да, собираюсь рекламой заняться, поэтому готов вам вывеску сделать совсем бесплатно.

Старик замолчал, сжав губы, — сказал, денег нет.

— Мастер, вижу дела у вас идут не очень? Давно не было хороших заказов?

— С чего ты взял? Вот увидел старика одинокого, думаешь легко возьмёшь? Из-под швейной машинки показалась узловатая клюка, — Да я таких как ты каждый день пачками... У мастера Леонтия его сиятельство такие наряды заказывал.

Оглядел клюку — мощно. Пример с рыжей сестрой перед глазами. Не только увернуться, зажмуриться не успею.

— Не сердись, отец. Давайте просто подсказу, что на вывеске написать, чтобы народ к вам повалил? Вот так, чтоб прям не протолкнуться.

Мастер прошепелявил, — Откуда ты можешь знать? Нельзя повторять, что у других написано, за это штраф. И буквами нельзя такими. На на-чер-та-ни-е патент. Шагай ка отседа, нечего баламутить тут.

Я развернул рулон пергаментной бумаги, цапнул карандаш, — Не будем мы ничего повторять. Сейчас своё придумаем.

— Вот так просто придумаем? Ну шёл бы ты а?

— Напишем просто, но со смыслом, — «Лучшие костюмы на этой улице». Вот, рисуем буквы, потом по контуру лезвием.

— Ты же из благородных, да? Все вам измываться над простыми.

Глядя, как я орудую лезвием поправился, — Ты портной да, закройщик из конкурентов?

Я перестал обращать внимание на ворчание, столько шрифтов на компьютере видал, пусть руки не помнят, но голова подскажет, — Доску сначала белой краской, потом, как подсохнет, по трафарету ваксой.

Портной покосился на буквы, — Красиво. Строго. И нет такой ни у кого, — спохватился, зыркнул исподлобья, — Денег нет, я уже говорил, — клюка начала выписывать восьмерки.

— Отец, сказал же, не надо денег. Цвет обязательно чёрный, не так, как у соседей. Справа вывеску видели, каждая буква своим цветом, это признак дурного вкуса. Слева жёлтые буквы на белом фоне, это ещё хуже — признак дурной головы. Напротив вон, тоже нельзя, буквы в высоту тянуты, — вспомнил надписи на сигаретных пачках, — так пишут то, что вообще никто никогда не читает.

Старик продолжал, — Молодой человек. Я пожил на этом свете достаточно, и кое-что понимаю в жизни. Услуги, за которые не просят рассчитаться деньгами, потом обходятся намного дороже. Откуда ты свалился на мою голову?

Вот же подозрительный крендель. Жизнью битый не раз.

— Повесьте повыше, как раз между соседними, справитесь, есть кому помочь?

— Да внук помогать приходит, подсобит, оглядел трафарет неверяще, пощупал руками и даже на зуб, — А если спросят, это, чей этот, как его — дизайн? Соседи прибегут, а то и артельный.

— Так просто и отвечайте, — дизайн Бориса Скотинина. Вот вам моя ладонь.

Потопал вверх к двери, оставив портного с разинутым ртом, у выхода обернулся, подбодрил, в первую очередь себя:

— Уверен, мне скоро понадобятся новые костюмы. Обязательно понадобятся и

обязательно скоро. Теперь я знаю, куда загляну через месяц или два.

(Палма. *Шатер кочевых гитан.*

Богато одетый мужик с густой черной бородой, косится на пару обнаженных красавиц, разминающих хозяину спину)

— Баро, я пришел с хорошими новостями. У твоего табора появился шанс не только погасить старые долги, но и достойно заработать за пустяковое дело. Есть отличный заказ, хотя и не совсем по вашему профилю.

— Клиентам в своей лавке в уши ссать будешь, — хозяин шлепнул девиц по задницам, — Марш отсюда. Когда такой прожжённый торгаш начинает расхваливать товар — надо держать ухо остро, как бы без штанов не остаться. Кто тебе на этот раз дорогу перешел?

— С людьми, которые мне осмелятся перейти дорогу, другой разговор. Это просто мелкий камешек, попавший в сапог. Зять мой новый, сын Скотинина, не наследник, парень обычный. Ну не совсем обычный — жирный, слабый и медленный. Проблем точно не будет, боевые навыки на нуле, ни ума, ни охраны.

Баро нахмурился, — Аристократ — раз, сын барона — два. Не на своем поле играешь. Не нравится мне что-то твой энтузиазм. И от заказа твоего воняет.

— Мести со стороны рода не будет. Он всю семью так достать умудрился, что тебе Скотинины еще и спасибо скажут. Это если след к тебе приведет. Но гитане чисто работают.

— Мягко стелешь. Дорого это стоит будет.

— Не дороже слез. И особое пожелание — исполнить надо так, чтобы следы привели к брату барона.

Явление 11

Улица встретила духотой, пылью и шумом. Матушка выходить не торопилась, поэтому присел на каменные порожки. С такой жировой прослойкой не то, что камне, на льду сидеть можно. Аккуратно высунул из рукава спицу, начал елозить указательным пальцем о брусчатку. Кончик сам себя не заточит. Видит Вечный ученик, будь он неладен, пригодится, чихнуть не успею.

Я был избран, круто звучит. Только вот вопрос, в какой момент меня разменяют и на что. Показал, что наблюдает, в курсе каждого шага. Значит доступ к Оку имеет, скорее к базе, куда вся информация сливается. На вопрос отвечать не стал, сам я догадаться должен. Есть официальная линия и, похоже, оппозиция. У всех своя правда. И я должен решить, к кому примкнуть. Почему так явно? Только одно объяснение — нихрена не важно, ни что я пойму, ни к кому примкну.

Маман вылетела, хлопнув дверью и обдав шлейфом цветочного аромата. Зыркнула на кучера и махнула рукой, — Боренька, не сиди на земле, ты аристократ, а не какой-то там крот.

Чем матушке не угодило милое землеройное — не понятно, но я поплёлся в карету. Под тряску нелепого экипажа прикрыл глаза и постарался немного расслабиться.

(Боренька, не сиди на земле, ты аристократ, а не какой-то там крот).

Хоть с какой стороны смотри — мертвец перенёс именно меня. Кинулся под машину

там, где гарантированно увезут в конкретный морг. Знает про мои головные боли, опухоль, про хобби намекал. Многозначительно, но ничего конкретного. Такая операция требует серьёзной подготовки. Слежки, наблюдения не чуял, я всегда настороже. А если с помощью магии? В нашем мире нет магии. А не хотел ли мне это внушить? Перед переносом угрожал, что перейдёт к другому. У тебя не было другого кандидата, ставка на меня. Если я фигура на шахматной доске, после слов про избранного, должен вообще себя ферзём почувствовать. Можно ли спрогнозировать мои действия в этом мире? Как можно мной управлять? Зависит как долго за мной наблюдали. Если достаточно долго, могли психологический портрет составить, но насколько качественно и надёжно? Не тянет на хороший план, если только не насрать, что я тут буду делать. Как это не прискорбно, основное действие разворачивается не здесь. Я просто для отвлечения внимания, даже не пешка для размена, а козюля из носа, прилепленная под столом.

Может настоящий Боря — вот фигура? Он от чего-то сбежал? Или у него важный предмет? Что-то спрятали? Так сознание же переносили, не предметы. Важное знание? Или у него в моем мире есть миссия, как раз на пару лет. Нужна информация, просто как воздух, одни и тех же вопросы по кругу. Постучалась новая мысль — а если и не я и не Боря не важны? Если дело в другом? Тогда...

Матушка продолжала причитать, кидаясь из крайности в крайность. Её попеременно то распирала гордость за взрослого сына, то начинались стенания и заламывание рук. Надоедать начинает. Едем без Ока, поэтому в окно газетей можно свободно, чем я и воспользовался. Проплывали дома, вывески, экипажи и редкие прохожие. Тихие сонные улицы, на окраинах всегда так. Реклама конкурса — «Приглашаются танцоры любых стилей не ниже третьей ступени для участия...». А вот ещё, как под копирку — «Если ты профессиональный садовник второй ступени, обязательно записывайся на конкурс стрижки декоративных растений». Мода у них такая что ли?

Знакомое, давно забытое ощущение, как будто я вновь в ущелье внутри грузовика, приближающегося к засаде. До первого взрыва четыре минуты. Или в полевом госпитале, готовлюсь вынимать осколки. Скоро накроет, и брезентовая палатка превратится в кровавый фарш. Я всегда ему доверял, этому чувству, и поэтому до сих пор жив. Достаточно трёх биений сердца. Раз — взгляд, два — Око, три запах. Ага, четыре — скорость. Ещё чувство опасности, нарастающее с каждой секундой. Для принятия решения информации достаточно, а значит сейчас вот сейчас должна наступить уверенность и ледяное спокойствие.

Ни уверенность, ни спокойствие не пришло. Эмоциональных якорей не хватает. Где ответственность за порученную миссию, сопереживание за людей, которым нужна моя помощь? Ничего в голову ничего не пришло, кроме гаденького — надо спасти свою шкуру.

Вариантов для действия не много. Замедлил дыхание, стиснул пальцами спицу и начал считать пульс. Мне нужен один точный укол, я не могу ошибиться. Стоп, крепости пальце не хватит. Перехватил спицу, уперев конец в камень на ладони.

На очередной кочке тарантас подпрыгнул выше обычного, и матушка сама влетела мне в объятия.

— Ой, чтоб вас всех, Боренька, держись.

Спица вошла под точно рассчитанным углом слева в поясничную область. С этой стороны очень мало нервных окончаний, в умелых руках такая инъекция малочувствительна. А если добавим жару и тряску, дело сделано. Мгновенно иглу назад, чуть не выронил, от

напряжения пальцы скрутило судорогой.

— Держись сынок, приедем, велю кучера выпороть, а лучше отцу скажем, и на ворота, на ворота его. Надо же так тряхнуть, аж дыхание вылетело.

Диаметр спицы чуть меньше миллиметра, через такой прокол из абдоминальной аорты литр крови выйдет минут за пятнадцать. Прикрыл глаза, надо просто немного подождать.

Через пять минут карета вылетела на площадь, перегороженную людьми в форме. Кучер, повинувшись незримому приказу, остановился так, что коробки и подушки полетели на пол.

Я прилип носом к окошку. За живой изгородью из бравых вояк собралась приличная толпа. Большинство снимало центр, где происходило интересное. Толкались плечами, не разрывая ладоней. Око одно, второе, третье. Десяток военных в брезентовых костюмах успокаивали кого-то нехорошего. Разглядеть пациента не удавалось, тело было опутано сетями в десяток слоёв. Военные действовали слаженно, орудовали баграми, накидывали новые сети и верёвки. Заколачивали прямо в брусчатку колышки, плели растяжки, превращая тело в смесь туристической палатки с коконом гусеницы. Когда туша была упакована как китайская посылка, пара военных оставила пики и приблизилась. Один развернулся и начал позировать для фото.

Так и хотелось крикнуть — «Не стоит». Сети разлетелись в одно мгновение. Скрытая фигура распрямилась, взрыкнула и мгновенно бросилась на ближайшего солдатика. Ожидал монстра увидеть, ан нет, обычный труп, человеческий, видели и пострашнее. А то, что живой, так и живых тоже встречали. Здоровенный и суставы перекручены, судя по отваливающимся щекам — дней семнадцать-восемнадцать в этом климате. Шустроватый для своей комплекции, метра на четыре с места сиганул. Любопытно, откуда такое чудо в центре города, и ещё более интересно — на моем пути?!

Народ ревел, толпа ломилась назад, кого-то задавили явно. Монстр, впрочем, ни на кого внимание не обратил, присел над добычей и зачавкал, не обращая внимание на уколы со всех сторон. Толпа бесновалась, как на майдане, осатанелые солдаты метались и вопили.

— Фу, мерзость, — бросила матушка и отвернулась. Будто каждый день на её пути живые мертвецы людей жрут.

Беспредел на площади прекратился в одно мгновения, рядом с неизвестным монстром возник знакомый фиолетовый портал. Неспешно вылезла фигура в чёрной сутане, огляделась, почесала ниже спины, руки взметнулись вверх. Военные и ближайший народ застыли как мухи в киселе. Монстр, освободившись от сетей, перестал трепать свою жертву и повис в воздухе. Во, сразу видно работу профессионала.

Досмотреть экзекуцию не удалось, по карете настойчиво заколотили, — Куда прёшь, в объезд, здесь до вечера будет закрыто.

Экипаж повернул, обдирая бока, и затрясся по новой узкой улочке.

Развязка путешествия была не за горами. Матушка начала чувствовать неладное, забеспокоилась. Щупала лоб, рассматривая липкий холодный пот, потрогала кончик языка.

Ага, немеет значит. Я сквозь опущенные ресницы наблюдал, как бледнеет лицо. Все признаки сильного внутреннего кровотечения.

Пора. Спокойно повернулся, махнул, привлекая внимание.

— Ладно, мама, или как там тебя, хватит кривляться.

— Что, Боренька, со мной что-то.

Я грубо изменил тональность, сказал отрывисто, выделяя каждое слово, — Где моя

мать?

— Что, это ты? Ты что сделал, сынок? Как?

— Женщина, я никогда не повторяю дважды!

— Что? Я, я же...

Женщина начала дёргаться, потянулась к сумке. Наконец догадалась сунуть руку под корсет, удивленно уставилась на окровавленную ладонь, — Да ты, ты знаешь? Ты что сделал?

— Если я не услышу ответ на вопрос, через десять секунд я сломаю тебе шею.

Бессильная ярость. Взгляд затравленного хищника, бывшего в шаге от добычи. Боль и злость. Пыталась вскочить, вытягивая скрюченные пальцы, но охнула и завалилась обратно.

— Я просто хотела поговорить? Я, мы...

— Пять!

— Это проклятие, да? Ты меня проклял? — глаза женщины начали коситься в водительскую сторону.

Я отбросил пальцы, которые начали цепляться за одежду, придавил ладонью, — Не отвлекайся, кучер не поможет, он просто не успеет.

— Скотина, ты знаешь...

— Три!

Женщина шумно задышала, в глазах отразилась паника, выплюнула из себя, — Да все хорошо с твоей матерью, усыпили в подвале у портного. Я, мы, просто хотели поговорить. Мы подозреваем, что ты...

— Достаточно, мне это не интересно, — едва заметно выдохнул, внутреннее напряжение отпустило. Все-таки небольшое сомнение терзало — точно ли матушка фальшивая. Первое — запах. Яркие цветочные духи, аромат чуть сильнее, чем до примерки. Женская сумочка оставалась в карете, духи дорогие, редкие. Не могла она в мастерской аромат освежить.

Второе — Око назад не поехало, совпадение, но проще думать, что его специально отвлекли.

Третье — переглянулась эта матушка с кучером, а до примерки смотрела как на пустое место. Каждое в отдельности — ерунда, все вместе — сигнал. Потом уже и скорость добавилась, быстрее назад поехали, а когда в объезд свернули — совсем понятно стало, но в это время дело уже было сделано.

— Как ты догадался?

Я приподнял бровь, — Разве я похож на человека, который просто так выдаст свои методы познания?

— Ты можешь это остановить? Сколько у меня времени? — выплюнула совсем другим голосом, более тихим, обречённым и перепуганным до усрачки.

Другое дело. Я нехотя пояснил, — Кровь снаружи — ерунда. Я открыл у тебя сильное внутренне кровотечение, постепенно твои внутренности наполняются кровью. Остановить это сможет только сильный лекарь. Времени минут пятнадцать, на карете не успеть, истечёшь раньше.

«Матушка» откинулась на сиденье, начала заваливаться на бок. Уже не говорила, а только шевелила синими губами. В глазах плясал неприкрытый ужас.

— Зачем ты так? Это проклятие крови, да? Откуда у тебя...

Глаза закатились, потеряла сознание. От потери крови рановато, от испуга шок. Прижал

палец к шее. Пульс слабый, но толчки равномерные.

Орудие преступления надо уничтожать гарантированно, желательнее сразу. Неизвестно, какие у местных ищеек методы. Пока надо надёжно спрятать, задрал рубашку, пощупал на боку могучий жировой валик, проткнул и аккуратно задвинул спицу на всю длину. Не гигиенично ни разу, но сейчас надо о другом думать.

Сорвал занавеску с окна, обернул руку, аккуратно осмотрел дамскую сумочку. Ключи, помада, зеркальце. Пару ампул, блистеры с таблетками. Флакон духов, пока никаких зацепок.

Нашёл любопытный перстень с чёрным камнем. Верхняя грань пятиугольник, вокруг шестиугольники, прямо как кусочек футбольного мяча. По центру блеснул золотой иероглиф. Покрутил перед глазами, запоминая рисунок, забросил обратно. Все, времени нет.

Постучал по стенке требовательно, останавливая карету.

— Эй, болезный.

Кучеру хватило одного взгляда внутрь, чтобы в руке блеснуло лезвие.

— Что ты сделал? Тварь, да я тебя на лоскуты, — бодро так начал приближаться, дохнуло гнилыми зубами, — Что с ней?

Сжал мне горло, точнее до самого горла не добрался, просто схватил за складку между четвёртым и пятым подбородком, тряхнул, — Отвечай, тварь.

Я спокойно выдал, глядя прямо в глаза, — Это проклятие крови, — спасибо псевдомаман за подсказку, — Спрячь ножик и к лекарю её, немедленно.

Глаза кучера полезли из орбит, рука на шее сжалась сильнее, лезвие приблизилось к глазу, — Ты, ты, она хотела просто поговорить.

Ответил с чувством, — Так не начинают разговор. У вас очень мало времени.

На лице мужика отразилась ожесточенная работа мысли, почти физически услышал, как извилины пришли в движение.

Я снова чуть подстегнул, — Теряешь время. Я никуда не денусь, жизнь вытекает из нее капля за каплей.

Здравый смысл похоже пересилил, шею отпустило, — Жди здесь, у кареты, если она умрёт, я...

Не договорил, отвернулся, начал что-то тихо шептать в ладонь. Портал загорелся фиолетовым сиянием. Выпрыгнул бритоголовый мужик с саблей, мгновенно перетёк в боевую стойку. Следом вылезла еще пара разбойничьих рож, рассредоточились, поигрывая кинжалами и кастетами.

Кучер подхватил «матушку» на руки, схватил сумочку, — Обыскать этого и глаз не спускать, дёрнется — знаете, что делать, — в очередной раз испепелил взглядом и исчез вместе с телом.

После основательного обыска, когда у меня перетрясли одежду и перевернули всю карету, вышел на воздух. Площадь не большая, не разгуляться, да и удалиться нельзя, пропущу все самое интересное. Лысый следовал на пару шагов сзади, тискал оружие и хмурился. Обычный боевик, блеск в глазах фанатичный. С такими вообще бесполезно говорить, насмотрелся в своё время. В уши нассано так, что в голове кроме лозунгов ничего. Резких движений не делал, просто наблюдал за округой.

Вывески однотипные, приглашение на конкурс землекопов, курсы скоростного доения, водителей карет. Вот что-то новое — «Срочно разыскиваются члены конкурсных жюри с любой степенью оценки».

— Горячие пирожки, беляши, чебуреки!

От призыва торговли внутренности заплясали польку. Задавил призыв, отвернулся.

Вот магазин посуды, на витрины горшки расписные. Через витрину разглядел покупателя, женщина неопределённого возраста долго выбирала кастрюлю, крутила, щупала. Интересный процесс покупки, встала на колени, протянула продавцу ладонь.

Прошёл от витрины поближе, разглядел на полу специальную подушку. Ага, некоторые покупатели рассчитываются стоя на коленях. Похоже это не прихоть, а особенность работы местной платёжной системы с разными условиями.

Дальше отходить от кареты не решился. Сопровождающий уж больно нервный. Присел на камни, тренироваться в считывании людей, эмоциональный интеллект тоже развивать надо.

Город жил свое особой жизнью. Адская мешанина средневековья, нищеты и кричащей роскоши. Усатый клерк с портфелем, улыбается сам себе, тайком щупает внутренний карман. Все мысли на лице, подарок женщине. Лёгкая тревога, а не узнает ли жена, и предвкушение интересной встречи.

Пара учеников с портфелями, привет, беззаботное детство. Стайка сверстников в рванье и грязи. А этим не повезло, учиться значит не все могут. Вон взгляды на учеников завистливые, злобные.

Паланкин на плечах шестёрки чернокожих. Та же карета фанерная, только без колес. Негры тоже фальшивые. Ваксой мазаны по самые помидоры, а так морды простые, рязанские.

Женщина в платке тянет тяжелое ведро. Тоска, мрачная решимость. Одна, без мужа. Кухарка или уборщица в общепите. Обьедки и помои в ведре для скотины, а то и для себя или детей.

Господин приличный в цилиндре, за ним воришка-карманник. Интересно, что можно спереть, если все деньги на милости. По любому что-то ценное должно быть, чем можно расплачиваться и за товары, не совсем легальные, и за откровенный криминал. А господин не прост. Делает вид что воришку не видит, а плечи напряжены и трость интересно держит. Свернули в переулок, будет там продолжение.

У входа в магазин тройка нищих. Оборванных, грязных. Слепой, одноногий с костылем, и третий, демонстрирующий гнойные язвы. Провожают взглядами проходящих людей, мычат, звенят коробками с мелочью. С мелочью, стоп. Есть тут значит живые монеты, не все расчеты на милости. Пара нищих настоящие, последний с язвами ряженный. Двое других на него стараются не смотреть, но ощущается не просто страх, боятся его смертельно. Киллер на задании, не иначе.

Вот ещё один франт, белые штаны с лампасами, кружевное жабо. За этим двое охранников, в возрасте мужики, тёртые. За ними трое разбойной наружности, почти не таятся. Ещё один впереди, сигналы подаёт. Интересно тут люди живут, такой квартал, где приличному человеку в одиночку лучше не появляться.

Проплыло Око, на меня посмотрело, дёрнулось, но отвлеклось на проезжающий экипаж, запряжённый шестёркой белоснежных коняк, потом переключилось на франта. Пока отвернулось, перебрался на другую сторону кареты, от греха подальше.

Люди, люди и ещё раз люди. Разные, весёлые, грустные, все со своими проблемами, заботами. Попадают интересные экземпляры, нужного мне типа, но сейчас просто наблюдаем, не пришло ещё время охоты.

Через часок подъехала телега с сеном, остановилась бортом к двери. Пара мужиков вытащили бесчувственное тело, перегрузили в карету.

Знакомый кучеряка подошёл, прошипел прямо в лицо, — Тебе повезло, она будет жить, но м-мы ещё не закончили.

Есть такой контингент, последнее слово обязательно должно за ним остаться. Вот чем надо питаться, чтобы от зубов одни черные пеньки остались?

Полез управлять лошадьми, бросил сквозь зубы, — Тебе что, особое приглашение.

Картина за окошком не менялась, те же грязные улочки, серость и убогость вперемешку с золотыми дворцами. Матушка жива, спит, сразу проверил. Отвлёк от созерцания нового мира жар в ладонях, прямо так осязаемый, будто обхватил чашку с кипятком. Соединил камни и активировал милость.

Борис Скотинин, путь Вечного ученика.

Сопротивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 7 \% = 57 \%$

— Харита, ступень 3 (дворянин по праву рождения), прогресс 169 из 2016

Доступны умения 4 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретённое), прогресс 25 из 1728

— Архитектура, ступень 2 (открыто самостоятельно), прогресс 241 из 864

Следующая строчка полыхала красным:

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 31 из 72, направлен запрос в Храм пилигримов. Заморожено.

Харита на единичку подросла, Вечный ученик его знает от чего. Магия воздуха аж на две единички скакнула, похоже из-за моих упражнений в комнате. Быстро прикинул в уме, такими темпами года через три на следующую ступень поднимусь.

Новое умение без названия добавилось, и прирост сразу солидный. К бабушке не ходи, жар в ладонях от него. Понятно, из-за приключений последних. Но что сработало, как и для чего — вопрос.

Матушка очнулась, когда до дома оставалось пару минут, — Ой, сынок, я задремала, да? Проклятая колымага. Что-то дурно мне, душно. Отвернулась, замолчала, уставившись в угол. Пустая размалёванная кукла. Печальная, сосредоточенная. Вот так свет падает, и морщинки вокруг глаз видно, тени, усталость. Актриса хорошая, как все женщины, реально ли Боря для нее что-то значит?

Карета остановилась во дворе, можно выходить, но матушка продолжала сидеть, стиснув сумочку. Хмурое лицо, похожее на серую маску, отразило бурю эмоций. Промелькнула тревога, облегчение, сомнение. На секунду подняла голову, взглянула прямо в глаза и сжала кулачки, будто на что-то решаясь, — Сынок, спасибо. Я знала, что ты станешь сильнее.

Не давая опомниться, схватила под руку, поволокла на крыльцо, — Эй, холопы, бегом коробки Борису в наверх. Сыночек надо маме Розе показать обновки. Теперь ты в столице будешь просто загляденье.

(Шатер кочевых гитан.

На пороге стоит исправник и наблюдает, как хозяин пользует черноволосую девицу, стоящую на четвереньках.)

— Баро, старый ты крокодил, все пьешь, воруеть и девок портишь?

— Гражданин исправник, как можно? Мы люди простые, свободные. Сегодня здесь, завтра там. С законами дружим, ну почти. Бывает, что где лежит плохо, но так нам сам Вечный ученик воровать позволил, только велел с начальством делиться. Мы заветы исполняем свято.

— Знаешь, Баро, удивляюсь я, почему вас еще в Рваные земли не сослали?

Вопрос не требовал ответа, поэтому Баро промолчал, засопел как паровоз и ускорился.

— Есть дело. Тут в усадьбе, рядом. Дело простое, плевое. Знаю у тебя спецы есть. Оплатить не смогу, как оно того стоит. Сам знаешь, управа мы не богатая. На руках предписание, гнать из города вас. Так вот, я могу предписание на пару недель придержать.

— А чего нам, неделей больше, неделей меньше. Снялись да ушли, ищи гитана в поле.

— Пообещать могу, что никто следствие вести не будет. Искать не будут, да и...

— Что-то пахнет от твоего заказа, как от.... Искать не будут говоришь? А если до Собакина дойдет, кто сына его барона грохнул?

Лицо исправника позеленело, он сделал шаг назад и начал щупать место, где обычно пристегнута кобура, — Баро, я не говорил, что заказ — это сын барона. Кто рассказать мог? Не знал же никто.

— Да расслабься, гражданин исправник. Про магию гитан слышал? И прошлое, и будущее нашим женщинам доступно, — шумно выдохнул, шлепнул девицу по заднице, — Если их обрабатывать хорошо.

— Это я так, к слову. Давай дружить крепче, месяц мы тут еще стоим, и на рынках своим скажешь, наших не гнать. Устрою твой заказ в лучшем виде

На подкашивающихся ногах добрался до своей комнаты и рухнул возле унитаза. Еле нащупал в жировых складках, вытащил спицу совсем с другой стороны, от едва заметной дырочки. Неспешно изломал на части, насколько хватало крепости пальцев. Смыл в унитаз.

Ноги сами потащили в сторону кухни. Прогулялся по территории, занятой поварами и слугами. Привыкаю, что народ шарахается, как от чихнувшего в маршрутке.

Матушка тоже не так проста. Приоткрылась осторожно, показала, что понимает чуть-чуть больше. Больше чего? Что она может понимать? Только если мое переселение не случайное. Да тут каждый играет по своим правилам. Пора тоже начинать свою партию.

Как только моя фигура замаячила в проходе сервировочной, повар кинулся, заслоня грудью столик с тарелками и кастрюльками. Частый тут Боря гость, но не совсем желанный.

— Молодой господин, не велено, барон настрого...

— Эй, плесень, да как ты смеешь, я сын хозяина, тут вообще мое все!

— Не велено, Его милость разрешил немедленно охрану вызывать.

— Что ты хрюкнул? Сразу охрану? Прямо сам барон сказал? А ничё, если эта охрана тебя на ворота. Там как раз место освободилось.

— Молодой господин, простите, прямо точно слово в слово, если случится нападение на усадьбу, прорыв мерзости или тьфу, тьфу Борис появится на кухне, сразу охрану зови. Вот, свисток лично выдал.

— Да ладно, чего там. Должен же я знать, чего на ужин будет.

— Плов на ужин, по особому польскому рецепту. Повар специальный приглашён, все знают, что в Польше самые знаменитые мастера плова.

Я вытянул шею, заглядывая в белую комнату. Стол, заставленный всевозможными блюдами, снедью, к выносу готовятся. Обратил внимание на сестрёнку, пихающую пучок зелени в пасть жареной рыбине.

— Эй, а ей, значит чего можно?

— Так, молодая госпожа часто помогает, у неё и навык открыт — помощник повара, — прикусил язык, — Даша у нас всегда дорогой гость. Вы простите, а вас не велено.

— Да ладно, не ссы, на секунду всего.

Пихнул повара плечом, сделал пару шагов к столу. Сзади раздалась переливчатая трель. Не прошло и пяти секунд, как перед столами выросла тройка охранников. Бить меня не стали, но встали плечом к плечу, загородили припасы, всем видом показывая, что враг не пройдёт. Аккуратно начали теснить на выход.

Да не очень-то и хотелось, что надо увидел.

— Чего уже и понюхать нельзя?

— Простите, господин, знаем ваше понюхать, проходили уже.

Окрикнул сестрёнку, — Даша, иди скажу что-то.

Девчонка оглянулась, заулыбалась, мигом бросилась, обхватила ногу. Утомить умудрилась ровно за пять секунд, — Боря, а я тут помогала, это называется сер-ви-ро-вка. Давай поиграем, давай ты меня покатаешь. А когда будем башню рисовать? А Лилия сказала, что тебя в академию не возьмут, потому что ты толстый. Нет, не верь, ты не толстый, ты просто большой и мас-сив-ный. А Коля сказал, что ты спесивый. А Агата мне подарила...

Крейсерская скорость Бориса и так не соответствовала нормативам, а с грузом на ноге упала совсем.

— Даша, отцепись свинёнок. Слушай, а давай в новую игру поиграем!

Девчонка захлопала в ладоши, — В какую?

— Понизил голос до шёпота, — В секретную! Умеешь считать? До десяти? Правда, не обманываешь? У ну покажи. Сколько тут на полу плиток?

Девчушка наморщила нос и начала старательно загибать пальцы, — Один, два, три...

— Отлично, верю. Слушай, что надо делать...

(30 минут спустя. Усадьба Скотининых, малый обеденный зал)

Ужин начался также, как и обед, и завтрак, и похоже любой приём пищи, с семейной молитвы.

Отец задерживался, заводилой в этот раз был дядя Петя, не церемонясь уселся на место барона и попытался скопировать бас, — Кто указал нам путь к Творцу?

— Вечный ученик.

Рука брата с вилкой потянулась к моему боку. Решил не реагировать, все равно в сало попадёт, не жалко.

Слуга откинул крышку, я вдохнул поднимающийся аромат. Сейчас заценим, что там по особому польскому.

Плов откровенно разочаровал, а у повара столько спеси было. Я на костре под проливным дождём лучше бы сделал. Да у нас за такой плов на рыбалке без выпивки оставляют. Рис сваялся в вязкую кашу, на дне плавал жир, куски мяса откровенно сырые и горелые с одного бока. Специи и то, совершенно не гармонировали, хотя напихано так, что глаза резало. Ещё факт в копилку моей теории.

Оказывается, это мне плов не понравился. Боре, кажется, понравился очень. Любой кусок, просто поднесённый ко рту, сразу таял на языке. Растворялся прямо с костями, и глотать ничего не надо. Вот ты Боря как меня обмануть решил, хитро. Отложил приборы. Не хочешь по-хорошему, глазами питайся. Не знаю, насколько меня хватит, раньше с таким безжалостным, коварным и извращённым врагом мне сражаться не приходилось. От жуткого голода в животе бушевала настоящая буря. При виде всего разнообразия желудок кидался на все органы. Слюна выделялась в таком количестве, что сглатывать не успевал. Чуть приоткрыл рот, побежало как у пса на гербе Собакиных.

Главное действие развернулось на другой стороне стола, где восседал двоюродный брат Игорь, в окружении чопорных сестер. Белобрысый, прилизанный, рубашка с манжетами, с маской такого высокомерного засранца, что Драко Малфой бы лопнул от зависти.

Игорь на секунду завис, вдыхая аромат, шумно сглотнул и ринулся в блюдо руками.

Эх, жаль, что барона нет, такой концерт пропустил. Семья переводила недоумевающие взгляды с меня, на жрущего Игора. Особенно умиляла реакция дяди Остапа, который как маятник крутил башкой между своим сыном и моей персоной. Вот, начало доходить, что происходит, на лице испуг, переходящий в панику. Что-то новенькое — если бы взгляд мог поджарить, он меня бы осталась только кучка пепла.

Я легонько подтолкнул Николая локтем, — Николай Антонович, будьте любезны, подайте вон ту соусницу.

— А, что?

— Николай Антонович, думаю, брусничный соус к осетру будет весьма кстати.

— Что? Мама. Меня Боря козлом обозвал.

— Мила, утихомирь своего гаденьша.

— Наама, кроме пары твоих ублюдков, в этой комнате гаденьшей нет.

Игорь начал загребать еду не только руками, упал лицом в горячую кашу. Семья начала вскакивать, переворачивая стулья. Дети орут, женщины визжат, заламывая руки. Эх нет барона, чтобы разом всех по струнке. Никакой из дяди Пети командир, вместе со всеми глаза выпучил, только руками машет, будто пытается взлететь. Кроме меня спокойствие выражало только Око. Стояло и молча снимало всю вакханалию. Не надо сильно выделяться, тоже поднялся с места, сделал лёгкий круг вокруг стола, на лету подхватил летящее блюдо. Трофеи — это святое.

На Игоря было сначала больно, а потом страшно смотреть. Он заглывал куски вместе с костями, давился, хрипел. Наконец, начал биться в судорогах, расшвыривая предметы со стола. Опрокинулся навзничь, из носа и глаз хлынула кровь. Одна из мачех догадалась закричать, — Охрана, лекаря.

Унесли Игоря, прямо на скатерти, четверо охранников схватили за углы и строевым шагом с песней в неизвестном направлении. Игорь продолжал что-то пережёвывать, судя во вылезшим из щеки зубцам — десертную вилку. Семейный обед несколько омрачен, или кому как.

— Борис, в кабинет барона, немедленно! — дядя Петя, сжав кулаки заревел на всю столовую.

Очень интересно, при чем тут Борис. Или тут во всем Борис виноват?

К тому времени, пока я добрался до отцовских апартаментов, озабоченный родственник ходил по кабинету, заложив руки за спину. Отца по-прежнему не было, видно делами занят.

Выдал дядюшка прямо с порога, — Ты что себе позволяешь, щенок?

Вопрос вызвал легкое недоумение. Судя по глазам дядюшки — преступление моё факт свершившийся и сомнению не подлежащий. Ни малейшему.

— Да я тебя, да барон. Что, думаешь на учёбу собрался и все можно?

Око поблизости не видно, поэтому особо можно не кривляться. Может серьёзней поговорить? В милости сказано, что титул передаётся только прямым потомкам, значит его дети за баронский титул не конкуренты. Беспристрастное так сказать лицо. С другой стороны, не понравилось мне, какие он взгляды на Нааму кидает. Примерно такие же, как я пол часа назад на блюдо с осетром. А там действительно и на что посмотреть, и что ухватить есть.

(Наама, старшая жена барона Скотинина. Портрет из главной гостиной)

Попробую раскачать и на откровенный разговор вывести.

— Дядя Петя, объясните причину моего приглашения.

— Что? Ты как со мной разговариваешь? Думаешь я, мы будем твои выходки терпеть?

— Вы меня в чем-то обвиняете?

Указательный палец описал полукруг и ткнулся мне прямо в нос, — Это ты проклял Игоря! Что, будешь отрицать?

И этот туда же. Свихнулись тут все на проклятиях, что ли. С другой стороны, объяснять ничего не надо, если все и так ясно.

Спокойно поднял взгляд, посмотрел прямо и твердо, — Дядя, я никогда не давал поводов позорить наш род. Единственное исключение — моё поведение за столом. Но этому есть объяснение. Теперь есть.

Увидел поднятую бровь, заговорил чеканя каждое слово, — Допустите на секунду, в этом доме есть силы, способные подмешать в еду дрянь, заставляющую вести себя за столом ... э, не совсем корректно.

— Это, это просто бред. Я подозревал, что ты будешь изворачиваться, но чтобы так. Как ты его проклял? Чем?

— На кухне перепутали крышки перед выносом. Моя порция досталась Игорю.

— Игорь, ему же плохо, совсем, ты сам видел. Какие к нерадивому крышки? Даже ты так никогда, это же приступ, корча, проклятие.

— Доза. Доза рассчитана на мою массу, плюс меня травили годами, организм

привыкает, порцию яда повышают.

Молчал дядя Петя долго, минут пять. Я стоял тихо, давая ему самому сделать выводы.

— У тебя есть доказательства?

— Повара крышки не сами перепутали. Я поменял. Дальше пятнадцать человек всё видели своими глазами. Если этого недостаточно — нам не о чем разговаривать.

Дядя выдал язвительно, — Как перепутал, зачем? Сам догадался?

— Давно начал подозревать. У основного блюда одинаковые крышки, белые фарфоровые. На моей едва заметная серая царапина. За столом не меньше пятнадцати человек. Какова вероятность, что мне каждый раз достаётся одна и та же?

— Какова вероятность?

— Да, школьный термин из ... арифметики. Так говорят про события, которые могут произойти, а могут и не произойти, — я чуть запнулся, выворачиваясь.

Не ожидал, что так просто начну ошибки попаданцев повторять. Чётко же весь лексикон Бори выучил и за него выходить не собирался.

Дядя прищурился, — Больно умный стал. Подозреваешь кого?

— Не подозреваю, пусть исправник подозревает. Тихон, что по утрам мне еду носил, точно что-то должен знать. Но, думаю, его в тёмную использовали. Например, заставили плюнуть в блюдо вместе со всеми. Если его прижать, он легко выдаст, чья это была идея, но кто за всем стоит не скажет, просто не знает.

Нахмурился дядя, прямо на лице разразилась буря эмоций, — Удобно. Я не хотел говорить, но Тихон умер сегодня, на срубе повесился. Только с ворот сняли, на конюшню отвели, чтобы в себя пришёл. Барон в управе сейчас, лично поехал. Не исправнику, а дознавателю из столицы докладывает. Жалоба на нас пришла, серьёзная.

— Тихон не один, на кухне искать надо. Один слуга, блюда выносит, два кто-то яд мешает. Ну и классика, надо искать кому выгодно.

— Да кому ты сдался, выгодно. Наплел тут заговор всеимперский.

— Дядя, напомнить, когда я жрать начал — как слезу воздуха получил. Так что мачехи первые в списке. Как титул баронский наследовать? — надо своих детей развивать, чтобы они первые были. Но можно же и проще — на корню конкурентов выдавить.

— Мачехи, список. И длинный у тебя список? Да ты вообще кукухой двинулся, ты еще меня в этот список включи.

— Сами дальше думайте, кому мачех подставить выгодно. Ослабить барона. Вспоминайте, есть враги у рода? В семейном бизнесе бухгалтерию подбейте. В том самом, о котором лишним лучше не знать.

— Ты что-то знаешь? — лицо у дяди вытянулось, и шаг сбился.

— А чего там знать то. Достаточно понимать, что он есть. Кстати, вы в списке тоже не на последнем месте.

Глаза дядюшки блеснули, — И ты мне вот так просто это вывалил?

На самом деле дядя Петя точно о заговоре ни сном ни духом. Хитрожопый, как глист, этого не отнять, но не подлый, барону предан, а значит всему роду. Не умеет тут народ ни эмоции скрывать, ни управлять языком тела. Слишком далеко баронство от центров всяких интриг.

Стрельнул глазами в ответ, — А чего прятаться? Дети ваши на баронский титул не претендуют, — разве что из-за Наамы.

— Да что ты... да знаешь...

— С любым человеком можно договориться, если понять его цели. Я не собираюсь мстить или обижаться, мне на учебу ехать.

— Молодой ты еще слишком. Идеалист. Вот в столице тебе перышки обожгут.

— Возможно. Дядя, у меня есть серьезная просьба. Когда ты ее услышишь — поймешь, что мне не важно, кто по-настоящему виновен.

— Просьба? — лицо дядюшки перекосилось, — Не можем мы твой вызов отменить. Как не извивайся — все равно ехать придется.

— Дядя, мне нужно чтобы перед отбытием на учебу отец выгнал меня из рода!

Запнулся родственник на ровном месте, за малым не пропахал носом блестящий паркет. Глаза, естественно, полезли на лоб, — 3-3-зачем тебе это?

— Есть серьезные причины. Отец, стал бароном по праву сильного. Его ненавидят и боятся его женщины. Ему завидуют и ненавидят его братья и родичи. Через день я уеду, и скорее всего вы меня больше не увидите. Я не хочу, чтобы за спиной остались те, кто видит маленький крохотный шанс, что я вернусь став сильнее.

На самом деле есть причины и посерьезней, чем мелкие склоки внутри рода. В столице я окажусь один и начну все полностью с чистого листа. Будут новые враги, обязательно будут. Не нужен мне хвост Скотининых, пушистый как у енота. Не нужны ни слабости, ни уязвимости.

— Степень хариты потеряешь, хотя такими темпами она у тебя сама скоро на двойку свалится. Без поддержки рода ты как в столице выжить собрался?

— Объективно, а какую поддержку род мне собирался оказать? Кроме фабрики туалетной бумаги? У меня даже дядьки нет.

Дядя встал и начал ходить, снова неосознанно копируя барона. Ага, не получается одновременно что-то обдумывать и себя контролировать. Через пару секунд величавая походка превратилась в бестолковое семенение.

— Боря, ты никогда так не разговаривал? Почему? Как такое возможно? Что мы проглядели? — наконец остановился, — Клянусь розгами Вечного ученика, не продолжай, я понял!

Матушка что-то поняла, дядя вот тоже что-то понял. Один я ещё не в курсе.

Око вошло в кабинет, встало у стенки. Лично видел, как дядя щеколду накидывал. Вот и решён вопрос с незваными посетителями. По барабану им любые запоры, не замечают.

Дежавю. Палец дяди Пети опять ткнулся мне в нос, — Все проблемы, все гадости из-за тебя.

Дальше полчаса я стоял, понунив голову, и выслушивал глубину своего падения, и физического, и нравственного. Нет смысла оправдываться. Глаза в пол, ножкой шаркаем.

— С завтрашнего дня и до отбытия на учёбу питаться будешь в своей комнате. В общих гостиных, бассейне, тренировочных площадках чтобы не появлялся. Слава Вечного ученика, что барон в отъезде. Он бы за такие выходы на вызов не посмотрел, и шею бы тебе свернул.

— Дядь, да понял я все. Ну, пожалуйста, поговори с отцом, пусть совсем, совсем чуть-чуть добавит.

— Че-чего ещё?

— Денежек, мне же в столице совсем худо будет. Надо мной же смеяться будут.

— Вот же непробиваемый. Ему одно, а он все о деньгах. Ты на что вообще тратить собрался? Не забывай, ты женат, и ты аристократ, в конце концов. Сам обгадишься — и нерадивый с тобой, но по тебе обо все роде судить будут. Опозоришь имя Скотининых —

сдохнешь медленно и мучительно. А если перед Собакиными....

Вообще об учебе больше думать надо, — махнул рукой, — Ладно, свободен, подумаю.

(Палма. Шатер кочевых гитан.

Десяток молодых мужчин вяло переругиваются)

Грозный рык хозяина табора заставил прекратить разговоры. Пара десятком глаз впиалась в лежащую на столе карту усадьбы Скотининых.

— Цель все запомнили? Еще раз с начала. Вы трое по крыше до третьего окна. Спускаетесь аккуратно в соседнюю комнату, окно будет не заперто. Это смежная комната, петли смазаны. Если в комнате нет ока — вдвоем бесшумно входите и делаете дело. Проверяйте аккуратно, шум раньше времени не нужен.

— Зачем вдвоем, я и один справлюсь.

— Мне нужны гарантии. Сделаете чисто, назад на крышу и уходите прежним маршрутом. Если что-то пойдет не по плану...

— Да что может не плану пойти? Один жирный подросток, это не генерала посередине войска убирать. Мы чисто работаем.

Баро рывкнул, — Не перебивай, если не хочешь остаться без языка. Много что. Элементарно, его может не оказаться на месте.

Нетерпеливый юнец с едва пробивающимися усами, вмешался, — Отец, почему они, а не я? Я никогда тебя не подводил. Я сам, один все сделаю.

— Алмас, у тебя особая задача. Через крышу проникнешь в кабинет барона и оставишь царапины на сейфе. Не надо открывать, только следы. Чуть пошали, разбросай книги, мебель передвинь. Но только без звука. Пусть любой дебил сразу поймет — в комнате что-то искали и пытались взломать сейф. Костяным ключом откроешь дверь и уходи по левому коридору вот в эту нишу. Там будет комплект одежды охранников Скотининых. Особо повторяю, коснёшься костяшкой сейфа — придушу собственными руками.

— Это детская задача, любого пацана бы послал.

Баро повысил голос, — Это самая важная часть, ты будешь прикрывать своих и вмешаться, если что-то пойдет не по плану. Не услышишь сигнала в отведенное время — выходи и действуй по обстоятельствам. Назад уходи через слободу. Покружишь по городу, садись в трактир и пей до утра.

— Серж, твоя пятерка в одежде слуг страхует крыльцо и ворота. Если услышишь женский крик — лично подождёшь конюшню.

— Теперь ты, заранее захватишь служанку, свяжи, заткни рот и держи вот в этом чулане. Там хлам свален. Уши растопырь, услышишь звон разбитого стекла, выводил бабу в коридор, режь и бросай на пол. Только дай ей заорать от души.

— Баро, я все равно не понимаю, почему так сложно?

— Да сколько дебилам можно повторять. Судьба табора зависит от этого дела. Все свободны. Пригласи женщин, я объясню им другую задачу.

До своей комнаты дошёл, держась за стенку. Через десяток шагов догнало жужжание в ладонях. Ну что там ещё?

Загадочная красная строчка ни менять цвет, ни исчезать не собиралась:

— *(Умение не определено), ступень 1, прогресс 47 из 72, направлен запрос в Храм пилигримов. Отказ. Повторный запрос. Заморожено.*

Хрень неведомая все не отпускает, еще на 5 единиц приросла. Попробуй догадайся, что это и для чего.

У самой двери догнала Даша, взяв за руку.

— Братик, а давай ещё поиграем!

— А тебя никто не ругал, как мы на кухне поиграли?

— Дядя Остап спрашивал, зачем я крышки трогала, ну я сказала, у нас с Борей игра такая.

— А еще дядя что говорил?

— Ой, ругался, кричал и убежал куда-то. Вот за руку схватил больно, синюк будет. Пошли башню рисовать и книжку читаем.

Башню точно не смогу, что-то совсем хреново становится. А вот историю дочитать не повредило бы.

Вспомнил слова на кухне, — «У неё помощник повара открыт».

— Дащ, а скажи, у тебя какие умения есть?

Ребёнок уставился испуганными глазами, — Ты что Боря, шутишь, да? Мама говорила, никому про свои умения рассказывать нельзя.

— Конечно сестрёнка, это как с милостью, чужим, конечно, нельзя. А мне можно, я же твой старший брат.

Не сразу, но убедил, что ничего плохого не случится, — Вот ты же знаешь, у меня умение рисовать башни есть. И сатранг, и магия воздуха. Я от тебя ничего не скрываю.

— Ну ладно, вот, смотри.

— Нет, не надо показывать. Мы же в коридоре, а тут чужие ходят. Просто расскажи, что помнишь.

— Помощник повара помню, помощник садовника помню, ещё помощник визажиста и швея. Ага, и вышивание бисером, это двоечки. Единички ещё есть, уход за домашними животными, горничная и игра на клавире. Ой, ещё эта фло-рис-ти-ка.

Очень захотелось произнести вслух матерное слово. И это у ребёнка в семь лет. Боря, ты что все детство делал?

Выдавил из себя через силу, — Даша, башню не смогу, сил нет. А книжку пошли читаем, — хотя читать уже тоже расхотелось. Подвести свою ухмыляющуюся рожу к стене и расквасить нафиг. Ну нет, не расквасить, пригодиться ещё. Но поругать и пристыдить не мешало.

В комнате сразу накатило чувство необъяснимой тревоги, прямо поверх усталости, от которой тряслись конечности. С трудом доковылял до кресла. Ненаправленная угроза, неясная, но придавило сразу, только захлопнул дверь.

Раскрыл книгу, озираясь по сторонам. Опасностью веяло со всех сторон одновременно. Ощутил неосознанное желание заслонить сестру, сначала от окна, потом от двери в ванную,

нет от входной. Голова пошла кругом. Чтобы отвлечься сразу начал читать со знакомого места.

...

— *Предупрежденные старцы ушли на восток другой дорогой, обманутый Юрот пришёл же в ярость и приказал ночью отрубить руки у всех младенцев города.*

Йошепу же во сне должен был явиться ангел, чтобы спасти младенца и бежать из столицы, но старый мастер торопился сдать заказ, не спал несколько ночей, и ангел не смог предупредить его.

Стон и плач стояли над городом, ибо в одну ночь несколько тысяч младенцев лишились рук. Каким же мастером может стать мальчик, не способный держать ложку?

Даша заёрзала и перебила, — А если отрубить ладони, это же милости не будет, да? А как же, Злой ветер иссушит и превратишься в мерзость. Я видела мерзость, Коля на милости показывал. Страшный, как не живой, и рычит, и когти, и зубы черные.

Кажется, я сегодня тоже видел. Надо бы с Колей поговорить, девочке такое показывать. Да что же творится? Где же око лазают, не думал, что буду ему рад, как лучшему другу.

— Я это, гм, сожрёт, да. Превратишься, да, вот. Если тебя, конечно, Боря не спасет.

— *Мальчик-калека рано испытал горечь, издевательство сверстников, но рос разумным и прилежным. Сквозь боль и слезы, несмотря на увечье, освоил несколько инструментов и старался во всем помогать отцу. Когда же исполнилось ему двенадцать лет, он покинул дом, прибился к группе бродячих гитан и ушел на восток...*

Стоп. Чувство опасности уже не просто давило, оно начало жечь. Желание схватить сестру и накрыть телом сразу со всех сторон стало нестерпимым. Дошло до такого, что руки и ноги начали подрагивать. Ещё секунда и надо начинать действовать, причём совсем непонятно как. Первое правило, вбитое на подкорку — обезопасить гражданских.

— Даша, не могу больше, устал, извини.

— Чего, ну, мы только начали. Опять ты стал этот — спесивый.

Начал суетиться, подталкивать девчонку к двери, — Все, вредина, беги к себе, мне отдохнуть пора, — захлопнул книжку, положил на стол, — Голова болит. Тебе к себе надо, Лилия опять придёт, шуметь будет. Завтра дочитаем.

Даша вывернулась, схватила книжку, обхватила двумя руками, показала язык, — Ну и ладно, пойду к маме читать.

Не получилось сказки оставить. Вытолкнул сестру за дверь, захлопнул, придавив всем телом. Да что происходит то? Опасность, разлитая в комнате, собралась в единую точку за спиной. Здесь кто-то есть, и он явно не пирожки принёс. Аккуратно развернулся, не делая резких движений.

У двери в комнату слуг стояла фигура в чёрном. Рука поднята над плечом для замаха. В ладони лезвие. Дверь на себя не успеть. Нож в кармане складной, не достать. Можно кричать, когда дядька повесился вроде весь этаж сбежался, только смысл. Убить все равно успеет.

Алгоритм действий в голове нарисовался не сразу, пару секунд глаза пучил. Перекат в сторону кровати, толчок ногами о чугунную станину влево. Пяткой опрокидываю стол и хватаю карандаш. Тело тоже начало действовать сразу, но комбинация закончилась не начавшись. Из переката получилось только ткнуться мордой в палас, издав такой звук, будто обвалилась плита перекрытия. Мир перед глазами потемнел.

На спину навалилась тяжесть, между лопаток упёрлось острое колено. Да чтоб тебя. На

вдохе горло захлестнула удавка.

Мгновенно бросил руки вверх и назад, суставы в плечах хрустнули. Жест отчаянья. Если убийца опытный, будет душить на вытянутых руках. Странно, но левой рукой сразу достал до лица. Скрюченные пальцы намертво вцепились в нос. Отличный ориентир. Сжал из всех сил и выворачивая кисть, отправил напряжённый большой палец в глазницу. Сразу на всю длину. Хруст от лопающегося глаза ни с чем не спутаешь, ну тут палец просто провалился в пустоту. Подери Нерадивый, у меня был только один шанс.

За ухо ткнулось что-то острое и холодное. Хриплый голос прошептал, — Закричишь, выпущу кишки.

За ухом кишок вроде нет, но почему-то от этого не легче. Удавка на горле ослабла, удалось выдохнуть и набрать воздуха.

— Шустрый скотина, ответишь на мои вопросы — есть шанс, что останешься жив. Кивни если понял.

Предельно понятно, ткнулся лбом в палас.

— Ты живёшь в этой комнате, ты Борис?

— Да и да.

— За дверью умер человек, что ты про это знаешь?

Вопросы лаконичные и по существу. Отвечать также надо.

— Тимофей, мой дядька. Утром шесть дней назад нашёл его повешенным. Ночью спал, шума не слышал. Дело вышло за пределы рода, следствие ведёт местный исправник. Скорее всего умер не сам.

— Не сам? Почему так решил?

— Высота потолков, он не мог достать с табурета. Не оставил записки. На теле следы борьбы: синяки на руках и клочок бороды выдран при жизни.

Голос надолго замолчал, только слышал хриплое дыхание на затылке:

— Зачем тебя вызывали в управу? Лично видел, тебя толкали в карету не так, как приглашают на простую беседу. Исправник ни за что бы не стал задерживать аристократа без железных доказательств.

— Хороший аргумент, смерть Тимофея только повод. Меня нужно было увезти из усадьбы. Причина в другом.

Удавка сжалась сильнее, — Говори!

Чутье подсказало, что соврать сейчас не самая удачная идея.

— Мне в столицу на днях. Вызов в магическую академию. Проверяли, что я ... тот, за кого себя выдаю.

— Во всем крыле только у тебя активная слеза воздуха. Маг воздуха мог закрепить верёвку и бесшумно поднять тело.

Надо же. Про магию я и не думал. Все ходил стремянку высматривал.

— Я не убивал, он был моим дядькой, наставником. Практически другом.

Киллер дёрнул за волосы, — Другом? И язык повернулся? Да мне Тимофей письма писал, про твои шуточки. Ты же издевался над ним как скотина.

— Можешь думать что хочешь, я баронский сынок, тупой и избалованный. Скотина точно, фамилия обязывает, а он слуга. Но ближе него у меня только матушка.

— Чем докажешь?

— Доказать не смогу. Магия у меня слабая, только вихрь и толчки воздуха. Не представляю, как это можно проверить.

— Знаю про твою магию, спрашивал кого надо, — опять на минуту замолчал, встряхнул меня как куль с мукой, — Кто мог желать его смерти?

— Самому интересно. Вариантов несколько. Первая зацепка — Тимофей не один, в усадьбе ещё есть случаи похожих смертей. Очередного сегодня из петли сняли. Вторая ниточка это я, вокруг меня что-то происходит, сам пока не разобрался. Третье — он мог увидеть что-то не предназначенное для посторонних глаз. Власть, бизнес. Все баронство не просто интриги, тут у каждого свои игры.

Следующий вопрос показал, что не все так плохо, — Складно говоришь. Не боишься. Страха не ощущаю. Что же с тобой делать?

— Разреши повернуться.

— Если ты увидишь моё лицо, тебя точно придётся тебя убить.

А вот тут не соглашусь. По голосу понятно, передумал он меня убивать. Сразу мог, теперь не станет. Если не почувствует фальши. Тренирован, хорошо подготовлен, но не убийца, скорее военный. Простой, прямолинейный, привык исполнять приказы. Этот человек мне очень нужен, и я его точно не отпущу.

— Извини, я рискну, чтобы говорить, мне нужно видеть глаза. И не важно, как выглядит твое лицо. Я узнал достаточно.

— Что ты можешь знать?

Будем шокировать и вербовать.

— Ты не наёмник и не убийца, мотив личный. Хорошо знаешь усадьбу, не просто прошёл не замеченным, для тебя это второй дом. Общаешься с кем надо, значит со слугами. Они тебя знают, с чужим бы не говорили. Не просто знают, ты был одним из них. Меня в лицо не признал, значит служил здесь давно, лет десять-пятнадцать назад. Тимофей был твоим другом, нет, скорее близкий родственник. Судя по голосу, не сын, я бы поставил что брат. Ещё у тебя нет левого глаза и ранена рука.

Давление на спину ослабло, сталь из голоса ушла, — Баронский сынок говоришь, тупой, избалованный?

Я просипел, — Так удобнее жить, не привлекая лишнее внимание.

Давление между лопаток исчезло. Аккуратно развернулся, не делая резких движений. Острое лезвие переместилось к горлу. Мужик в возрасте, почти старик. Тимофея старше лет на десять. На лице съехавшая повязка, пустая глазница чернеет неровным провалом. Лицо в пятнах, шрамах, ожогах. Голова без единого волоска. Вместо правой кисти культия, перетянутая кожаным ремешком. Понятно, почему лицо не уберёг, попробуй затянуть удавку одной рукой, не выпуская нож.

Напряжён, как натянутая тетива, и интуиция кричит, чертовски опасен. Взгляд бывалого воина. Ветерана. Убивал, видел смерть. Не заработаешь такой взгляд нянчась с баронскими отпрысками. Руку и глаз тоже не на детском утреннике потерял.

— Чего ты добился? Теперь тебя точно нет смысла оставлять в живых.

— Не обязательно, мы можем просто поговорить. Как мне тебя называть?

— Говорить? О чем? О чем с тобой можно говорить?

— Можно о смерти, о мести. Можно о жизни. Мне нужна твоя помощь.

— Предупреждали же, ты наглый, но чтобы настолько? Я решаю, убивать его или нет, а ему помощь требуется? Ты ничего не перепутал? Помощь, смех один, думаешь я стану с обидчиками твоими разбираться?

— Если ты хочешь отомстить, я могу помочь. Скажи, я в чем-то ошибся?

Молчал киллер с минуту, сопел, — Да ни в чем. Все правда. Егором меня зовут. Моя, наша семья служит Скотининым больше стони лет. Я тут с самого детства, всю жизнь служил, как и брат и вся семья. Всегда присматривал за младшими, заботился, но четырнадцать лет назад мне пришлось уйти.

— Пришлось?

— Именно пришлось. Я не выбирал. Я ушёл не один.

— Ты хотел бы вернуться?

Лезвие, что только касалось кожи, надавило под горло, киллер зарычал, — Вернуться к тем людям, которые растоптали и довели до смерти человека, который был мне дорог? К людям, которые убили моего брата?

— Согласен, можно было не спрашивать.

Мысленно прогнал перед глазами генеалогическое древо. Вверх, чуть вбок. Ближайших родичей запомнил нормально, чуть в стороны дырявая голова уже не держала.

— Это была Марина, моя тетка?

Судя по сверкнувшему глазу, угадал.

— Четырнадцать лет назад её вышвырнули из рода. Твой дед ублюдок подлый. Скотина, старой школы, жёстким со всеми, со слугами, с детьми. Одной ногой в могиле, а он. С магией у ней перестало получаться, конфликты в семье на пустом месте. Марина простая была, добрая, беззащитная. Обучал я ее, оберегал ее, опять же. Ну думал так. От слуг, от сверстников. А от злого слова как? Вокруг аристократы куда ни плюнь. И так, через день то на ворота, то возжами или палками по пяткам.

Когда барон ее выпнул, плюнул я на все, на семью, на обязательства, и с ней ушел. Переругался со всеми. Мы уехали в деревню с моей родне далекой. Пристроил девочку, подписал контракт и на двенадцать лет ушёл в Рваные земли.

— Я так понимаю, ее больше нет?

— Умерла зимой. Сердце не выдержало. В нищете, денег не было не только на нормального лекаря, совсем ничего не осталось. Ничего. Я десять лет бился с мерзостью. Неплохо заработал, хотя покалечился вот. Не успел. Все же ради неё, ради...

— Стой, вообще-то это у твоего горла кинжал. Ты как мне в душу залез?

— Да никуда я не залазил. Вижу же как тебе хреново. В себе столько лет обиду держал.

Старик заскрипел зубами, — Обиду? Я двенадцать лет выживал там, где больше года не тянут. Каждый день засыпал, знал меня ждуг. Цеплялся. Мерзость зубами рвал. Пришел, а ее уже нет. А теперь брат. Лучше скажи, кто приёму такому научил? Тимофей не мог, он в рукопашной не силен. Никогда не слышал, чтобы так уходили от удушения.

— Приёму?

— Ты не стал хвататься за удавку. Все всегда хватают верёвку, пытаются подсунуть пальцы. А ты не стал, сразу в нос вцепился, будто знал где он. И с таким рычагом пальцем в глаз.

— Ну не попал же.

— В том то и дело, что попал. Ты не мог знать, что одного глаза нет. А если бы правой схватил? Знаешь, если бы я не знал кто передо мной, мог бы подумать, что не впервой тебе так.

— Пытаюсь с охранниками заниматься.

— А вот сейчас врешь. Чую.

— Верно, тут вру. Но это не только мой секрет.

— У тебя рукопашный бой минимум третьей ступени. Как это возможно с таким телом? Я тяжело вздохнул, — В мире очень много вещей, которые невозможны, но случаются.

Из голоса Егора ушла сталь, — Не буду тебя убивать, хотя надо бы. Если такой умный — найди виновного в смерти моего брата, тогда поговорим. Звони только если разыщешь убийцу. У тебя сутки.

Свалил. Просто вышел за дверь, не как непрощенный гость, а будто чаю вместе попили. Пощупал шею, терпимо. Интересно, когда не надо, око тут как тут. Не может быть, чтобы народ не придумал, как его можно отвлекать и творить что душе угодно.

Хлопнул ладонями, активируя милость.

Борис Скотинин, путь Вечного ученика.

Сопротивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 7 \% = 57 \%$

— Харита, ступень 3 (дворянин по праву рождения), прогресс 166 из 2016

Доступны умения 4 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретённое), прогресс 25 из 1728

— Архитектура, ступень 2 (открыто самостоятельно), прогресс 241 из 864

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 37 из 72, повторный запрос в Храм пилигримов — отклонён. Поиск решения.

Дар Вечного Ученика: Отсутствует

Харита на пару единиц опустилась. Каждая публичная выходка на нее влияет. Что случится, когда весь прогресс сгорит, проверять не очень хочется. Умение новое на шесть единиц прыгнуло. Что-то из поступков моих сказывается, причем так, что милость заколбасило.

Крутнул в раздел контактов и щелкнул папку «Новые». В самом низу загорелась строчка «Курочкин Егор Дмитриевич. Ветеран». Ух ты, и мастер Леонтий здесь есть, и исправник. Получается автоматически попадают все, с кем поговорить довелось.

Паршиво, что никакого оружия нет. Вытащил из кармана трофейное блюдо. Керамика третий сорт, но об доньшко нож точить никто не запрещал. Спокойно, не торопясь, сделал по пятьсот движений каждой стороны. Добавил зубного порошка, разведенного водой, и еще пятьсот. Все, пальцы опять судорогой скрючило. Бумагу режет, значит для начала нормально. Метал настолько паршивый, абы на минуту активного использования хватило. Придет время, обзаведемся оружием посерьезнее.

Распахнул окно. Прохлада ворвалась, унося запахи пота. Все-таки я на полу валялся, пыхтел как паровоз. Нормально небо, сказал бы, нашенское. Сторона у окна северная, созвездия на месте, Медведицы, Андромеда, Кассиопея, Дракон. О чем это как бы намекает? Планета родная, страна родная. Время тоже плюс-минус совпадает. Видел в интернете, как созвездия выглядели в прошлом и в будущем будут. Разбегаются же звезды, чтобы визуальную разницу заметить, тысяч пять лет пройти должно. Не запоминал небо, не было интереса.

Незаметно первый день в новом мире, новом теле, к концу подошел. С красавицей общался, родственников вниманием не обделял. Нагнуть пытались, убить пару раз — тоже. Хороший день, насыщенный.

(Имперский инквизорий четвертый отдел. Перед стариком в инвалидном кресле стоит советник, склонившись в пояс)

Хозяин кабинета выдержал положенную паузу и захлопнул большую черную книгу, —

Советник, ну что там нового на югах, по поручению доложи.

— Лорд-инквизор, на парня надавили, прижали по всем правилам. Выдернули в незнакомую враждебную обстановку, в такую хоть кто в штаны наложит. Ни существенных отклонений, ни признаков враждебной сущности. Вот блюёт при виде трупа, вот тут характерная реакция, вообще сомлел. Мордой об пол так, что кровь во все стороны. Папенькой грозился, чуть нажали, скулил и просил не бить. Дядьку узнал без проблем, хотя тела похожие подбирали.

— Не мог слугу своего на милости увидеть. Эти шалопаи мелкие каждый свой чих снимают. Видел, додумались еду друг-другу слать.

— Проверяли, господин. Вот история просмотров милости с момента выброса. Перед Оком четыре коротких видео смотрел, ни на одном его дядьки нет. Подсказать тоже никто не мог. Да более жалкого дебила я за всю жизнь не встречал. Ему восемнадцать лет, а открытых умений только два. Нормальные аристократы в его возрасте минимум полная дюжина двоек, а столичные так вообще...

— Все нормально говоришь, откуда через десять минут в участке юрист Собакиных нарисовался? Чиновники канцелярии без большого интереса с места не срываются. Отследи, кто его вызвал и что посулил. Это что за история с пестом? А если бы пацан не знал, что боевого оружия кроме владельца никому касаться нельзя? Их же в школе чему учат, один нерадивый знает. В лучшем случае рука бы отсохла.

— Тут недосмотр, импровизация. Запаниковал мой человек, юриста увидал и струхнул. Сейчас под контролем все. Господин, простите, ещё я пытался запрос в Совет пилигримов направить, чтобы согласовали постоянный доступ к его милости, так у меня даже не взяли его, не то, что...

Старик грохнул по столу кулаком так, что книга подпрыгнула, — Ты чем думал, жопой?

— Вы же сами говорили, сущности эти, ловко умения открывают новые, развивают их быстро. Вот было бы здорово так наблюдать.

— Дебил, пилигримы не вмешиваются в дела смертных. Никогда они доступ к чужой милости не позволят без прямых доказательств угрозы основам. На безопасность Империи начхать им с высокой колокольни.

Советник тяжело вздохнул, — Лорд-инквизор, так что с наблюдением то? Получается дальше держать оснований нет.

— наших отзывает, но подкинь во второй отдел слух, что он от учёбы сбежать собрался. Пусть они его плотней в клещи. Не верю я этому жирному ублюдку, все равно не верю. Говорит мне интуиция — никчёмный он чересчур.

Проснулся резво, сразу дёргаться не стал, привыкать начинаю. Все тело затекло, в одной позиции Боря всю ночь спит, потому как переворот у него процедура энергозатратная.

Око увидало, что я бодр, весел и в ладони залип, оставило свой пост и шмыгнуло за дверь. Ну не шмыгнуло, проплыло своим бесшумным способом. Что-то новенькое, не ожидал, что без пригляда останусь. Раз так удачно без присмотра — интерфейсом позаниматься можно.

Борис Скотинин, путь Вечного ученика.

Сопротивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 7 \% = 57 \%$

— Харита, ступень 3 (дворянин по праву рождения), прогресс 163 из 2016

Доступны умения 6 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретённое), прогресс 25 из 1728

— Архитектура, ступень 2 (открыто самостоятельно), прогресс 241 из 864

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 51 из 72, повторный запрос в Храм пилигримов — отклонён.

— Дизайнер наружной рекламы, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 26 из 72.

Новости есть. Непонятное умение ещё подросло. Дизайнер наружной рекламы открылся. Вывеска мастера Леонтия дала залп. Ждем звонок или иных вестей.

Нет надежды на память Бори, дырявая, как решето. Что делать? Развивать, тренировать, а пока поможет старое доброе досье.

Выделил в интерфейсе отдельную область, расчистил, создал несколько документов. Первый документ, разлиновал на блоки. Справа рамка, здесь фото будет, как научусь делать. Слева основная информация и выводы. Номер один — Скотинин Антон Петрович. Дата начала ведения — сегодня. Дата внесения последних изменений — она же.

Печатать тексты не совсем удобно, непривычно дёргать пальцами, выбирая буквы. С другой стороне к Т9 тоже привыкать приходилось, а потом ничего, шустро печаталось. Помню эпикриз раненому корреспонденту меньше чем за минуту отстучал. Прямо под минометным огнем.

53 года, Антон Петрович Скотинин барон Белозерский. Глава рода Скотининых. Накидал словесный портрет. Вывалил сплошным текстом все, что сходу крутилось в голове. Контакты подтвержденные, что лично видел — черным цветом. Не подтвержденные, например, исправник со слов матушки — синим. Психологический портрет куций, но пока что есть. Дата рождения в генеалогическом древе. Даты бракосочетаний там же. Родственные связи — много всего, постепенно заполнится. Место рождения, образование — не известно. Материальные условия, пока просто оценка.

Следующие закладки: общие привычки и пристрастия, враги, слабости. Методы воздействия, поведение в экстремальных ситуациях, в группе. Отношение к спиртному, к женщинам. Физические и функциональные особенности. Психологические и интеллектуальные качества.

Сведения и ощущения о человеке — это как мозаика, много разных деталей и фрагментов, различных фактов, которые необходимо собрать в единую картину. И давным-

давно для этого придуманы оптимальные способы.

Так увлекся, что звонок распознал не сразу. При включённой милости рука к уху не дергается, в верхнем правом углу замигала картинка с ладошкой. Научиться бы определять, кто вызывает.

— Ваше благородие. Борис Антонович, это портной Леонтий. Вы заходили давеча, вывеску мне сделали. Простите покойно, шумел я, говорил грубо. За вчерась четыре заказа крупных.

— Ну так рад за вас, мастер Леонтий, на здоровье.

— Не сказал я спасибо сердешное, совсем мозги от старости усохли. Может зайдете как-нибудь, уж я то.... Ой, чего это я, тут артельный приходил. Вывеску измерял, прямо по каждой букве носом водил. Все про вас выпрашивал. Но мне скрывать нечего, да вы и сами позволили. Вы заходите, уж я то. Может костюм вам справим, или одёжу другую.

Распрощался со стариком еле-еле, вцепился как клещ. Пришлось пообещать заехать в ближайшие дни.

Колокольчик, от которого кишки начали биться в предвкушении. Слуга, согнувшийся от тяжести. На стопку блинов в метр высотой посмотрел с сожалением. С настоящим, глубоким, как на потерю старого друга.

На завтрак вообще решил не спускаться, нечего гусей дразнить. Чтобы унять тянущую пустоту внутри, выпил из-под крана ведро воды и побрёл во двор. Вроде в теле осваиваться начинаю, если это можно так сказать. Вода тоже плохо, отёк как пивной бочонок, но её из организма вывести проще, чем жир.

Обошёл усадьбу вокруг, башкой не крутил, понаехавшие так себя и выдают. Смотрел исключительно перед собой, натянув улыбку жизнерадостного идиота, но старался фиксировать все. Проводов, подходящих к зданию, не нашёл, не централизованное электроснабжение. Или аккумуляторы, или опять магия. Здание буквой П, во внутренний дворик не попал, перекрыто железными листами, у небольшой калитки охрана. Мои окна наружу, ни из столовой, ни из коридоров внутренней части тоже не видно. Что-то интересное там, ну и хрен с ним.

Углубился в парк, который тянулся на несколько километров. Садовники, или кто тут за них, ухаживали максимум на сотню метров. Дальше начиналась непролазная чащоба. Через час ходьбы по пересечённой местности был вознаграждён. Перестал чувствовать наблюдение, Око что все время шло в отдалении, наконец отстало, переключившись на что-то более важное.

Что-то я плыву сутки по течению, как говно в проруби. Несколько раз по краю прошёл. Такими темпами моё разоблачение просто вопрос времени. Слишком тут все отличается от привычной жизни. Элементарно — вот гуляю по парку, а сам Боря часто гулял? Ни на шаг в понимании, ни как себя вести, ни что делать. Нужен план, разбить на пункты, нарезать задачи и не отвлекаться на всякую ерунду.

Первое — не попасться. Меня явно подозревают, кто-то имеющий вес и ресурсы. Скорее из тех, кто за Оком стоит. Ещё есть группа, которой от меня что-то надо, на беседу интересным способом приглашали. Никуда не делся Современник, за которым неизвестная сила и невыясненные интересы. В усадьбе кто-то спит и видит, как бы я от жира треснул. У всех на меня свои планы, мотивы есть, но ускользают. Собирать информацию надо, по крупицам впитывать. Но ни в коем случае не в диалогах. Задавая неправильные вопросы, отдаёшь намного больше, чем получаешь. Дождаться отправки в столицу, сейчас любое

общение до минимума.

Второе — с телом надо решать проблемы. Задача основная — сбросить вес. В принципе не проблема, перестать жрать всякую дрянь, подобрать правильную диету и адекватные нагрузки. За месяцев шесть можно чуть контуры принять человеческие. На полный порядок не меньше трех лет, если этот порядок вообще возможен. Нет у меня столько времени, придётся планировать с учётом текущих возможностей. А хирургически? Желудок ушить, жировые мешки срезать. Стоп, магию в учёт не взял. Как там у попаданцев делается — регенерация за счёт внутренних резервов должна работать. Отхерачить ноги, отрастить новые, организм сам жир спалит. Срочно мага-лекаря найти и этот вопрос закрыть.

Дальше — нарастить мышцы и форму физическую нагнать. Тоже ничего сложного, но решать одновременно первую и вторую — задача ещё та. Подготовить тело к защите надо, минимум от пары взрослых неподготовленных мужиков. Или от одного средней подготовки. Тут проблем нет, возможности свои изучу, приёмы подберу. Опять время и ещё раз время.

Что там еще — разобраться в своей магии. Фактор неучтенный, но похоже важный. Полигон для занятий в роду есть, с инструкторами наверняка. Ни перед кем светиться нельзя. До отъезда на учебу ждет, а там свой полигон найдется.

И последнее тоже есть, не по значимости. Интерфейс, милость эту, нельзя игнорировать. Надо понять, как работает система, и найти способ её обмануть. Если прокачка навыков штука полезная, надо научиться это делать с максимальной эффективностью, может какие новые открыть.

Прокрутил план в голове ещё раз. Что-то упускаю. Стоп. Идиот, как есть идиот, клинический.

Как бы не хотелось быстрее похудеть, стать сильнее и скрутить всех в магический рог — не это самое главное. С тех пор, как обезьяна поскользнулась на собственных соплях, упала с дерева и назвалась человеком — главное её оружие это мозг!

Самое время признать, что я глупый. И дело не только в памяти, которая кренделя выписывает. Как бы не ощущал себя прежним, сейчас у меня голова тупого самовлюблённого подростка, который этой головой по назначению не пользовался ни разу.

По сути, мозг такая же мышца, как и другие, его можно и нужно тренировать. Все двадцать четыре часа в сутки. Нарастить недостающие нейроны можно только нагружая мозг на двести процентов. Благо понимаю, как это сделать быстрее.

(Первый храм Вечного ученика, место, недоступное смертным.

Старик в инвалидной коляске дремлет над открытой книгой)

Посетитель покашлял и робко нарушил тишину, — Господин, позвольте.

— Что у тебя?

— Лорд-Пилигрим, взгляните. Запись из мобиля князя Ежова, которого Око сопровождало на деловую встречу. Вот на повороте нужный момент, всего две секунды, мужчина, подаёт руку и выводит из кареты знатную даму. Мужчина со спины, одет прилично, лица не разобрать, но приглядитесь к женщине.

— Увеличь, пауза, секунду назад. Да вижу метку, Око распознало Милославу Скотинину. В столице, в квартале, где почти нет наблюдения. Любопытно, но это не та новость, которой меня беспокоят в такую рань. Ты ничего не попутал? Погоди, дата, точное время 16:47. За десять минут она могла прийти порталом?

— Исключено, Лорд-Пилигрим, в радиусе километра от храма порталы не работают уже

восемьдесят лет, после того случая с бомбой. И любая техника теряет движущую силу.

— Могла пробежать километр за 10 минут? Хотя это не вопрос. Аристократы не ходят пешком, а арендуют экипажи в ближайшей деревне.

— Господин, я аналитик, моя работа просто сопоставлять факты. Если Милослава в это время была в столице, то она не могла быть в Храме и просить за молодого Скотинина. Это был кто-то другой, замаскированный так, что даже вы не распознали подмену.

— Вот же твари, они всё-таки осмелились. Записи из храма мне на милость. Найди и опознай спутника. Узнай, что баронесса делала в этом районе. Кто-то ведёт свою игру, надо признаться, раунд проведён виртуозно.

*(Палма, слобода при усадьбе Скотининых
Борис бредет загребая пыль)*

С невеселыми мыслями выбрался из леса и побрёл вдоль одноэтажных домиков. Вот так тут обслуга усадьбы живёт. Строители, прачки, рабочий деловой люд. Жгут костры, отдыхают, возятся. А вот и домик лекаря. Не признать тщедушную фигурку, укутанную в плед, надо было постараться.

— Пантелей, доброго здравия.

Лекарь приоткрыл один глаз, — Я вообще тебе не Пантелей, а Пантелей Егорыч. Пантелей для барона и жён его, ещё для старших — Петра, Остапа и...

Я поправился, — Извини, Пантелей Егорыч. Ты же учёный лекарь, настоящий? Или как все?

— Я как все? Между прочим, я в академии самым подающим надежды студентом был. За меня красавицы дрались, в такие кланы вступить предлагали. Мне, карьеру в имперской гвардии готовили. Тьфу, блестящую карьеру на что променял.

Следов от утреннего наказания на руках не видно. Залечил и сидит довольный, как котёнок, сбежавший от кастрации.

— Пантелей Егорыч, тут вот, дело такое. Вопрос есть у меня, как раз для головы вашей.

— Ну давай свой вопрос, за вопросы денег не берём, хе-хе, а вот за ответы...

— Пантелей Егорыч, а подскажите, как похудеть можно? Очень надо, мне же в академию скоро. Надо мной же смеяться, дразнить будут.

Лекарь довольно усмехнулся, — Надо же, за ум решил взяться. Я матушке твоей сколько раз говорил, тебя в область в госпиталь Собакиных показать. Или вообще в столицу, — поднял палец вверх, — Аномалия!

— Очень похудеть надо. Прямо сил нет. Подскажите, как?

— Похудеть он значит захотел. Что такое энергия знаешь? Это как анама в магии, только её пощупать нельзя. Вот телу энергия нужна чтобы двигаться и голове тоже нужна, чтобы думать. Да, не поверишь, голова, такая штука сверху, ей человек думает и энергию тратит.

Что-то дерзкий лекарь при мне. С матушкой и бароном совсем по-другому говорил.

— А берет эту энергии человек из пищи. Вот у нормального человека энергии поступает столько, сколько он за день тратит. Если остаётся лишняя — тело его начинает запасать. И очень непросто его потом заставить с запасами расстаться.

Тут согласен, а у некоторых просто талант есть — хорошо запасать, вдохновенно. Зараза, прямо Америку открыл.

— А нельзя как-то магией, вы же лекарь крутейший. Ну поколдуйте, там, поведите

руками, чтобы я похудел.

Пантелей мелко затрясся от хохота, — Ага, рылом не вышел, анаму на тебя сливать. Что такое похудеть? Это перво-наперво от лишнего жира избавиться. Растопить и вывести через кожу. Если через внутренние органы выводить — ни печень, ни почки не выдержат. Хороший лекарь по похудению за суточный магический запас может грамм двести жира вывести. Это килограмм пятьдесят за год. Ты же за это время в два раза больше наберёшь. Да объяснял я это барону.

Дальше лекарь забубнил себе под нос, — Потом ещё долго-долго шкуру ушивать, шрамы разглаживать, органы балансировать. Вот там работа так работа. У тебя крови сейчас раза в три больше, чем у простого человека. Конечно, можно такую армию диетологов нанять, что за пару лет моделью станешь. Только таких денег ни у барона, у самого графа Собакина нет. Это же лекари всю анаму на тебя, придётся их пару лет содержать вместе с семьями.

Да чего это ты, я все слово в слово и барону и Петру говорил. Думаешь Антон Петрович про похудение твоё не спрашивал? За тебя семья места себе не находит.

Вот так с небес прямо на землю.

— Ну, Пантелей Егорыч, что совсем-совсем ничего сделать нельзя?

Лекарь недобро прищурился, — Умный самый вижу, и вежливый такой сегодня. Неужто приперло? Или жене молодой понравится удумал?

— Ну чего, ну. Я же просто спросить пришёл. А нельзя руку отрезать. Новая вырастет и жир потратится!

— Гений просто смотрю, сам придумал? Руку отрезать — без милости останешься, без защиты от Злого ветра долго протянешь?

Опять как дебил выгляжу, так не привыкать. Снова эти камни и Злой ветер. Не просто это планшет и средство связи, более важные функции у него есть.

— Ну, не подумал, а ногу?

— Тьфу, дуралей. Новую ногу вырастить думаешь просто? Это не прыщ на жопе вывести! Это пять лекарей минимум. По первой спец по коже нужен, он мешок кожаный к культе прирастит, как сапог. Потом этот мешок другой лекарь бульоном наполнит, специальным из внутренних жидкостей. Сосуды прорастит спец по сосудам. Этих сосудов в ноге как.... Четвёртый нервы. Через месяц только, когда чувствительность появится, можно кости внутри проявлять, а это совсем другой спец. С костями не лекари, а птоманты работают. Мало что дорого, так и боль это такая, какую описать нельзя. Пока нервы прорастают, конечность адским пламенем пылает. И тратится на все это опять только анама, никакие запасы жира никуда не деть.

И тут вселенский облом. Ощущение что как нашкодившего котёнка сунули мордой в это самое и от души повозили. Какой-то неправильный магический мир. Не так у попаданцев должно.

Вздыхнул я тяжело-тяжко, — Ладно уж, Пантелей Егорыч, про похудение это я так спросил, с тоски. Тут другое, вы же лекарь знатный, посмотрите, что с сердцем у меня. Неважно себя чувствую.

— Да я тебя каждую неделю проверяю. Насмотрелся. Все нормально у тебя. Посмотрети могу, но ежели что, лечить сегодня не буду, себя лечил, устал я.

Нехотя положил руку мне на грудь. С минуту сидел с закрытыми глазами, начал тихонько похрапывать и заваливаться на бок.

— Пантелей Егорыч.

— А? Что? Сердце здоровое, как у лося. Ну не то, чтобы как у лося, как у вас Скотининых принято — как у здорового кабана.

Пантелей Егорыч, мне семнадцать лет, а одышка как у старика дряхлого. На второй этаж подняться не могу. Пот такими ручьями, что майку пять раз на дню меняю.

— А чего ты хотел? На весы давно глядел? При чем тут сердце?

— Ну как же? Чувствую я что-то, вот. На лодыжки мои посмотрите, это же отеки, да? Вот тут справа на животе выпирает как мяч. Это печень увеличена, мы в школе проходили.

— Не знаю, что за чушь там в школе говорят. Сказал здоров, значит здоров.

Ещё полчаса препирательств и я извлёк из безразмерных штанов фляжку. Ту самую, из Бориной книжки. Протянул лекарю.

Тот отвернул пробку, принялся, и брови поползли вверх, — Надо же, мурманский, уважаю, у барона украд?

— Для вас все самое лучшее! Барон лично выдал. Пойти, говорит, проведай Пантелея Егорыча. Угости. Погорячился он, переживает, как вы тут.

Лекарь запрокинул голову, кадык задёргался. Знатно приложился, половины как ни бывало. Зажмурился от удовольствия, — Правда мурманский, анаму на раз восстанавливает.

Таки снова возложил на меня руки, сунул их в складки между первыми и вторыми грудями, презрительно морщась. Замер, сосредоточился, прикрыл глаза. Вот теперь чувствую и тепло, и холод, и щекотку, вот теперь и вправду внутрь полез.

— Ладно, чего уж тут. Прав ты Боря, хреново с сердцем. То, что жир вокруг — ерунда, но вот есть места, где жир прямо в миокард прорастает, и ещё в двух местах стенка тонкая, клапан не плотно. Миокард это такой...

Прослушал лекцию про строение сердца. Слушал с разинутым ртом, чему Пантелей был рад несказанно. Нашел уши свободные.

— Поправлю сердце и стенки укреплю. На все сосуды анамы не хватит, уже говорил — себя лечил...

Дальше гулял с настоящим наслаждением, ноги сами норовили податься в пляс. После слов про жир в миокарде неуютно стало, в моем мире ожирение сердца — процесс необратимый. Быть инвалидом до конца никчёмной жизни — удовольствие так себе. Дышал полной грудью, одышка пропала, будто не было. Даже в горку споро поднялся, голова кружилась от кислорода, в ушах звенело. Пусть не только от кислорода, от голода и усталости тоже, но звенело. Душа пела с щенячьим восторгом. Как просто сделать человека счастливым — сделай ему плохо, потом совсем плохо, а затем верни чуть обратно.

В голове тоже прояснилось, непривычная легкость, ясность. Стукнула мысль — Марина! Не сказал Егор, за что ее из рода поперли. Оберегал от злого слова, дразнили девочку. За что? Магия перестала получаться. Сердце не выдержало. Для принятия решения информации достаточно!

Включил милость, нашёл контакт вчерашнего киллера. Пару гудков из ладони и скрипучий дребезжащий голос, — Борис, ты нашёл убийцу брата?

— Нет, я по другому вопросу.

— Я же сказал, набрать меня только в одном случае, в голос добавилось старческое брюзжание, — Ты производил впечатление человека...

— погоди, это важно, были ли у Марины проблемы с лишним весом?

— Тебе кто-то рассказал, твоя матушка, да?

— Значит да. Проблемы были с самого детства, или начались позже, например, после подарка барона?

Дребезжащие нотки из голоса пропали, — Да, позже, когда...

— Стоп. Последнее. Ты общаешься со слугами, с теми, кто знал тебя прежде. Есть ли среди них кто-нибудь с кухни?

— Ну да, я

— Достаточно. Если ты в усадьбе или рядом — уходи немедленно. Набери, когда будешь в безопасности.

Разорвал связь, сжав кулак. Информацию выдал, пусть дальше сам разбирается.

Интересный парк, дубки, осины, ольхи. И алыча тут, и каштаны, хвойных разных десятков, акация, лещина, кизил. Судя по дикому разнообразию и времени года, я где-то на юге. Еще не субтропики, но у нас практически тоже в Краснодарском крае. Привычно вычленил, классифицировал кустарники, травы. Если холопы без лекаря, травами лечатся, может и мне надо гербарий собирать.

Привлек внимание роскошный тис, метров десять вымахал. Судя по толщине ствола, не меньше пятиста лет такому дереву. Удивительное растение, ничего подобного давно не видел. В Древней Греции символ смерти. Это же и сильный яд, и лекарство одновременно. Серьезно задумался, и яд, и лекарство. Лекарства мне не факт, что в ближайшее время понадобятся, а вот хороший яд? Путевый растительный яд сделать можно и нужно. Значит нужны перчатки, емкости для хранения, растворители.

Шум услышал заранее, не успел добраться до усадьбы, как на встречу вывалило толпу охранников. Не просто вышли, двигались грамотной цепью, прочесывая каждый куст. В кожаной броне, вооружённые мечами, пиками. Здоровенные псы, и пара арбалетов заставили благоразумно свернуть с тропинки. На всякий случай открытые ладони развел в

стороны. Не дергаемся, улыбаемся. Следом за загонщиками пара наблюдателей в хламидах, на расстоянии, как бы сами по себе. Серьезная движуха.

Командовал отрядом Степан, один из тех, кто меня на свадьбе таскал. Между прочим, с моей бесчувственной тушкой обращался безо всякого почитания.

— Ваше благородие. Слава Вечному ученику, живы. Не видели чужого кого?

— Ну чего, нет. Я вот гуляю тут.

— Ваше благородие, не гоже одному сегодня на улице. Душегуба ловим ужасного, опасного. Говорят, зарезать детей баронских хотел. Я вам охранников выделю. Скорее в дом, скорее.

Прикрыли с боков, со спины. Коробочкой довели до крыльца, сдали на руки дядьям.

— Жив Бориска, слава Вечному ученику.

— Да чего сделается то с ним, лучше за своими гляди.

В комнату тоже проводили четверкой, деловито. Сначала осмотрели каждый угол, обнюхали, запустили. Не расслабились, один за дверью остался, а пара вообще в комнате дядьки мебелью шуршат.

На обед занесли кучу подносов, заставили стол. Отправил почти все назад. Оставил миску с кашей и кусок куриной грудки. Рассосалось все только стоило донести до рта. Чувство голода не исчезло, а только начало грызть все злее. Надо отвлечься как-то.

Полюбовался на денежный приход, не заметил, как пополнилось.

Финансовый баланс 301 рубль.

На рубль в школьной столовой пару кексиков брал и тортик. Тьфу, Боря, брось мысли про еду. Рубль сумма добротная, пообедать нормально можно. Примерно уровня СССР конца семидесятых. На 300 рублей вполне себе нормально месяц жить.

Свободное время посвятил заполнению досье. Углубил, рассортировал набранные абзацы. Выделил кармашки для хранения видеоматериалов. Можно пробовать наполнять. Номер два — Скотинин Петр Петрович. Номер три — Скотинина Милослава Васильевна.

Худо-бедно обозначил ближайших родственников, выдоил из своей памяти все, что можно. Про тех, кого видел мельком, только пара строчек вышла. С каждой набранной фразой печатать становилось все легче. Пальцы не сразу и неохотно, но начали находить нужные буквы. Первая задача накопить максимум информации, что с этим делать — все позже.

Научился делать всплывающие подсказки к закладкам. Ну как научился? Буквально вчера не было такой возможности. А сейчас наводим на рост, получаем: низкий, средний, высокий. Наводим на особые приметы: непропорциональные части тела, шрамы, пятна, татуировки, характерные мозоли, неестественный цвет кожи.

Еще задача, одно и тоже видео надо в разные папки складывать, и барон там и матушка, и дядья. Можно копировать, но не по-человечески это. Значит все документы в отдельную папку, а потом ссылки создать. Провозился с ярлыками, то создаваться не хотят, то связь с документом теряют.

Создал, углубил новые разделы. Состояние здоровья. Важные данные, возможности для сближения, влияния через новые лекарства, связи с известными врачами. Для отца понятно, что местного лекаря за человека не считает. Лекарства тут не в моде, а вот хорошие лекари похоже на вес золота.

Перспективы объекта. Это важно для одной со мной возрастной группы. Долгосрочные связи с кем-то строить придется. Главный капитал в жизни — это люди, на которых можно

положиться.

Отношение к религии — поклонение единое у всех — Путь Вечного ученика. Пока ничего другого не видел. Соблюдение ритуалов, посещение храмов? Кроме семейной молитвы, ни у кого ничего не замечал. Ага, еще поминание нерадивого через слово.

Еще система оценки качеств нужна, всего их сорок штук, критичность мышления, любознательность, мстительность и прочее, прочее. В старые времена у себя четырехбальную шкалу использовал, комбинацию пары плюсов и минусов. Здесь пока также сделал, только к каждому баллу примечание нужно, или ссылка на обоснование.

Пара часов пролетели как одно мгновение. Опять в самый разгар литературного творчества пришёл вызов. Киллер вызывает, значит жив, как колобок, от облавы ушел.

— Да Егор, слушаю.

— Борис, у меня просто нет слов... Хвала Вечному ученику, что предупредил, грамотная охота на меня была, по всем правилам. Минут бы на пять позже и не ушёл. Охранника правда одного по голове пришлось, но вроде не насмерть. Не объяснишь, как это с Мариной связано?

Предупредил вообще-то я, а хвала ученику Вечному. Обидно.

— Егор, ты меня видел? Думаешь я по своей воле такой? На пятнадцатилетие барон слезу воздуха подарил и надеждой рода назвал. На следующий день началось за столом поведение некультурное. Через год я вес удвоил, и каждый год рекорд бью как олимпийский чемпион. С сердцем проблемы, магия не дается. Еще что-то объяснять надо?

— Задери Нерадивый. Марине барон тоже слезу подарил, прямо как тебе, только водяную. Девчонка так быстро прогресс набирать начала, что сам Граф Собакин смотреть приезжал. А потом как-то враз сломалось все. Начала много есть, учёбу забросила. Полнеть начала просто на глазах. Опять смеяться над ней начали — корова, жирная. Для девочки это..., да что я говорю, ты сам все понял.

— Печально....

— погоди, Борис, ты про кухню говорил. Это с едой связано.

— В точку. Травил нас кто-то из кухни, как тараканов. Дрянь неизвестная, похоже магическая.

— Стой, погоди. Слышал я про такую дрянь, птомантов варево. Даже название у него свое есть — «Аппетит нерадивого». Жрать начинаешь все подряд, и любое учение из головы вылетает. Только оно запрещено уже лет как двести, да и рецепт давно утерян. Был птомант в древности, силу свою в каннибализме черпал. Фермы людей держал и жертвы там вот этим кормил. Во вспомнил — Казимир Ненасытный. Это что получается, кто-то это зелье сварил? Ох, а я же среди поваров все это время жил. Почему меня раньше не трогали, только сейчас?

— Егор, тебя подталкивали, что в смерти брата виноват я. Вспоминай вечер вчерашний, сознался, что сомневаешься, так? Ну вот, бесполезным, лишним или опасным стал. С кем говорил?

— С двоими говорил, в обоих как в себе уверен. Хотя теперь не уверен. Повариха Варвара, у меня с ней в молодости было. Даже к свадьбе дело шло, но не дошло. Её барон за кучера выдал. Но видит Вечный ученик, друзьями остались. И Степка-компас, тоже друг старый, он вообще на улице работает, но в кухню дрова носит и всякое. Вот узнаю, кто меня сдал... Знаешь Борис, не надо искать, кто моего брата убил. Помогите понять, кто меня выдал.

— Подумать надо, если чуть больше расскажешь, что пятнадцать лет назад стряслось — точно разберёмся. Только вот надо ли оно тебе?

— Что значит надо? Вот не надо про то, что месть порождает новый виток насилия и прочее. Наслушался. Разберусь, отомщу, и...

— Егор, и в мыслях не было. Смотри глубже. Разберёшься с поварихой или с другом, легче не станет. Это не месть, а мелкая пакость получается. До тех, кто приказ отдал все равно не доберёшься. А выяснять зачем тебя предали — гиблое дело. У всех же семьи, дети.

— Это нельзя оставлять. Марина не просто погибла оказывается. Сгубили девчонку, и мне всю жизнь под откос.

— Послезавтра я на учебу отправляюсь. Предложение в силе, в столице мне понадобится помощь. Поехали со мной, поможешь житейским опытом. А там глядишь, вернемся и все с ног на голову перевернем.

— Хреновый помощник из меня. Знаешь, Борис, мне осталось мало совсем. Руки нет одной, не осеняет меня Вечный ученик своей милостью. Подтачивает Злой ветер, сушит. Может год-два ещё продержусь.

Понимаю, что это принципиальное — да. Ни куда он от меня уже не денется, только давить пока не надо.

Нашёл интересную полянку, от дорожек в стороне, кустами колючими прикрыта. Посередине молодой дубок. Тут и зарядку делать можно, и магией заниматься никто не помешает. Пошарился в округе, убедился, что место тихое, просто подарок.

Пора подумать над комплексом упражнений. Начнём с ходьбы. На носках, руки за пояс. На пятках, руки за голову. На внешней стороне стопы — руки к плечам. Сделал вокруг дерева десяток кругов. Двойная польза, и траву утоптал, и разминка получилась. После каждого круга правда приходилось упираться в дерево и отдыхать, высунув язык. От голода накатывала такая слабость, если присесть на землю — подняться уже не получится.

Хлопнул дубок по стволу. Нарекаешься теппо[1]. Быть тебе теппо и совместительству боксёрской грушей Бориса Скотинина.

Ноги шире, стопы наружу. Приседаем, переносим вес на одну ногу, затем на другую. Топнул одной ногой, затем другой. Хватило на два раза, в глазах заплясали мушки размером со слона. Дышим, глубоко и спокойно.

Сосредоточился, замолотил ладонями по стволу. Быстрее, ещё быстрее. Все, на первый раз достаточно. Пока тело отдыхает, мозг должен работать. Пошёл снова по таблице умножения, вперёд-назад. Доумножался до крови из носу. С мозгом достаточно, пора переходить к магии.

Задержал дыхание, щёлкнул по камню ногтем. Явись стихия, Боря колдовать изволит. Приятное ощущение захлестнуло, уже знакомое, вихрик перед ладонями плотный и послушный. Не дёргаемся, держим, плавно раскачиваем, право, лево. Выдох, главное спокойно и расслабленно. Эмоции давим, в прошлый раз не удержал. Постепенно ощутил поток внутри рук, рвущийся наружу. Одна ладонь неподвижно, вторая в сторону. Вихрь закрутился стремительней, подхватив мусор. Теперь вправо. Толчок вперёд, дерево ощутило потряхнуло, голову усыпало желудями.

Не коситься на жёлуди, Боря, это не еда.

Отлично, снова набор воздуха, вихрь слабее, листва поднялась только до колена. Но сила тут и не нужна, управлять учимся, вперёд, назад, поворот ладони, движение пальцев. Буду считать, что все важно, напряжение спины, ноги. На третий раз ощутил, что все, эта самая анама вышла. И ощущение поймал, в груди, где-то в легких тянущая пустота.

Прокрутил весь комплекс сначала, ходьба, приседание, удары по стволу. Мышцы

разогрел так, что от тела валил столб пара, как дым из печной трубы. Голова цифры умножать отказалась напрочь, даже однозначные, даже дважды два не вспомнил. При любой попытке резь в висках. Ладно, цифры нельзя, значит вспоминаем стихи, сначала самые ранние, из начальной школы.

«Однажды в студёную зимнюю пору...»

Куцый вихрик после третьего круга не появился, сколько не тужился. Всего колдования суммарно на четыре минуты. Первый раз самый сильный, человека с ног снести смогу. Второй раз только толкнуть, на третий пыль в глаза пустить, например, песок. Теперь интересно, за сколько восстановится? Уровень анамы понять бы как смотреть.

Чем заменить магию? Сначала хотел потренировать пресс. Единственное упражнение из положение лежа, от которого не лопались глаза — это шевеление пальцами ног.

Ладно, ещё мелкая моторика нужна, чувствительность пальцев никакая, ни силы, ни твёрдости. С такими пальцами ни то, что скальпель, пуговицу не застегнёшь. Фортепиано найти? В усадьбе точно есть, один раз клавиесин точно слышал, сверху, этажа с третьего. Мелодию правда не разобрал, лекарь негодяй орал. До учёбы точно не получится, да и потом сначала учителя музыки найти и постепенно легализоваться.

Остаётся увлечение из детства — резьба по дереву, и работа мелкая и к основному профилю близко. Вытащил ножик, не инструмент, а говно. Подобрал палку суковатую, отличная заготовка. Будем посох мага строгать.

Время пролетело незаметно, часа три, не меньше. Гендальфа из меня не получилось, не в этот раз. Выстругал подобие виденного револьвера. С ним тоже можно заниматься. Кладем в карман, выхватываем, взводим курок, наводим на цель. Ствол вверх, фиксируем курок большим пальцем и плавно спускаем. Оружие в карман. Повторяем упражнение, сто раз левой рукой, сто раз правой. Глядишь, к моменту, когда настоящее оружие появится, автоматически получаться начнет.

Включил милость, оценить прогресс.

Борис Скотинин, путь Вечного ученика.

Сопrotивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 7 \% = 57 \%$

— Харита, ступень 3 (дворянин по праву рождения), прогресс 175 из 2016

Доступны умения 6 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретённое), прогресс 46 из 1728

— Архитектура, ступень 2 (открыто самостоятельно), прогресс 241 из 864

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 53 из 72, повторный запрос в Храм пилигримов — отклонён непреложно.

— Дизайнер наружной рекламы, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 26 из 72.

У магии воздуха прирост 26 единиц, не то, что пара единичек от толчка в комнате. Верной дорогой идем, товарищи. Харита на 12 единиц. Дизайнер рекламы на 11. Эти последние точно связаны. Одна причина, вывеска стреляет, заказы Леонтию повалили. Неведомое умение тоже на месте не стоит, пара единиц ни за что упало.

(Палма. Черное море. Верхняя палуба парусной яхты «Приватир Нерадивого».

У штурвала капитан в белоснежном кителе с дымящейся трубкой. Рядом женщина с животом, последних недель беременности, и лицом, как две капли воды похожим на Розу

Скотинину. Еще пара человек застыла вдоль бортов).

— Капитан, я подвела вас.

— Оставь сопли для своей аудитории. Выяснила, как он это сделал?

— Лекарь сказал немного. Аорта лопнула в животе, прямо под сердцем. Кровь остановили в последнюю минуту. Если еще чуть, и я была здесь не говорила.

Капитан кивнул в сторону, — Напарнику спасибо скажи. Резервный портал не пожалел.

— Господин, как такое возможно? Мы были готовы ко всему, к любому сопротивлению, но это. Он простой подросток с лишним весом. Даже если он не тот, а кто-то чужой, у него не могло быть ни источников, ни основы.

— Аврора, чему я вас учил? К чему готовил? Видать не ко всему. Ты консультировалась у птоманта, есть ясность?

— Да этот тоже отморозился. Разорвать артерию на расстоянии не просто. Первое, анатомию в совершенстве надо знать, представлять, что делаешь. Второе, сам навык — или чистая птомантия, или сосудистый лекарь высокой ступени. Магический след не нашел, только морщился и на лекаря ворчал. Воздействие сильное, очень точное и дозировано строго.

— Вот как? Задание прежнее. Или вы никогда не подниметесь до подмастерьев. Привезите мне толстяка. Или непонятно кого в его теле, — капитан поднял палец вверх, — ОН интересуется, зачем мальчишка здесь.

— Капитан. Я готова умереть за наше дело, позвольте снова, боюсь вас подвести, у меня есть новый план. Как вспоминаю его голос. Нет. Больше ошибки не будет...

Кучер кареты отодвинулся от стены и сделал пару шагов, — Капитан, поручите мне. Есть идея, как повернуть дело по-старому.

Капитан на секунду задумался, выдохнул столбик дыма, — Чтобы обещать, что ошибки не будет, надо понимать, в чем именно была ошибка. Вы это поняли? Работайте вместе. Аврора, сама к объекту не подходи, готовь операцию и остужай горячие головы. А ты, не облажайся и инквизорий не наведи. Не надо с ним играть. Просто приведите его для беседы.

[1] Теппо — высокий деревянный столб для отработки в борьбе сумо одноименного упражнения.

(Усадьба Скотининых. Отдаленный участок парка. Поют птички и светит солнышко. Борис неспешно прогуливается, рассматривая букашек под ногами.)

Пора на обед плестись, если в ближайшее время что-нибудь не сожру, прямо тут лягу и сдохну. Назад шел другой дорогой, надо территорию осваивать. Вышел к небольшому пруду, семимильными шагами превращающемся в болото. Лягухи бесстыжие квакают, комары налетели, размером с кулак. Заметил роготульки в камышах. А вот это интересно, рыбу тут ловят. Точно, в гардеробе среди дерьма пара удочек лежала и сачок.

Над дыхательными упражнениями бы еще подумать для восстановления анамы. В подсказке указано — специальные. Из специальных только вентиляцию легких знаю, для быстрого погружения. Ага есть еще восточные практики всякие. В общих чертах знаком, но серьезно не воспринимал никогда. Пробовать не сейчас, подкашиваются конечности.

На середине пути измышления прервались шумом из-за кустов, детскими криками, визгом и истошными кошачьими завываниями.

- Держи, вдарю, держи крепче.
- Души его гада, царапнул, сволочь.
- Дай, я вмажу, дави говорю.
- А-а-а, кусается, пусти я эту тварь прикончу.
- Нет я, он мой, он рыбу у тётки ворует.

Как есть нарисовалась картинка — ватага ребятишек мучает рыжего кота. Почему рыжего? Других вроде не видел — раз, с таким характером да не попасть в переплёт — это два.

Боря, ты как, все устраивает? Внутри шевельнулась тревога и лёгкое недовольство. Все верно, Боря, человека в беде и то всегда нужно спасать, хотя он завсегда сам виноват. А животину бессловесную тем более защитить некому.

Веселились детишки на славу. Ничего не боятся охальники. Всего десяток метров от дороги, где людей как в девяностые в очереди за колбасой. Пяток пацанов лет десяти и пара постарше. Босые, неумытые, в драных рубашках, Слава Вечному ученику не аристократы, за обедом таких не видал. В руках палки, камни.

Кот висел на верёвке, затянутой поперек тушки. Вопил не переставая, скорее уже не вопил, а завывал. Били животину все вместе, палками и камнями, раскачивая верёвку и отталкивая друг друга. Так увлеклись, что появившуюся из кустов тучу заметили не сразу.

В момент, когда я выдвинулся, рыжая тушка не сопротивлялась, котище уже не выл, а хрипел, пуская розовые пузыри.

Я заревел басом, — Что творите, паскуды?

Мелюзга с визгом бросилась врассыпную, примитивные орудия труда полетели в разные стороны, в мою тоже. Лица запомнил, пригодиться, один особенно прыщавый прямо сразу в душу запал. Стоял в сторонке, ладошками видео снимал.

Ни поймать, ни догнать никого не смог, комплекция не та, в пальцах на секунду задержался рукав грязной рубашки, треснул и выскользнул. Ничего эти пальцы кроме столовой ложки держать не способны. От неожиданного рывка ноги оказались чуть впереди основного тела, рухнул на задницу, подняв тучу пыли. Учиться и учиться управлять этой тушей.

Кот, тот самый знакомый, вяло подрагивал и только один изумрудный глаз был приоткрыт. Настороженно так смотрел, с отчаянием. Или это так показалось.

Трясущимися пальцами развязал узел, тугой, пришлось обгрызенным ногтям зубами помогать. Сорвал майку и завернул тушку. Сердечко под руками билось слабыми неровными толчками. Кот меня видно признал, прижатые уши чуть расслабились, задышал шумно, с клетотом.

— Как же ты, товарищ, попался, с таким боевым характером? Ты же правильный кот, умный, с понятиями? Причина нашлась, не отходя от кассы. В паре метров валялась попугайская клетка с чёрной кошкой. Открыл дверцу и еле увернулся от острых когтей. Подруга развернулась как стальная пружина и рванула в кусты. Бодро. На горячее значит поймали. Понимаю, дружище, я по молодости так тоже разок попадался.

К лекарю надо. Только стоит ли перед Оком светиться? Заступился бы Боря за кота? Чую — не факт. Ладно, пойдём огородами.

Вышел на домик лекаря аккуратно, медитирующая на веранде тушка грелась в лучах заходящего солнца. Пригибаясь, перебежал открытое место. Дислокация тела не поменялась, доктор так и сидел, укутавшись в плед, только баллон мутной жидкости на столике уменьшился вполовину.

Что-то чую не будет он кота лечить. Мысли в голове одна опережала другую: просить, заплатить, бароном припугнуть или реально шею придавить?

Вежливо постучал по столу, — Пантелей Егорыч, помощь нужна.

Плед на кресле зашевелился, лениво приоткрылся один глаз и закрылся снова.

— Пантелей, не притворяйся. Только ты сможешь помочь.

— Борис Антонович? Шо, опять? Слабительное в шкафу.

— Да не-е, не мне, вот котик под телегу попал.

Пантелей покосился на окровавленную тряпку, приоткрылся второй глаз, плед пополз вверх и укрыл лекаря с головой, — Как же задрал, да. У меня выходной, раз. Меня барон обидел, два, анамы нет три. И ещё четыре, коньяка уже тоже нет и вкуса не помню. Ага, еще пять есть — морда мне твоя хитрая не нравится.

Эх, нет у меня авторитета, как у родителя, — Пантелей Егорыч, с отцом ты совсем другим тоном разговаривал. Не видишь, это баронский кот.

Лекарь неторопливо вытащил очки, натянул на нос. Губа брезгливо оттопырилась, — Не верю. Барон котам не любит, только собак охотничьих. Сам видел, как он кота пинком через всю кухню.

— Бьёт, значит любит. Помоги, будь человеком.

— Чего помоги, тут тебе что — богадельня? Я тут жизни людей спасаю, уноси эту заразу. Давай, скажи, что отцу, матушке нажалуешься. Да срать я хотел на все твоё семейство. Уезжаю я, завтра же ноги моей в этом городе не будет. Думаешь я поверил, что барон тебе коньяк дал?

— Пантелей, ты же хороший человек, помоги, и я тебе буду должен, — сказал я чуть изменившимся голосом, нащупал и стиснул в кармане носок с песком.

На интонации Пантелей реагировал отменно, а может на блеск глаз. Сразу видно, били его часто и больно. Вот и сейчас дошло — просто так я не отстану. Втянул голову в плечи, махнул в сторону двери, — Пошли внутрь, показывай, — на столе развернул окровавленный свёрток и отпрыгнул в ужасе.

— Да ты, да вы, та я что? Да не смогу я. Я вообще себя лечил, тебя лечил, анамы ноль.

Видишь, на ногах еле стою.

— Знаю, от чего ты на ногах не стоишь. На столе баллон почти пустой и коньяка что-то не видно.

— Много ты понимаешь. Это настойка для восстановления сил. А коньяк вообще убрал, ну что осталось. Я за него тебе сердце укреплял. У других так вообще раны открытые не лечу, даже кровь остановить не смогу. Я же только внутренние хвори и инфекции. У меня и специализация основная — терапевт-диагност. Ещё чуть боль снимать могу. И вообще только людей. Кота — это ветеринар нужен, да не простой, а ветеринар по котам. В городе есть, которые коров и лошадей лечат, но они точно кота не смогут. Да никто не сможет, я вообще не слыхал про ветеринара для котов.

Я прищурился, — И что ты предлагаешь?

— Да нечего тут предлагать, ничего не поделаться. Раны воно какие. Хребет на бок. Лапы смотри под какими углами. Раздроблены, осколки, инфекция опять же. Тряпка в крови, хоть выжимай, значит ещё больше потерял. Внутри органы в кашу. Не выжить после такого, под телегу говоришь? В мельничные жернова он попал. Оставьте, молодой господин, я усыплю. Нечего вам глядеть.

В животе похолодело, — как усыпить? Стоп, говоришь усыпить можешь? Совсем? А так чтобы потом проснулся?

— Э, усыпить так смогу, но зачем?

— Инструменты есть?

— Какие?

— Грабли, лопаты, топор и веревка. Да не тупи, нормальные, медицинские. Скальпель, то есть ланцет, зажимы. Ножницы нужны, иглы кривые. Обычный инструмент хирурга.

Лекарь посмотрел на меня ошалелыми глазами, — Ой, не знаю даже, у главного лекаря то, у Фомы точно есть. Он на войне был, как подопьёт, так завсегда слушаем, как он есаулу это самое пришивал, которое чтобы дети были.

— Неси, я сам кота лечить буду.

Глаза у лекаря полезли на лоб, рот скривился.

— Пантелей, не могу назвать тебя умным мужиком, раз ты в нашем роду служишь, но и не совсем дурак тоже, раз уехать собрался. Мы с тобой раньше не общались нормально. Мы сейчас вдвоём, так что слушай, — Первое, я никогда не повторяю дважды, второе — я всегда плачу свои долги.

Лекарь опять в моем взгляде что-то разглядел, метнулся в соседнюю комнату, — Сейчас, сейчас принесу, только уйду потом, не смогу глядеть как вы, ваше благородие, бессловесное создание погубите. Вся ваша семейка друг друга стоит, барон вот людей за людей не считает, а вы над скотиной измываться.

— Нет, Пантелей, не уйдёшь. Мне помощь нужна, бинты чистые, горячая вода и спирт. Ещё свет хороший, тащи свечей побольше.

Собрался лекарь быстро, метался по комнате, стучал дверцами, крышками сундуков.

Пока я осматривал куцый инструмент, Пантелей изучал меня. Спиной чувствовал недоумение, вперемешку с разочарованием и жалостью. С той самой, как на убогих смотрят.

Пара скальпелей, одним только на большой дороге купцов пугать, зато острый, второй маленький, аккуратный, но тупой, как сибирский валенок. Иголок набор приличный, ножницы ржавые и состояние, будто ими гвозди кусали. Что зажимами зажимали лучше не представлять.

— Ещё, найди, чем стол застелить и чем раны мажут, чтобы зараза не завелась.

— Так и, ничем не мажут, магией любую заразу выводят.

— Так все и магией лечат. А простые люди?

— А-а-а, да, для холопов травы разные, кто на них анаму тратить будет? Они же сами лечатся.

— Дай рубашку чистую, хотя на меня не налезет. Тащи простыню.

Вырезал в простыне дыру, сунул голову, подпоясался рулоном бинтов, — На спине завязывай. Волосы убрал под бандану, наволочка от подушки впритирку налезла. Вымыл руки, сначала водой, потом спиртом. Хотя не спирт, а одно название, на языке щипнуло как обычная палёная водка. Промыл инструменты, прокалил над свечкой.

— Готово, усыпляй, только аккуратно, это тебе кот, а не...

Пантелей положил ладонь на кошачью голову и прикрыл глаза. Никаких спецэффектов, но стало заметно, что все мышцы у животного расслабились. Лапы безвольно повисли. Сердце бьётся стабильно, значит шанс есть.

— Малый импульс. Пару часов спать будет точно.

Дальше от Бори не осталось и следа, спрятался Боря. Временно, конечно, я всегда умел перед операцией так концентрироваться, что мир сужался до кончиков пальцев.

Первым делом нашёл и зажал сосуды, продолжающие кровить. Сам не заметил, как начал подавать Пантелею отрывистые команды.

— Зажим.

— Иглу.

— Ножницы.

— Свечи выше, за спину, над головой, чтобы не слепить.

Аккуратно выстриг шерсть. Сначала вокруг раны на спине, потом шею и лапы. Привычным жестом взял скальпель, поднял на вытянутую руку. Кончик начал описывать в воздухе восьмёрки. Собирайся, Боря, кусок ты говна. Прикрыл глаза, досчитал мысленно от десяти до нуля. Все, поехали.

Ощупал повреждения, вправил сустав, потом второй. Переломов куча, два на задних лапах серьёзные. Рентгена не подвезли, поэтому кости пришлось обнажать полностью. Предельно аккуратно, кот — это не человек, у которого каждую мышцу наизусть. Чуть в сторону, задеть не то, что артерию, любого крупного сосуда хватит.

Трубчатая в двух местах лопнула, осторожно удалил осколки. Такой перелом на шпифтах собирать надо, проволока Киршнера нужна, пластины.

— Пантелей, немедленно стальную проволоку и пассатижи, чем меньше, тем лучше.

К чести сказать, лекарь метнулся к прикроватному сундуку молча. С начала операции не проронил ни слова, только чувствовалось, как во взгляде становится меньше насмешки, а глаза распахиваются все больше.

— Нашёл? Нет, а это что?

В разворошённом свёртке лежала пара плоских чёрных камней, ну точь-в-точь как в ладонях. Похожи на процессоры, только крупнее и с хвостом такой же чёрной проволоки.

— Ваше благородие, нельзя. Это милость усопшего. На третий день после смерти вынимают, чтобы мерзостью не стать, потом и хоронить можно. Только её сразу сдавать на алтарь злого ветра надо. Почему Фома не сдал? За это же...

Я пощупал проволоку. Вроде не металл, но в меру жёсткая, гнётся, форму держит. Годится. Отчекрыжил ножницами.

Пантелей завопил, — Да ты что, знаешь что будет, если Око увидит, да за порчу милости, — видя, что я не реагирую, тяжело вздохнул и завернул остатки испорченного девайса.

Я принялся по привычке бурчать себе под нос, — Отделяем мышцы, удаляем сгустки крови. Обходим сосудисто-нервный пучок.

— Пинцет. Рассекаем надкостницу, отодвигаем её к основанию кожного лоскута.

— Удаляем мелкие осколки костей, размозжённые ткани.

— Укрепляем проволокой, петлю выводим наружу.

Пантелей плотно сжал губы и смотрел во все глаза, открыл рот только раз, — Это зачем так?

Я сухо комментировал, — Узловой кожно-мышечный шов. Здесь по-другому нельзя, нет пинцета с мелкими зубчиками. А это шов Мультиановского, красота не очень важна, а место подвижное, коту не объяснишь, что нельзя лапой дёргать.

— Как это?

— Выкол иглы, перехват. Хватит болтать, вынеси грязную воду, набери новую.

Лекарь унёсся выплеснуть таз, дверь не закрыл, чтоб тебя, ощутимо подуло сквозняком. От глотка свежего воздуха ощутил, что оказывается давно начал задыхаться, как выброшенная на берег рыба.

Сшил сосуды, порванные сухожилия. Глаз удалось вправить, хвала Вечному ученику, не вытек, висел на обрывке шкуры.

На стол упала длинная тень, что-то быстро вернулся. Нерадивый подери, вдоль хребта пробежал знакомый холодок. Скосил глаза, и сердце ухнуло ниже пола. Так и есть, в дверях стояла серая фигура со сведёнными ладонями.

Нельзя отвлекаться, и так стежки безобразные, как на латаной фуфайке пьяного бомжа. Живым не даваться? А хрен вам, по всей морде. Стиснул иглу, не сейчас, нельзя реагировать, надо закончить с мышцами и кожей.

С раной на спине почти ничего не смог сделать, тупая размозжённая, хребет перебит. Получилось только вскрыть, почистить от осколков и гематом. Точечно удалил сломанный позвонок, соединил, скрепил кольцами чёрной проволоки и зашил обратно.

С боков падало уже две тени, лекарь тоже стоял застыл с тазом воды и мелко подрагивал. От одного из наблюдателей ощутимо потянуло говном, причём явно не от Ока. Чего это Пантелей перепугался?

Последние раны зашивал, повернувшись к Оку спиной, чтобы руки лишний раз не тряслись. Шкура у кота дубленая, пальцы перестали слушаться, ноги от напряжения начали выводить самбу. Раз, два, три. Раз, два, три. Перед глазами крутанулась комната. Сколько не гнал посторонние мысли, в голову так и лезли последние слова Современника — «... я убью тебя раньше, чем к тебе прикоснётся имперский инквизитор». Довольно некстати вылезло — «Никогда ещё Штирлиц не был так близко к провалу», от которой уголки губ поползли в стороны. Внезапно на душе полегчало, наконец-то этот цирк кончится.

Закончил перевязку, закрепил шины из тонких лучинок, уложил кота в коробку. Вроде таким здоровенным казался, а сейчас без шерсти в обувную поместился. Эх, куда же ты смотришь Вечный ученик, надо же было так обосраться. Ноги держали только на последних каплях адреналина. Вытер импровизированным фартуком пот, разъедающий глаза, незаметно стиснул скальпель и повернулся. Что успею, отдам кота Пантелею и Око по горлу полосну.

Око стояло все так же неподвижно, но в фигуре было важное дополнение, которое не заметил сразу. Между ладонями зажата бесформенная картонка. Серая фигура плавно развела руки, и картонка вертолетиком полетела на пол. Весьма красноречиво на бумаге выступила надпись — «Дебил!».

Буквы на секунду вспыхнули красным и растворились.

Я шагнул к лекарю, зубы которого начала отбивать похоронный марш. Око вновь свело ладони и начало медленно поворачиваться.

Не снимал, точно не снимал, запись включается если ладони вместе. Сам или? Позже будем думать.

Сунул коробку лекарю, — Пантелей Егорыч, ты не просто лекарь, ты чудо.

Лекарь поперхнулся, — Я? Что?

— Ты сотворил настоящее врачебное чудо! Полечил моего котика и теперь он точно-точно выздоровеет. Теперь все будет хорошо, спасибо, поговорю с матушкой, а может и с бароном, чтобы тебе жалованье подняли.

На лице Пантелея выступили фиолетовые пятна, уши запылали, — Бо-Бо-Борис Антонович, как же, я же.

Я не давая опомниться, крепко обнял его до хруста, вырвал коробку и пьяной походкой направился к двери.

— Ещё раз, спасибо, Пантелей Егорыч, ты реально великий лекарь!

По пути ощутил горечь во рту. Не сразу осознал, что жую желудь, на секунду запнулся. Плюнь гадость, Боря. И когда желудей набрать успел?

Картина моего появления на крыльце вызвала замешательство. Не каждый день тут из темноты выныривает голопузая туша в окровавленных штанах, с коробкой под мышкой. К себе поднимался как в тумане, кажется пару раз кого-то толкнул плечом, с каждым шагом последние силы таяли. Успел снять штаны до половины, рухнул на кровать и отключился.

(Палма. Белозерск. Деревня при усадьбе Скотининых.

На веранде коттеджа сидит Пантелей и тупо пялится на голубое свечение между ладонями)

Ничего не понимаю. Откуда? Навык новый, странный. Я уже десять лет не открывал новых умений. Свалилось это на мою голову.

Мысли о вчерашнем происшествии, упорно заглушаемые настойкой, вновь ползут голову. И что это вообще было, почему я жив и сижу здесь, а не на крюке в инквизории?

Задумчивый лекарь поднимает глаза на проходящих прачек.

— Фима, голубушка, как дела, плечо не тревожит?

— Спасибо, Пантелеюшка, славно все. Дай вам Вечный ученик доброго здравия. Приходите на самовар. Мы травы собрали душистые.

— Ой, приду. А что, Фима, у тебя же кот живёт, Васька. Как он, мышей ловит?

— Да каких мышей, лежит целый день. Старый он уже и больной.

— Тогда сейчас иду Фимочка, надо мне твоего кота посмотреть.

(Тридцать минут спустя. Деревня при усадьбе Скотининых. Комната прачек.

Лекарь Пантелей сидит с облезлым котом на коленях и гладит мурчающую животину. Дородная женщина в кокошнике разливает чай)

— А что Пантелей Егорыч, не заходите вы совсем. Пригласили бы вечером песни гитан

послушать. Табор почти за воротами стоит, все девки после работы бегают. Того гляди барон погонит, снимутся, и ищи гитана в поле.

— Да все Фима дела, то один баронский сынок хвораёт, то другой, я же лекарь, человек подневольный. Барон, опять же, не всегда мои методы одобряет...

В середине фразы кот подпрыгивает и выгибается дугой. Визжит, будто ему наступили на голову, делает круг по комнате, снося и переворачивая плоски. С жутким завыванием раскорячивается на полу и выдаёт желтоватую лужу. Большую, грязную с капельками крови. Не переставая завывать, выпрыгивает в приоткрытую дверь и исчезает в сумерках. В полутемной комнатухе повисает запах кислятины.

— Пантелей, ну что же ты. Не любя я, так и сказал бы, зачем котика мучить?

— Чего ты Фима. Ничего я ему не делал. Гладил и за ушами чесал.

Сапог от самовара летит через комнату и двигает Пантелея по макушке, — Паскуда ты, а ещё лекарем назвался. Да правильно тебя барон на ворота, там тебе шелудивому и место....

Несколько раз за ночь просыпался от спазмов в мышцах, боли во всем теле. Проверял кота, щупая пульс, пил воду и снова падал. Еле дождался, когда за окном засерела алая полоса.

Осмотрел порезанные пальцы, заживёт до свадьбы. До настоящей, не до этой пародии. Прояснить бы своё семейное положение, у барона вон три штуки есть, у дяди Пети две, значит и мне коллекцию можно. А с другой стороны — нахрена мне такое счастье?

Коробка с котом стояла на углу кровати. Бока приподнимались спокойно, ровно. Через раз прорывались хрипы, но спит, хотя наркоз давно пройти должен. Приготовил воды, как проснется, метаться от жажды начнет.

Сдёрнул шторы с зеркала, оглядел заплывшую, не выспавшуюся, но довольную рожу. Спасибо Боря, не такой уж ты и никчёмный. Но расслабляться и лыбиться рано.

Что же это вчера было? Око меня прикрыло. Могло ли само, или оно только по приказу работает? Попросил кто-то? Если Современник, значит он не только смотреть, но и управлять наблюдателями может. Не вписывается в портрет, какой я для него составил. Или весь анализ начинать заново, или появился новый игрок. Опять куча или и почему. Снова домыслы, и ни одной нормальной зацепки.

Провел легкую зарядку на полу. Порастягивал мышцы и сделал несколько перекатов с боку на бок. Для более серьезной разминки надо в парк идти. Магию включать не решился, и так нашумел больше положенного. Попытался жонглировать яблоками. Четырьмя не получилось, пришлось одно съесть прямо с огрызком. Тремя тоже не вышло, не слушаются руки. Сожрав еще одно, более-менее приспособился перебрасывать пару между руками. Не заметил, как снаряд остался только один.

Раз есть время свободное, можно нормально поработать с досье. Полюбовался на новую строчку:

— *Хирургия семейства кошачьих, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 19 из 72.*

— *(Умение не определено), ступень 1, прогресс 53 из 72, повторный запрос в Храм пилигримов — отклонён. Попытка принудительного удаления — отказано.*

Пересортировал закладки по разделам. База, для хранения обычной информации. Милость. Тут будут данные по навыкам и всему, что есть в милости. По умениям, ступеням, уровням. Достижения и награды.

Для отца пусто, ну так Москва тоже не сразу строилась. Хотя нет, будет одна запись — дар Вечного ученика, он же у него точно есть. Для Даши можно перечислить, что слышал.

Добил коллекцию новыми лицами. Современник, исправник, слуги, портные. Не так уж и мало я народа перевидал. Теперь, когда субъектов прибыло, нужна стартовая страница с содержанием и быстрым поиском. Страницу с оглавлением создал, привязать к ней другие элементы пока не получилось. Но ничего страшного, заметно, что интерфейс ко мне подстраивается все активнее. Возможности появляются, которых раньше не было. Ярлыки от видео легко протянулись ко всем участникам, а вчера рвались нити. Если бы Windows так обучаться мог. Только вчера морщился от угловатых шрифтов, как на старых советских ЭВМ. Сегодня шрифты плавнее, на современные похожи, у основного текста появились засечки. Функциональные особенности сами разложились на категории — походка, жестикуляция,

мика и голос. Надо же — и не подсказывал вовсе.

Только разорвал ладони, как снова почувствовал жар. Пришлось включать снова и смотреть, что нового. Интерфейс опять порадовал:

— *Архивариус, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 11 из 72.*

Что-то такое и ожидал, только не так быстро. Чтобы открыть новый навык первой ступени не так много и надо. Всего-то часов пять потратить. Внимательно, вдумчиво, со всей отдачей. Дизайнер наружной рекламы еще на 3 единицы добавил, растем потихоньку.

Умения, открытые самостоятельно, намного ценней, чем приобретенные через слезы. Стоимость прокачки ровно в два раза ниже. На малых уровнях не принципиально, в вот дальше ступор будет. Десть лет до следующей ступени качать или двадцать — есть разница. Значит покупать слезу есть смысл готовую, высокого уровня, а прокачивать только то, что сам открыл. Ага, магия в эту теорию не вписывается. Аристократам магию дарят. Значит это умение, которое самостоятельно не открыть. На слезы же откуда-то братья должны? Показался кончик важной мысли. Показался, подразнил и спрятался.

Что у нас дальше по программе? На завтрак дядя сказал не спускаться, так мне там делать нечего, но кухню посетить надо. Сказать повару, чтобы всякую ерунду не носили.

В голове блякнуло, правая ладонь зачесалась и дёрнулась к уху. Вот кажется понял, какая к уху ближе, ту и дергает.

Ладонь залепетала, будучи по совместительству трубкой, — Ваше благородие, Борис Антонович, простите что в самую рань. Пантелей, лекарь желает вам здравия доброго.

— Да, узнал, здравие оно не помешало бы, чего голос грустный?

— Борис Антонович, я же уезжаю, вчера говорил. Вот позвонил только вам. Расчёт не беру, прямо так на вокзал. Страшно мне, ночь не спал, все ждал...

— Ну собрался и собрался, в добрый путь. Но я бы не советовал.

— Чего не советовал, не уезжать? Даже не уговаривайте, у меня и собрано все. Подальше мне надо быть и от вас, и от всех Скотининых.

— Пантелей Егорыч, если не забыл — мы вчера отдохнули вместе, и вечер закончился не совсем обычно. Нельзя вам теперь от меня уезжать. А то так ведь и дождаться можно.

— Че-че-чего дождаться?

— А чего ты ночью ждал? Вот того же, а то и похуже. Я теперь твой лучший друг.

— Какой друг, Борис, Боря, Борис Антонович?

— Пантелей Егорыч, видел когда-нибудь как бараны пасутся?

— Э-э-э, бараны, причем тут, как?

— Вот, когда все вместе травку щиплют — чабан доволен, спокоен, сидит и на губе играет. А если бараны разбредаются, нервничает чабан. А он нервов у него аппетит разыгрывается. Глядишь — и самого резвого на шашлык.

— Мы не бараны, нет.

— А кто сказал, что бараны? Конечно нет. Но похожи, немножко, — молчание в ладони затянулось, решил чуть собеседнику помочь, — Чего ты напрягся, как девственница перед медосмотром. Не было же ничего, распакуй вещи, умойся и иди клизмы баронским сынкам ввинчивать. Ну можешь для храбрости к коньяку приложиться.

— Значит не ехать, да? Но как же.

— Сугубо твое личное решение, я свое мнение сказал — далеко не уедешь.

Молчал лекарь долго, пыхтел, сопел в ладонь, — Понял, чего уж тут уж. Борис Антонович, я чего звоню еще. У меня новость есть, только разговор не ладонный.

— Ну так приходи, я всегда гостям рад.

В голос добавились заговорщицкие нотки, — И не в усадьбе желательно.

Вот же конспиратор диванный. Договорился, загляну, как на прогулку выйду. Если что-то по ладони говорить не желательно — значит прослушивается. Ну нам не привыкать, в моем мире без прослушки даже унитаз не спустить.

Слугу с подносов выпечки отправил обратно. Спустился на кухню, прямо в разгар завтрака.

— Борис Антонович, не положено, не велено.

Поднял руку, затыкая, — Хватит, с кем могу поговорить насчет персонального меню.

Коротко рассказал дородной усатой тетке, чем и как меня нужно кормить. Сначала пытался объяснить спокойно, не повышая голоса.

— А как же, что вообще ничего не солить? И никаких специй?

— Я сказал — никакой химии. Ни соли, ни специй, ни соусов. Ничего.

— Что же это за рецепт, сначала курицу отварить, бульон вылить, отделить грудку и на ней варить суп с одной ложкой риса? Кто же такой суп есть будет?

Рассказал, что такое вторичный бульон, овощной, рисовый отвар. Для усиления доходчивости схватил за фартук и намотал на кулак. Понятно, что кухня не то место, где надо новых врагов наживать. Но по-другому сейчас никак. Объяснять пришлось раза четыре, пока она уверенно не повторила перечень разрешенных продуктов, количество и расписание.

— Да где же я отруби возьму, это же корм для ско..., — прикусила язык.

— Повтори, если увижу среди фруктов бананы, куда запишаю? Правильно они тута отлично войдут. Если увижу в своей тарелке картошку? Правильно, туда же, пропихивая бананом.

— Да кто же это пробовать согласится?

— Никого не найдешь, сама тащи. Повторяю, слуга приносит два комплекта приборов и у меня все пробует.

Без намека на сердитого барона и освободившиеся ворота не обошлось.

— Ну вот и славно, вот пузырек, набери в него растительного масла, сюда соды, и ложку сахара заверни.

Вопросы с питанием уладил. На пару недель жесткая диета — это то, что нужно. Запаса энергии и витаминов хватит. Чуть позже с особенностями организма разберусь и скорректирую, только это уже в столице.

Поднялся к себе, собираться в поход. Хоть запирай хату, хоть настезь отставляй. В привычной нише снова обосновалось око со сведенными ладонями. Привыкаю не замечать, не отвлекаться.

Вылил из пузырьков шампунь и прочую муть. Сполоснул. Тара есть, масло, вода есть. Осталось спирт раздобыть и можно на первое дело.

Услышал осторожные шаги по коридору, непривычно, на цыпочках кто-то крадется. Обычно кто подходит, чуть не пинком распахивает. Ну, и что там? Классика. Аккуратно из-под двери торчит белый уголок и удаляющиеся торопливые шаги.

Накрыл послание майкой, не прикасаясь руками, подтянул. Обычный конверт, без адреса, без подписи. Приглашение поиграть в чужую игру. Не заклеен, внутри на ощупь пара листков. Покосился в сторону Ока. Параллельно двери стоит, под таким углом точно не видит. Судя по просмотренным роликам, прямо перед собой съёмка.

Спрятал в карман, прошёл в туалет и вывалил содержимое конверта в унитаз. Для

надёжности прикрыл глаза, чтобы ненароком ничего не увидеть, смысл торопливо. Сейчас прочитать такое письмо — это ввязаться в игру по чужим правилам. Просто прочитать — уже ввязаться. Что внутри не важно, просьба о помощи, угроза, предупреждение, интрига, пусть хоть в любви признание. Пока я не знаю правил — в чужие игры не играю. Да и потом, как правила понятны станут, играть будем моими картами.

А конверт пригодится, будем ворошить муравейник. Карандаш заскрипел по белому листку. По памяти нарисовал кристалл из перстня. Вывел в центре иероглиф. Вроде похоже, картинка обычная, но чем-то зловещим потянуло. На обратной стороне вывел крупными печатными буквами — «Мы следим за тобой!», свернул пополам и запихнул в конверт. Нет, не пойдет, жестче надо. На новом листе перерисовал знак и вывел новую надпись — «Немедленно беги, все открылось».

Кандидатов для отправки хоть отбавляй, брат Петя, недобрыми глазами смотрит, брат Коля недалеко ушел, Лилия, дядя Остап. Может из мачех кто подвернется. Придумаю как подбросить незаметно, реакцию посмотрю. Попробуем и родственника за теплое вымя пощупать, и прояснить, что это за знак такой.

Первым делом заглянул к лекарю. Тарабанил минут десять, хотя слышал за дверью шорохи и скрипы.

— Выходи, Пантелей, это я Боря пришел, твой друг.

Тяжелый шкаф загрохотал внутри. Есть ли смысл бояться, тем кто может прийти, на баррикаду начхать. Дверь приоткрылась, лекарь воровато оглянулся, затащил меня внутрь. Окна завешены, мебель передвинута, на осадное положение перешел. На полу спиртовая горелка, на которой открытая разогретая банка тушенки. Во как его торкнуло.

Зашептал тихо, боясь повысить голос, — Боря, Борис Антонович, скажите, что это было вчера. Это же операция, да? Редкую слезу вам барон достал, я о таком только в книгах читал, в академии.

— Обязательно расскажу, Пантелей, как барон разрешит. Сейчас секрет, сам понимаешь, враги кругом.

— Это же хирургия была, настоящая? А уровень какой? Не меньше розы, так пальцы ловко то с инструментом.

— Сказал, всему свое время. Нельзя сейчас говорить, а то можно дождаться, того самого.

Пантелей закивал часто-часто, — Понимаю. Вот новое умение у меня открылось — «Ветеринария семейства кошачьих».

— Ого, поздравляю, да ты реально крут, не зря так корячился. Полечил котика, вот тебе и награда.

— Так я же это, я же не лечил вроде.

— Никаких это, Вечному ученику видней. Насыпали сколько?

— Чего насыпали?

— Сколько прогресс говорю?

— Так это, оно же.

— Да ладно, не чужие мы теперь, я же помогал и рядом стоял. Говори прогресс.

— Ну да, так в этом же. Четыре единички прогресс.

— Ну четыре и четыре. Разовьёшь больше. К тебе теперь народ со всей империи лечить котов потянется. Ты сам говорил — не слыхал про ветеринаров для котов. А если рекламу сделать...

— Так погодите, Борис Антонович, в том то и дело, что не просто четыре. Четыре, только ступени второй. Это значит семьдесят две за первую дали, перешло на второй, а там ещё четыре.

— Интересно.

— Понимаете, Борис Антонович? Я проверил уже. На настоящем коте проверил погладил тут одного, и из почек камни вышли.

— Откуда у тебя камни, ты лекарь, терапевт и диагност?

— А-а-а, да не у меня, у кота камни вышли.

Ладно, хватит бедного лекаря дразнить, — Пантелей, мне сейчас бежать пора. Но как сил наберёшься, моего котика ещё глянешь, теперь имеешь святую обязанность. Вечный ученик он все видит. Вот бутылочка, набери в нее спирта полную. Еще вот эту штуку, которая тушенку греет, возьму ненадолго.

Осознал новость не сразу. Просто удар ниже пояса в мою теорию. Трепаться расхотелось. Надо понять эту аномалию, причём срочно. Удачно так разоткровенничался лекарь. Видно, не осознал ещё, что приключилось. Иначе зашухарился бы и молчал в тряпочку.

У Пантелея навык открылся «Ветеринария семейства кошачьих» второй ступени, всего 76 единиц. У меня «Хирургия семейства кошачьих» первой ступени 19 единиц. Почему мне мало, ему много? Да за какие заслуги ему вообще что-то открылось? И названия навыков разные.

Думай Боря. Логика есть, система работает, значит противоречий быть не может.

Мозги закрипели. Око, вот ключ. Что Око записало? — Кот на руках у Пантелея, а я в благодарностях расплылся. Аудитория — вот что важно! Сколько людей этот ролик смотрели? Да половина конторы, которой Око служит, а может и больше. Может на Ютубе этого Вечного ученика уже миллион просмотров. А меня только Пантелей видел, само Око и возможно еще кто-то его глазами.

Вот для чего конкурсы нужны, которые по всему городу расклеены. Чем больше людей твоё достижение признает — тем плюшки выше. Так народ и качается. В самого себя умения развивать — глазки вылезут.

Ещё, милость и вся эта система — не игра ни разу. Все серьёзно. Навыки дают настоящие способности. Пантелей теперь реально котов лечит, без лекарств и знаний. Получается и я теперь котов оперировать лучше должен, чем раньше.

Поразила громом новая мысль. Ресурсы! Готовое развитое умение можно перенести в слезу Вечного ученика. Слезу можно купить, продать, украсть. Весь этот мир вращается вокруг торговли слезами. Они главная ценность. Теперь понятно, где в этом мире мастера. Ступени, уровень навыков. Слезу с умением высокого уровня выгодней продать, чем корячиться за копейки. В столицу, надо срочно в столицу. Тот, кто изобрёл милость Вечного ученика — нагнул целую планету.

Сначала на свою полянку. Прогнал весть комплекс физических упражнений, добавил растяжку конечностей. Не обошлось без падения на землю, длительного восстановления дыхания и умения шевелиться. О прогрессе пока речи нет, освоиться бы в теле и инвалидом быть перестать. Упражнения с револьвером, жонглирование яблоками, резьба по дереву.

Разминку со столбом можно усложнить, пока только толчки, но теперь вместе с кистью добавил выпады ногами. Спокойно, поочередно, удар левой ладонью, шаг левой ногой, и наоборот.

С математикой получилось чуть лучше, чем раньше. От умножения двухзначных отвертку в мозг больше никто не вворачивал. Стихи тоже пошли лучше, вспомнил почти всю программу начальной школы. Пора вспоминать латынь, сначала самое простейшее, «*Nomo homini lupus est*».

Магии уделил времени чуть больше. Вихрем управлять получалось гораздо лучше. Если не толкать воздух, не разряжать все в одну цель, крутить можно минут пять. Потом все, кончается анама. Первый раз попробовал завернуть воздушный поток вокруг себя. Интересное ощущение, находиться внутри плотного торнадо, давит ветер со всех сторон, сжимает, аж дух захватывает. Хватает всего на минуту, но уже понятно, что это временно. Дисциплина и система в любых занятиях творит чудеса.

Попробовал дыхательные упражнения, какие знал. Первое что сработало — гипервентиляция легких перед активации магии, сходу увеличила продолжительность вихря на пару минут. Процентом на тридцать, серьезное усиление. Для восстановления анамы подошел комплекс дыхательной гимнастики цигун[1], по типу восьми отрезков парчи. В нашем мире полная хрень, доказательной медициной не признанная. А здесь пятнадцать минут неспешных потягиваний с контролем дыхания, диафрагма, абдоминальный выдох — и снова одна активация магии в строю. Можно сказать занятие удалось, в следующий раз попробую пранаямы из йоги и всякие излишества типа «дыхания дракона». Снисходительно всегда относился ко всей этой шелухе, но тут магию в действии не просто своими глазами видел. Чувствую, как что-то незримое по рукам течет.

[1] Цигун — Китайская система скоординированных движений тела, дыхания и медитации, используемая для оздоровления, духовности и обучения боевым искусствам.

Явление 18

Пора делом заняться. Под соседним дубком в прошлый раз отличную грибную поляну заметил. *Amanita phalloides*, она же бледная поганка. Красавица, шляпка зеленоватая, юбочка как у балерины. Прямо загляденье. А запах! Нюхнул и шумно сглотнул слюну. Нарвал осторожно, покрошил в пустую консервную банку, залил спиртом. Очень ценное приобретение в арсенале начинающего..., пока без самоназвания обойдемся. Куча плюсов у этого яда, незаметность, великолепная летальность и хранится долго. Еще не вступает в реакции ни с чем, никакими луковичками или серебряными ложками не определить. Немаловажно, что антидота нормального к нему нет. Ну это у нас нет, тут лекари может и лечат. Один минус, правда существенный — действие долгое. От приема до смерти обычно несколько дней может пройти. Но ведь действие можно ускорить!

(Бледная поганка. Превосходный вкус — и гарантированная смерть.)

Длинное и славное у этой поганки историческое прошлое. Политических конкурентов во все времена пачками укладывали. Императора Клавдия жена угощала, драматург Еврипид вроде сам сожрал.

Следующая остановка пруд, но ловить сейчас будет не рыбу. Говорила в детстве бабушка: «Не трогать зонтичные, растущие во влажных местах. Все они в той или иной степени ядовиты». Одни из самых светлых воспоминаний детства — собирать с бабушкой лекарственные травы, сушить, перебирать, комплектовать сборы.

У самого берега еще в первый раз заметил нужные зонтики. Широка наша страна и обильна до безобразия. У каждого водоема зонтичные растут. Не каждый знает, что эти кустики не так безобидны. Обернул руки тряпками, выдернул из ила с корнем. Не то. Зонтичные у воды похожи как капли воды и почти все ядовиты, но мне нужно кое-что особое. Седьмой корень, наконец, порадовал, жирный, прямо истекающий соком. Цикута, не даром считается одним из самых опасных растений на планете. Аккуратно нарезал корень дольками в склянку с маслом.

Выбирался из пруда на четвереньках, не удержал мою тушку тонкая корка засохшей грязи. Вымазался в иле как свинья, но добычу не выпустил.

(Цикута. Послушайте бабушку Бориса — не трогайте зонтичные, растущие во влажных местах)

Болиголов тоже недалеко, мышинный запах и особый пятнистый ствол так и шепчет — сорви меня и сделай плевательную трубочку. Нужны семена, желательно незрелые, но сейчас не сезон. Часть семян отправил к бледной поганке, остальные залил водой и погасил

содой. Отличный нейротоксин, кажется, таким Сократа угостили. К кому он там навстречу отправился? В кого верил?

Теперь неспешно к Тису, тоже за семенами, в них концентрация алкалоидов максимальная. Очень ценное дерево, чем старше, тем ядовитее. Семена желательно в ступке толочь, но можно и первобытным способом. Жменю перетер между камнями, ссыпал в пустую емкость. Немного хвои и потеки смолы добавил в склянку с цикутой. В эту смолу кельты окунали наконечники стрел, что, по-моему, очень не нравилось врагам кельтов.

(Тис ягодный. Ценное дерево, чем старше, тем ядовитее)

Олеандр красиво у крыльца цветет, вообще проблем нет подойти, понюхать красивые цветы, оторвать веточку. Выдавить сок и позже можно. У нас тоже многие его для красоты высаживают. Удивляются потом, почему сил нет, и постоянно голова болит.

За олеандром успею, сейчас клещевину надо найти. Вся растительность прочая направлена на паралич сердца. Для связывания белков нужно добавить рицин, который сам по себе смертельный яд. Попадание этой дряни к букету других ядов парализует печень и полностью отключит все защитные систем. А если вспомнить как он усиливается от аматоксина бледной поганки...

Знакомую пальму разглядел за конюшней, куда пришлось добираться по колено в

навозе. Любит клещевина навоз и солнце. Собрал семена, раздавил и залил спиртом. Спирт быстро растворит касторку, можно будет отфильтровать и вылить. От моего ядадохнуть надо, а не дристать дальше, чем видишь. Оставшийся осадок — то, что надо.

(Любит клещевина навоз и солнце. И идиотов, тянущих в рот всякую гадость)
Дальше по программе аконит. Волчий корень, или мать-королева ядов. Растение

известное, синие кисти цветов так и шепчут — собери меня в букет и подари зазнобе. Цветут до октября, сейчас самый сезон. Умаялся лазать по кустам, пока нашел сильную, здоровую ботву. Куча легенд про него со всего света. И Геракл там замешан, и Тор. Не удивительно, и древние римляне им друг друга травили, и галлы, и германцы. В Непале этот яд известен, когда целое войско полегло, попив из отравленного колодца.

(Аконит. Волчий корень, или мать-королева ядов)

Острой палкой выворотил несколько клубней. Касаться руками нельзя, проникает через кожу на раз-два. Парой веточек, как китайскими палочками, убрал в консервную банку и унес подальше. Опасно находиться рядом со стеблями, корнями, пылью. Чехов описывал, как на Сахалине люди не проснулись, поев поросю, съевшего такой клубень. Аконитин — наиболее смертельный из всех существующий алкалоидов. Еще помню, голландский врач Мейер заслужил премию Дарвина, накапав на язык несколько капель, три тысячных грамма для человека уже смертельно.

Из клубней яд лучше всего вытягивать с помощью сахара. Вырезал в клубнях аккуратные воронки, наполнил сахаром, так из черной редьки домашний сироп от кашля делают. В теплом освещенном месте на пару часов — и готово дело.

С ботаникой худо-бедно закончил, хотя до полного набора еще пары вещей не хватает. В таком парке обязательно должны быть и белладонна или дурман. Вороний глаз тоже попасться должен. Большой парк, осмотрел пока процентов десять, гулять надо больше. Но это я так, с жиру. Более редкие это растения, и так полный «гербарий» собран.

Смотрел в интернете ролик, как наше ФСБ синтетическим ядом предателя Родины отравила. Смотрел и ржал в голос. Мой учитель в любой точке планеты за пару часов из местных растений такую бодягу приготовить может, что не только противоядия не найти, но еще и обнаружить не получится. Я уроки хорошо усваивал, высший пилотаж — это двухкомпонентные составы, когда каждый в отдельности безвреден, и со своим способом доставки. Теория в голове есть, но нужно время и ресурсы.

По уму все собранное хозяйство лабораторно обрабатывать надо, реактивами концентрировать. Опять же у каждого растения свои сроки настаивания и свои секреты. Рицин вообще нагревать нельзя, а из бледной поганки, наоборот, лучше выварить. Токсин бледной поганки не разлагается ни кипячением, ни жаркой, хоть неделю вари. Пока из химической лаборатории есть грязный чулан и сортир засранный, но это последнее дело — криминал в жилье тащить. Еще моя полянка, но это тем более спортивный уголок, нельзя гадить. Придется по кустам с оглядкой во все стороны.

Лекарь у меня на крючке в принципе, но его в серьезные дела привлекать нельзя. Во первый трусливый как заяц, кто бы ни надавил — сразу сдаст с потрохами. Во-вторых, глуп как пробка. Как с таким багажом у Скотининых оказался не удивительно, странно что вообще отучиться на престижную профессию смог. Обойдемся тем, что Вечный ученик послал.

Задержался у бокового входа на кухню, где слуги сновали туда-сюда, как пчелы в улье. Почти час ждал, уже собирался плюнуть и идти дальше, как разглядел нужную спину.

— Эй, холоп, сюда поди.

Слуга с косящим глазом подбежал, склонился вопросительным знаком, — Да, барин.

— Ты же Степка, да, который компас? Мне вот посоветовали, что ты что угодно достать можешь.

Ну как Степка, мужик обычный, шестьдесят плюс. Для Егора Степка-компас и мы заморачиваться не будем.

— Э, да, кто? Ваше благородие, не велите, да, чего?

— Ты же на кухню всякие коробки носишь, в курсе всех дел. Егор, родственник моего дядьки к тебе надоумил.

— Глаза у Степки и так не отличающиеся постоянством, не зря компасом прозвали, а тут забежали во все стороны, — Я чего это, какой Егор?

— Егор говорю, мой друг и брат покойного Тимофея. Пожаловался я ему, что похудеть никак не могу. Он верный рецепт подсказал. Есть, говорит, такие консервы пропащие, чтобы банки вздутые. Вот это самое верное средство. Если съесть одну банку вечером перед сном, то сразу похудеть можно. Прямо утром просыпаешься и три кило как не бывало. Вот я спросить, можешь такую волшебную консерву достать?

На лице слуги нарисовался испуг, переходящий в панический ужас, глаза начали выписывать вообще немыслимые кренделя, — Э-э-э, Егор значит? Да быть не можно. Что же это. Это же яд, не мог, не должен Егор. Нельзя, ваше благородие, такие консервы есть. Отравитесь и умрете. Все знают, в таких консервах бу-ду-изм.

Бухнулся на колени, обхватил ногу, — Помилуйте, барин, не ешьте такие консервы.

Понятно, или не наш это клиент, или актер выше среднего.

— Тьфу, пропасть. Ладно, может и перепутал Егор чего. Значит не буду. Не буду говорю. А как кухарку Варвару найти? Позови-ка сюда.

Варвара вышла вся в муке, вытирая руки о передник. Обычная повариха, белый колпак

на одно ухо сдвинут, на носу бородавка. Живая такая бабулька, румяная.

Повторил ей просьбу про похудение и консервы. Говорил уважительно, жалобно, ну очень, очень лишний вес сбросить надо.

Задумалась Варвара буквально на пару секунд, лицо посветлело, — Молодой господин, точно, точно есть такие консервы. Цельный ящик в сарае забыли, он и год простоял. Вздулись будто кто изнутри прет. Если проткнуть шипят с пеной и пахнет плохо. Но вы, ваше благородие, когда есть будете, нос закрывайте. Не простое это дело — похудения. Но я сама точно знаю — средство первейшее.

Метнулась быстро, будто все заранее было готово. Вынесла в подоле две безобразные вздутые банки.

— Спасибо Варварушка, как похудею — враз скажу барону наградить. Вот эти съем и еще приду.

— Ох, приходи, приходи, голубчик.

Весело тут слуги развлекаются. Вот, кажется, и понятно, кто Егора сдал и меня веселой едой потчевал. То, что все беды от баб — это еще Адам на своей шкуре испытал.

До обеда метался по парку, прятал склянки, что в тени, что на солнце, сок олеандра вообще в воде. Лучше бы в холодильнике, но сейчас не до жиру. Возле помойки нашел отличную дохлую крысу, распухшую, как барабан. Для извлечения нейрина[1] — лучше не придумать. В самом соку, сохнуть еще не начала, а смердит так, что на три метра не подойти. Вскрыл черепушку, наполнил плоску склизким содержимым. Трупный яд отдельно от других хранить надо. Желательно выпарить до кристаллического состояния. Воняет жутко. Его в еду добавлять смысла нет, мало того, что запах выдаст, так и нейтрализуется в желудке. В чистом виде только в кровь, только на холодное оружие, стрелы, иглы. Но мне нужен в качестве компонента, резко подавляющего иммунитет.

Пока собираем что есть, как применять — позже голова болеть будет. Все. Умаялся так, будто весь день тягал тяжелые мешки.

Кот пришел в себя, открыл здоровый глаз. Лежал молча, смотрел, казалось, заглядывает в самую душу. Удалось напоить и поправить несколько повязок. Стон плавно перешел в равномерное сопение, уснула животное.

После обеда, на который принесли жменю каши, вареную морковь и помидор, пришлось пару часов поспать. Именно пришлось, хотел прилечь минут на пятнадцать, Штирлицу же хватало. Отключился почти до вечера, не справляется тело с нагрузкой.

После сна понес кота к Тимофею. Надо быстрее расшевелить его, чтобы паранойя улеглась, а то глупостей наделает. Хотя он их в любом случае наделает, надо сделать так, чтобы меня не зацепило.

Лекарь только коснулся пациента, как мгновенно осел и охнул.

— Борис Антонович, он всю анаму высосал, все до капли.

— Ну хорошо, значит на поправку пойдет.

— Ох, а вдруг барон позовет, а я лечить и не смогу.

— Не бойсь, барона нет вроде. Если что скажешь — Борю лечил.

— Барон до конца не разрешает, вот так в ноль. Всегда запас держать надо, на случай...

А я один лекарь сейчас. А мне еще растяжки у Розы разглаживать.

Прямо накаркал, звонок, ладонь Тимофея к уху, и полились отборные маты на всю комнату. Голос дяди Пети, находящегося в крайне скверном состоянии. Заставал я такой, знаю.

Кроме матов дядюшка выплюнул одну фразу и отключился, — Тимофей, немедленно в малый обеденный зал.

— Борис Антонович, что делать-то, как же?

— Не ссы, пошли как ни в чем не бывало. Я к себе, кота уложу, а ты приказ исполнять. Никто твою анаму проверять не будет. Сделаешь вид, что полечил, и свободен как гордая птица.

(Земля. Ближнее Подмосковье. Сквер напротив закрытого психотерапевтического центра «Гранит».)

К лавочке, на которой сидит представительный бизнесмен в дорогом костюме, подходит невзрачный гражданин с абсолютно незапоминающейся внешностью)

— Руслан Аркадьевич. Это я просил личной встречи. Разрешите присесть, я не отниму много времени.

Бизнесмен благосклонно кивнул, и махнул на место рядом — Ты говорил, что кое-что знаешь. Если я пойму, что ты крутишь мне яйца...

— Отнеситесь к моим словам серьезно. Сейчас вашей проблемой занимается Федор. Мы продолжит, если вы согласитесь не вводить его в курс этого разговора.

— Ты знаешь про Федора?

— Руслан Аркадьевич, я знаю много секретов. Так совпало, что человек, известный вам как Борис, мешает не только вам. Он потревожил много хороших людей.

Бизнесмен напрягся так, что переломил дужку очков, — Черт побери, где он? Кто он?

— Он ближе, чем вы думаете. Я не зря назначил встречу в этом месте. Нужный вам персонаж здесь, через дорогу. Он пациент этой клиники.

— Ты хочешь сказать, что меня разводит простой псих? Ты ничего не попутал?

— Может он и псих, но насколько простой — пусть говорят его поступки. Возьмите флешку, здесь все данные, которые про него известны. Плюс досье, которого не существует. Даже ваш Федор не сможет достать ничего подобного.

Бизнесмен вскочил, схватил телефон и начал что-то быстро тараторить на восточном языке.

— Руслан Аркадьевич, пожалуйста, не совершайте ошибку, не торопитесь. Внимательно изучите материалы.

Бизнесмен поднял руку и сделал знак пальцами. Со всех сторон парка показались и побежали вооруженные люди в камуфляжных костюмах.

— Тебе придется поехать со мной. Видится, что этот секрет у тебя не единственный. Послушаю ка я твои секреты, может там еще что интересное найдется.

— Понимаю вашу озабоченность, Руслан Аркадьевич, но все же подготовьтесь и сделайте все чисто. Этот человек очень опасен.

Через тридцать секунд, когда бизнесмена окружила пара десятка боевиков, и каждая травинка была взята под прицел — рядом никого не было. Неизвестный посетитель просто исчез.

(Палма. Усадьба Скотининых. Комната Бориса)

Уложил коробку с котом на кровать. Лечение похоже на пользу пошло. Пациент по-прежнему не шевелился, но включилось мурчание, равномерное и громкое, как у холодильника ЗИЛ. Такое глубокое, что ножки кровати начали подрагивать. Наукой вроде не

доказано, что мурчание лечит, но не зря же котов куда не надо прикладывают.

В любимом кресле мысли потекли в нужную сторону. Милость Вечного ученика позволяет каждому управлять своими способностями. Навыки можно перенести в слезы, а слезы использовать как товар. Может от этого весь мир с жопы на голову встать? Изобретение не обычное, потряхнет человечество, ну его и так трусило не раз. Огнестрел, интернет и мобилки в свое время полностью уклад меняли. Но люди приспособились и жили дальше. С изобретением ядерной бомбы хана человечеству пророчили — и ничего.

Милость — признак очень высокой технологии. Магию пока не трогаем. Электричество, автомобили есть, но доступны только избранным. Как можно докатиться, что за малейшую провинность на ворота и гвоздями? Почему тут мрак беспросветный, что случилось?

В любой ситуации надо искать — кому выгодно. Предположим, что существует группа, которая бесконтрольно скупает самое ценное. Первое, любые уникальные умения, не доступные большинству. Высшие спортивные достижения, боевые навыки. Второе — просто умения высокого уровня. Зеленая слеза первого уровня, открывается за день-два. Прокачивается до второго максимум за неделю-две. Базовый навык, много сил не требует, значит много не стоит. Прокачать до третьего — дело нескольких лет. Это похоже на правило десяти тысяч часов. Получается умение третьей ступени — это мастер своего дела, любого дела. Должно быть ходовым товаром. Если мысль продолжить — будет следующая ступень, которую можно получить, много лет занимаясь одним и тем же. Тут настоящий талант нужен. За такими слезами охота должна вестись. Если совсем фантазию включить — и дальше ступень может быть, уровня гениев человечества, Моцарта и прочих Ньютонов. За такие слезы будут готовы убивать и умирать.

В принципе, понятен регресс человечества. Кто-то скупает все ключевые навыки. Науку двигать некому, добро пожаловать в средневековье. Чтобы людей стимулировать дальше что-то развивать, нужен пряник — здравствуй культ Вечного ученика.

Милость появилась не раньше середины двадцатого века. Ничем до этого наши миры не отличались. Робинзона Крузо видел за авторством Карла Маркса. Вся литература переписана и доведена до абсурда. Чтобы полностью переписать историю, нужно сменить четыре-пять поколений и провести очень кропотливую работу. Книги, учебники истории почитаю, что-то пойму.

Звонок дяди Пети застал врасплох. Голос рявкнул так, что будь в руке трубка — улетела бы на пол, — Боря, сраный ты остолоп. Ты во что нас втянул?

Понимаю отец оскорбляет, он глава, ему положено, но, если и этому хлыщу хитрожопому спускать, об меня даже слуги ноги вытирать начнут. Досчитал мысленно до десяти.

— Э-э-э, дядя Петя, случилось что?

— Бери свою тушу в горсть, и бегом в малый зал, нерадивый тебя задери, Дашу похитили.

Я поперхнулся, — Дядя Петя, а я что, это не я. Я, конечно, сильно обиделся, что меня в столовую не пускают, но не настолько.

— Знаю, кусок ты дебила, что не ты. Похитители тебя на переговоры требуют. Тьфу, не на переговоры, договорились уже. Требование у них, выкуп обязательно должен отнести ты.

[1] Нейрин — один из компонентов трупного яда. Разновидность амина, получающегося в результате гнилостного разложения нервных волокон, преимущественно мозга.

Приехали. Относить выкуп почему-то не хочется, вот так сразу, с первой мысли. Чуть ниже спины засвербело, подставой пахнет неприкрытой. Только кто же меня спрашивать будет? Малый зал, туда Пантелей минут пятнадцать как убежал, только пятки засверкали. Барона все еще нет, а тут такие дела творятся.

Матушка с осунувшимся лицом и красными заплаканными глазами стояла у стены, заломив руки. Здорово это у неё получается. На мой окрик подняла глаза, обвела комнату бессмысленным взглядом, и снова уткнулась в ладони. Напоили похоже чем-то. Дядя Петя как цапля вышагивал по комнате, заложив руки за спину. Все барона копирует.

Схватил меня за шкурку и усадил за стол, за которым сидел Пантелей и вздрагивал от каждого шороха. Лекарь, увидев меня, заколотился сильнее. Обеденный стол на пару десятков человек начал подпрыгивать, как во время сеанса спиритизма.

— Дядя Петя, а отец где? Все нет еще?

Дядя рыкнул и спрятал глаза, — Не будет барона. Самим все решить надо. Пантелей, соберись, вдруг кому помощь понадобится. Один из похитителей за этой дверью. Сейчас Мила в себя придет, мы спокойно все вместе войдем и выслушаем окончательные требования. Боря, потом я передам тебе шкатулку, ты внимательно запомнишь слова ублюдка и отвезешь выкуп куда он скажет. Бояться не надо, охрана тебя прикроет. Вот, Степан надежный.

Напрягает немного, что барона нет. Ему что позвонить нельзя? Сейчас понимаю, отец, конечно, тот еще засранец, но как скала надежный.

— Ничего не понимаю. Похититель тут что ли? А нельзя его в заложники взять и Дашу обратно сменить?

На меня выразительно посмотрели, как на перданувшего в момент вручения Оскара. Даже Пантелей перестал трястись. Матушка остановила рыдания и захлопала глазами.

— Боря, не прикидывайся тупей, чем ты вчера показался, — выдохнул дядя, — Я разве не сказал, что Дашу ПОХИТИЛИ. Похитили, понимаешь, дурья башка. Ее тело тут, но в ней чужой. И лучше сейчас не думать, где и в чьем теле твоя сестра. Забыл, как мы кино смотрели про похитителей душ.

Я стушевался, — Прости, дядя совсем чего-то.

Интересный поворот. Вот шанс с явлением познакомиться ближе и не спалиться.

— У нас мало времени. Артефакт затмения протянет максимум час. После этого око войти может.

С языка чуть не сорвалось — «А почему оку ничего знать нельзя. Оно же помочь может». Похоже не может, или его помощь боком выйдет. Думаем Боря, всегда сначала думаем, потом говорим.

— Ну что, все готовы? Поехали.

Пантелей повел матушку, поддерживая под руки, но такой походкой, что самому помощь бы не помешала. Дядя зыркнул на меня и толкнул дверь.

Даша сидела на диване заложив ногу за ногу, при виде гостей оживилась, растопырила руки, — Привет семья, мамаша, манной каши ещё тащи. Всю жизнь мечтал манной каши поесть. Хотя стой, повернись. У сиськи какие, а в них молочка нет? Да не дергайся, потрогаю и пушу. Жаль не узнаю, вырастут у меня такие или нет. А может остаться? Тогда

точно узнаю, сколько тут, лет десять пождать. А если пораньше начать их шупать давать, может и быстрее вырастут.

Вроде та же девчонка, но уже не та. Дерганые движения стали экономными, плавными, как у хищника. Взгляд, голос, все неуловимо поменялось. Детская непосредственность сгинула в неизвестном направлении. Вызывающий цинизм на грани открытого хамства.

— Короче так терпила, — с вас миллион рублей и десять рубиновых слез. С нас бережное обращение и своевременный возврат, в целости, — глядя на вытянувшееся дядино лицо, похититель ослабился, — Ха-ха, шучу я так, не нужен мне миллион. Ты Петя за главного? Челюсть подбери, тащи свою задницу в хранилище, или где там у вас запасы, четыре розовые тащи. Что же мы беспредельщики какие, мы старый кодекс чтим. Один обмен — не больше пяти розы. Прикинь нашу доброту, не пять возьмем, а всего четыре. Даже можешь одну мелочью разбить. Время пошло, я же могу и терпение потерять.

— Ты, скотина жирная, садись сказку мне читать, тебе еще работа предстоит.

На скотину мне обижаться вроде не положено, фамилия такая. На жирного чуть обидно, но слов то из песни не выкинешь.

— Петя, ты еще тут? Напомнить, где сейчас ваша девчонка? Врубай фантазию. Правильно, малютка в теле мужика, отвратительного, грязного. В окружении таких же негодяев, которым совершенно нечего терять. Знаешь, что опытный птомант с ее психикой сделает? Ну вот зачем вам мычащая девчонка, гадящая под себя?

Смотреть на матерого мужика в теле ребенка было непривычно и дико. Таже девчонка, что вчера дергала за уши и щебетала про башни, сегодня матерится как санитар неотложки. Не отброс, каким хочет показаться, точно. Предложения правильно строит. На эмоции разводит умело и продуманно. Не дает ни секунды помыслить трезво, вон дядя поплыл. Действует четко по плану, и еще, улыбка мне его не нравится.

Я торопливо раскрыл книгу, палец ткнулся в знакомую строчку, начал читать:

...

Мальчик-калека рано испытал горечь, издевательство сверстников, но рос разумным и прилежным. Сквозь боль и слезы, несмотря на увечье, освоил несколько инструментов и старался во всем помогать отцу. Когда же исполнилось ему двенадцать лет, он покинул дом, прибил к группе бродячих гитан и ушел на восток.

В книгах не пишут, где и как сын плотника провел долгие годы, где он скитался и какие лишения испытал. Спустя время мальчик вернулся с целыми серебряными руками, и вновь открыл мастерскую престарелого отца. Снова в окошках загорелся свет, застучали топоры, полился запах лака. Оказалось, что молодой умелец достиг небывалого мастерства. Он начал выполнять работу так, что слухи о великом мастере разошлись во все стороны света.

Мастер взял двенадцать прилежных учеников терпеливо открывал им тайны ремесла. Имя мастера-плотника не сохранилось, но сам он запретил называть себя мастером, ибо путь познания бесконечен. Он завещал называть себя «Вечный ученик» ...

Дядя вернулся быстро, ужом проскользнул в приоткрытую дверь, протянул коробку трясущимися руками. Даша водрузила трофей на колени, с удовольствием зарылась в содержимом, — Жирный, а ну не косись, это не тебе, читать продолжай.

Все ученики были прилежными и несмотря на мозоли и розги усердно учились, помогали мастеру и старались его не огорчать.

Но даже в самом послушном стаде может завестись паршивая овца. Один ученик был ленивый, завистливый и жадный. Он не хотел учиться, завидовал богатству и славе мастера, успехам других учеников. Однажды мастер не выдержал, поколотил его палкой и выгнал, бросив в стину прозвище, приставшее навсегда — «Нерадивый» ...

— Хватит гнусавить. Завязывай, пухлый, достала меня эта история. Держи коробку, запоминай, куда везти.

— Э-э-то, а может не я? Чего я то. Я это.

— Ты, пухлый, только ты. Вот так мне захотелось. Привезешь коробку на место, и бегом назад. На обмен тебе знак дадут, не потеряй по дороге. Увижу знак — и будет вам девочка. Запоминай жирная скотина адрес.

Запросили четыре слезы, хотя по неведомому кодексу можно было бы и пять. Зачем слезу законную терять? Барона нет. Вот прямо сейчас нет. Почему выкуп именно я доставить должен? Ему захотелось. По отдельности дурные вопросы, все вместе что?

Я заблеял жалобно, — Ой, дядя, изв-в-вини, мне это, в туалет надо.

— Что жирный, усрался? Ну-ну.

Дядя испуганно оглянулся на Дашу, прошипел, — У тебя пять минут. Пантелей проводи, Степан, пригляди.

Раз улыбка. Два взгляд. Три... подери нерадивый, третьего якоря нет.

Вышли в боковой коридор. Не стесняясь лекаря сразу набрал кандидата в новые дядьки.

— Егор, что ты знаешь про похищение людей с обменом телами.

Голос зазвучал четко, по-строевому, — Много чего знаю. Было дело, посмотрелся. К чему вопрос? Опасная это тема.

Удивительный человек. Войну, увечье прошел, как же он меня напоминает, прежнего.

— Насрать на опасность, у меня сестру похитили, надо знать, чего ожидать.

— Ну первое, сразу в инквизорий звонить. Договариваться с последователями Нерадивого запрещено. Можно и не звонить отдельно, соедини ладони. Достаточно милость явить и вслух сказать «след Нерадивого».

Во как. Быстрое 911 есть.

— Егор, это барона проблемы. Меня другое интересует, как вообще обмен происходит, что для этого надо?

— Ну видел пару раз, ладно. Два живых человека и птомант нужен сильный, не слабее третьей ступени. Но это теоретически. По факту четвёрки за такое берутся, слишком много всего не плану может пойти. Сила нужна, два сознания из тел выдернуть и местами поменять. Опять согласия обоих обязательно.

— Ух ты. Согласие? А как же...

— Просто. Один из похитителей, загонщиком зовется. Специально приемы психические знает, как уговорить дать согласие. Такие умельцы хитрые — мать родную продать уболтают.

Птомант, птомант. Почему-то сразу в голове всплыла фигура с площади, успокаивающая мертвеца, и Современник, будь он неладен. Со смертью связано и с перемещениями сознания. Сила нужна. Разновидность магии, понятно. Ага, еще эти птоманты всякую дрянь варят. С мертвяками воюют, ими же управляют. Сознание переносят и кости в их ведении. На некромантию фентезийную смахивает.

— Птомант сам вселяется?

— Редко. Опытный птомант своё тело кому попало не доверит. Их для этого дела через

контору специальную нанимают. Храм Нерадивого. Организация страшная...

— Потом. Что за кодекс, слышал у этих последователей, старый?

Голос в ладони заметно поменялся, почти на визг перешел, — Есть у ублюдков этих соглашения, чтобы не полный беспредел выходил. Два раза в один год одну семью не трогать, дважды одного человека не похищать. И пять розовых звезд максимальный выкуп. Одна птоманту идет, одна в храм, который значит крыша. Еще одна кому вселяется, он же больше рискует, и загонщику — кто жертву переместиться уболтал. А последнюю разменивают участникам помельче. Ну там кто выкуп принять должен, поддержке и прочим.

Про размен больше бы услышать, курс обмена о многом скажет. Не забыть бы аккуратно спросить.

— А назад как? Как возврат происходит?

— Назад просто пожелать вернуться надо, но только обоим сразу. Лет сто назад такие похищения просто бич аристократии были. Недели не проходило, чтобы кто-то выкуп не собирал. Потом разобрались потихоньку, даже службу специальную организовали.

Ага, инквизорий, понятно. Разрослась похоже служба из простого антитеррора. Дополнительные функции на себя взяла и нагибает теперь всех, до кого дотянется.

— Вот еще, Боря, птомант должен в источнике Злого ветра стоять. В алтаре, или вообще в храме Вечного ученика. Или еще во время всплеска. Бывает пару раз в год, когда еще в газетах рекомендуют по домам сидеть и друг за другом приглядывать. Да чего говорить, пару дней назад же было.

— Ну да, ну да.

Во, явление новое нарисовалось. Припоминаю одно интересное событие, как раз пару дней назад. Слишком хорошо Егор процесс знает, не удивлюсь, если и сам участвовал, а не просто пару раз видел. Хотя не участвовал, нет. Скорее освобождал. Зуб у него на этот храм.

— А источников ну алтарей этих много в городе?

— Сотня точно будет, да ближайший у вас во внутреннем дворе. Сестру то какую? У тебя их десяток поди.

— У меня только одна сестра, Даша, шесть лет.

— Это мелкая егоза, которая на кухне и в саду крутится? Славная девчонка, видел, Марину мне напомнила. Прости Боря, могу помочь чем?

— Только информацией. Говоришь раньше часто такое? А как инквизоры с этой ситуацией справились? Придумали что?

— Да, придумали, скажешь. Развоплощают в первую секунду. Убивают похитителя на месте, захваченное тело в слюнявого идиота превращается. Только так волну этих похищений остановили. Как с ними разговаривать перестали, так и пошло на убыль. Аристократы смирились, что похищенный никогда не вернется, его же тоже на той стороне убивают, из мести. Теперь такое прямо редкость. Вообще пару лет не слышал, что захватили кого. Удивительно, что кто-то решился.

Печально, но, по сути, решение верное. Как вести переговоры с террористами знаю, проходил не раз. Люди, смотрящие на мир с позиции силы, любые попытки договориться принимают за слабость.

— А до того, как всех обязали в инквизорий обращаться, справлялись как-то сами, нет?

— Очень сложно. Похитителю захотеть вернуться надо. Если быстро распознать, кто похитил, бывало, успевали его семью найти и в заложники взять. Кто побогаче — сами в храм пять розовых звезд носили, чтобы им по кодексу фиктивное похищение устроили. Еще

пытать можно, но это точно не твой случай.

— Уговорить может?

— Уговорить, смеёшься? Похитители тел такие не просто бандиты с улицы. Это организация, целая индустрия. И обучение у них есть, и правила. Профессионал сам кого угодно уговорит. Только болью или страхом, но не будешь же маленькую девочку пытаться. Чтобы такую тварь сломить надо все кости переломать. Попробуй ей хоть ноготок сломай, барон тебе такое сломает.

— Ладно, картина ясная, отбой.

Почему слезы сказал четыре? Без птоманта никак, может без храма проворачивают? Или загонщик свою работу сделал и концы в воду. Рядом с девочкой чужого бы никого не пустили, может труп служанки какой всплывет? Или похитителю сама награда не нужна? Не о том думаю. Не важно, почему четыре, вообще тут слезы не при чем. Почему дядя инквизорий не вызвал понятно — Даша не просто ребенок, она гений нашего рода. Нет тут никого и близко, кто так умения набирает. Барон пропал вовремя, а этому значит так захотелось.

— Пантелей, ты зубы лечишь?

— Что? Какие зубы? Ты, что Боря. Борис Антонович, вы о чем?

— Я не повторяю дважды.

Лекарь вздрогнул, шуганулся тяжелого взгляда, — Нет, только боль унять могу. Фома может, но нет его, дай Вечный ученик, к весне приедет. Погоди, зубных полно в городе.

— Слушай, у меня никогда не болели, а вот сейчас заболел, делать что?

— Не, боль унять могу, ненадолго, а так в центр ехать надо. Только сейчас это дело же.

Я перебил, — Слушай, а это не больно?

— Ну как сказать, если второй ступени фельдшер, бывает больно. Третьей уже терпеть можно. А выше — да выше дорого будет. Выше третьей у нас в городе и нет никого.

— Понятно, скажи, Дашу усыпить сможешь? Как кота. Ненадолго, минут на десять-пятнадцать.

— Ну смогу, но зачем?

— Что для этого нужно, и сколько займет времени?

— Коснуться надо открытого участка шеи, лица. Секунд пять воздействие, но она шевелиться совсем не должна. Полный покой.

Может же когда надо, отвечать четко и по существу.

— Годится, покой обеспечим, — перевел взгляд на бородатого охранника, — Степан, за дверью кухня. Бегом найди чем ножи точат, идеально — маленький напильник. У тебя десять минут.

Картина ясная, как полотно Шишкина. Враг хитрый, беспринципный. Хорошо подготовленный и абсолютно уверен в полной безнаказанности. Абсолютно! А значит расслаблен и беспечен.

Даша встретила на том же диване, широко разведя ноги в стороны. Мерзкая картина. Матушка валялась в углу в глубоком обмороке. Дядя Петя стоял со стеклянными глазами, покачивался, по виду к обмороку был тоже близок.

— Давно хотел узнать, как девчонки таки трусы носят, это же неудобно, резинка натирает.

Внутри полыхнуло. Стиснул зубы до треска эмали, спокойно Боря, не поддаемся и ни в коем случае не теряем голову.

— Держи скотина рюкзак и внимательно слушай, повторять не буду...

Перехватил Даше шею, пережал сонную артерию, у детей она чуть выше, девочка дернулась, недоумение, обида и шок. Глаза заволокло поволокой, обмякла и повисла куклой.

— Пантелей, твой выход. Усыпляй немедленно.

Дядя Петя, трясущийся как шахтер, отработавший три смены, живо задергался с новой амплитудой, схватился за голову, — Борис, подери Нерадивый, ты что творишь? Ты что удумал, с ума сошел? Ты знаешь на кону что?

А потом дядя взглянул в глаза, в те самые, заплывшие жиром пороссячи глазки, в которые смотрел не раз. Это были другие глаза, полные непреклонной решимости и ледяного спокойствия.

Пантелей подошел бледный как полотно, закусил губу, обхватил Даше голову, — Не-не-не вы-выходит, ру-ру-ки трусятся.

— Соберись тряпка. Дядя, если хватило смелости скрыться от ока, собирай яйца в кулак. Идем до конца. Уведи матушку и ради Вечного ученика не мешай.

— Чего? Ополумел?

Взглядом додавил родственника, — Я знаю, что делаю.

Лекарь похоже смог собраться, заблеял тем самым голосом из первого дня, — Готово, минут пятнадцать спать будет. Толкнул дядю, выводя из ступора, — Уведи матушку. Следи за артефактом своим и никого не пускай. Пантелей, вдвоем ее волоките. Дверь закройте, запустить только Степана.

Степан зашел робко, протягивая оселок и небольшой трехгранный напильник. То, что надо. Скинул штаны, оставшись в безразмерных семейниках.

— Помогай, скатерть и одежду на полу режь на полоски. Да, и свою тоже.

По очереди, резали, рвали ткань на куски. Обматывали девочке руки, ноги, привязали к стулу и спеленали как мумию. Успели вовремя. В себя Даша пришла резко, открыла глаза и полился отборный мат.

— Да ты совсем охренел, ублюдок жирный. Да ты знаешь, что с твоей сестрой будет? Как только развяжешь, я выйду во двор и на оглоблю сяду.

— Степан, уходи. Сам я дальше.

— Барин, позвольте остаться. Я понимаю..., что сейчас будет.

— Тогда Пантелея выведи, не будет с него толка. Стой у двери, что бы ни происходило, сюда никто не должен войти.

Слуга сухо кивнул, — Не подведу, барин.

— Сюда смотри, жирный кусок дерьма. Не смей меня игнорировать.

Аккуратно нащупал нужные точки под скуловой дугой, отщелкнул нижнюю челюсть из сустава. Вставил в углы рта обломки своего револьвера, не закроешь теперь рот. Взял в руки напильник и погрузился в работу. Девочка шипела, плевалась, но все конечности мы спеленали на совесть. Мычала, наконец, начала завывать и визжать. Времени мало, такие вопли обязательно кого-нибудь привлекут. Ускорился, извлекая скрежет, от которого Степан бледнел как моя поганка, но дверную ручку не выпустил.

Последние внятные слова, которые выдал похититель, обрадовали: «Да что с тобой не так, мы хотели просто поговорить».

Чего-то такого ожидал, узнал я кучера по отдельным жестам, фразам. Того самого, за которым всегда должно оставаться последнее слово.

...

Вышли мы с Дашей держась за руки. Сестра двигалась вприпрыжку, жизнерадостно, хотя одной рукой щупала лицо и лезла в рот. Говорила девочка так шепеляво, что разобрать было почти невозможно:

— Ой, мама, а мы с Борей в новую игру играли, в мумию. Знаешь такая бывает мумия в древней Чукотке, где пирамиды. Я была мумия, а Боря фарамон, вот. А потом мы другую игру придумали — в акулу. Я акула, а Боря кит. Вот, посмотри, какие у меня острые зубки. Акула такими зубами может даже зебру съесть или мартышку. А кит он еще больше акулы, но от мартышек не ест, он травку щиплет.

— Даша, это ты, моя девочка, жива? Точно ты? Боря как же.

(Мама, а я теперь как акула, зебру могу съесть или мартышку)

Подтолкнул девочку в объятия, — Все хорошо. Мам, уведи сестру, все кончилось, идите к себе.

Дядя поднял голову с рук. Перевел бессмысленный взгляд на коробку со слезами, которую я ему сунул под нос.

— Ты что сделал?

Нехотя пояснил, — Когда я читал книгу, заметил его улыбку. Когда смеется — рот прикрывает рукой. Кривая улыбка, натянутая. Сделал предположение, что у похитителя плохие зубы, и вывод — он боится зубной боли.

Про то, что заподозрил кучера с гнилыми зубами лучше молчать.

— Ты о Даше подумал?

— Кроме Даше я ни о ком не думал. Даше шесть лет, у нее все зубы молочные. То, что сделал — неприятно, но не смертельно. Пришлось напильником сточить почти все, пока он добровольно уйти не согласился. Везите к дантисту нормальному, пусть поправит, где края острые. Так губы, язык порежет. Ага, еще неделю давайте ей только мягкую пищу и не разрешайте широко открывать рот.

— А если бы...

Я перебил родственника, — Еще дядя, скажи честно, сколько в казне розовых звезд?

Петр завис, видно размышляя, можно ли выдавать важнейшие секреты.

— Дядя, могу поспорить на сегодняшний обед, что их ровно четыре.

— Четыре, ну да, откуда? Ты думаешь? Стоп, я понял!

Надо скорее уходить пока он еще что-нибудь не понял, и от кухни подальше. Запахи не просто сбивают с ног, мыслить нормально не дают. Поплелся к себе, держась за стенку. Через пару шагов догнал Степан, подхватил под руку.

— Борис Антонович.

— Все потом. Помоги дойти до комнаты.

У двери слуга бухнулся в ноги, — Ваше благородие, простите.

Я уперся двумя руками в стену, — Степан, прощаю.

— Ваше благородие. Я же думал. Плохо думал, про вас, про. Честь рода. Скотинины. Я же жизнь готов, а вы. А теперь, вы. Простите. Это было. Жизнь положу.

— Степан, встань, сказал — прощаю, но не прощаюсь.

Проспал снова пару часов. Во сне задыхался, душили кошмары. Проснулся от постороннего шума. Кот выбрался из коробки, подполз, перебирая передними лапами. Добрался прямо к лицу и начал вылизывать мне нос и глаза. Блин, наверное, он пить хочет. Подгреб тушку к себе и вырубился еще на час.

На ужин мгновенно съел миску тертых овощей с отрубями. Повариха принесла лично, попробовала, скривилась, но не издала не звука. Решил себя чуть побаловать, разрешил принести скибку арбуза. Только поднес мякоть ко рту, растворилась на языке вместе с коркой. Не переживай Боря, не отберу. Заслужил.

Оставил коту плошку молока и вышел на закате, закончить с ядом. Смеркается. Метался по парку, собирая свои ингредиенты, торопился, выпаривал в кустах и смешивал, фильтровал и заваривал. Сделал три версии. Для приема внутрь, для холодного оружия и для, так сказать, наружного применения. С последним повозиться пришлось, для хорошего проникновения через кожу нужна правильно подобранная щелочная среда. Чтобы и барьеры защитные преодолеть, и раньше времени жжение не вызвать. За хорошей золой не зря на помойке ползал.

Уже в полной темноте двинулся к пруду, прятать следы ботанических опытов. Увязал вместе обрывки тряпок, и руки же обертывал, и маски для дыхания делал. Слякоти и все остальное, чего касался, каждую соринку собрал. Извини Пантелей, но примус твой — это тоже улика.

Аккуратно прикидывал, что, как и на ком опробовать можно. Шел особо не таясь, шумел в кустах как лось, нет у Бори черного пояса по скрытым перемещениям. Как посторонние звуки заметил первым? — Просто повезло.

Неполная луна высветила Варвару, волокущую тяжелый ящик. Популярное место этот пруд. Похоже много секретов Скотининых упокоил. Старуха пыхла почти как я, взбирающийся по лестнице. Подтянула ношу к небольшому выступу, нависающему над мутной жижей. Бульк. Не иначе весь запас протухших консерв отправился в последний путь.

Прислушался к себе. Эта женщина враг, причем не простой исполнитель. Яркая у нее такая радость от выдачи деликатеса была, под принуждением так не работают. Где-то я ей дорогу перешел. С другой стороны, Марину она же затравила, а может и еще кого. Интерес спортивный, как у посудомойки Иванютиной из школьной столовой времен СССР[1]? Или зуб у нее на весь род Скотининых?

Плохо. Третий день в новом мире, а уже на душегубство тянет. Убивать приходилось, частно, много. Это на первый взгляд врач — профессия мирная. Не бывает на войне мирных профессий. И с автоматом раненых отбивал, и в составе диверсионной группы ходил. А что было, когда в джунгли забросили, организовать партизанский отряд и развернуть полевой госпиталь — вспоминать вообще не хочется.

Нерадивый задери, Даша! Через несколько лет ей отец подарит магическую слезу. Все остальное не важно, этот человек сегодня умрет.

Насколько смог бесшумно отошел на десяток шагов. Нашел место, где след от ящика изгибается вокруг густого куста. Встал аккуратно, перехватил нож тремя пальцами. Использовал днем активно, резал всякую дрянь, но проверял, затупиться еще не успел.

Пошла женщина назад скорым шагом, почти побежала с гордо поднятой головой.

Понятно же сделано дело. В нужный момент аккуратно качнулся, ткнул в горло и провернул кисть. Один точный взмах, вскрыл сонную артерию с проколом трахеи и перехватил блуждающий нерв. Угол правильно выбрал, ни одной капли в мою сторону не брызнуло. Старуха едва слышно хрипнула, прижимая ладони, и грузно осела. В фильмах вскрытое горло ладошкой зажимают и бегают. Здесь основной поток крови направлен в трахею, мгновенно наполнит легкие. Пересечение блуждающего нерва в этом месте приводит к мгновенному параличу голосовых связок.

Ждал минут пять, сначала пока утихнет агония, потом луну, скользнувшую за тучу. Неправильно ты Боря новую жизнь в новом мире начал. Вот даже ночное светило против. Что с телом делать? В идеале надо оставить как есть, только от ножа избавиться надежно. После тела и ящик быстро найдут, но от него ко мне следа нет. Плохо, что днем натоптал на берегу, как стадо свиней. Можно в пруд попробовать, но идея не ахти. Вымажусь в крови, в грязи, следов еще больше оставлю.

Тревогу почувствовал за секунду, до того, как услышал жиденькие хлопки. Дернулся, озираясь по сторонам. Увлёкся, растерялся. Боря, как можно работать, не проверив периметр, не подготовив пути отхода?

Зазвучал знакомый голос, — Молодец, Боря, всю работу за меня сделал. Не поверишь, достала меня эта карга, мочи нет. Услышал Вечный ученик мою молитву и тебя на помощь прислал.

На поляну вышел дядя Остап, блестя лысиной в лунном свете. Деловито осмотрел тело, потыкал носком сапога, не переставая хлопать в ладоши.

— Хороший удар, чистый. Чем ты ее? — покосился на мою руку, — Ножиком? Перочинным? Ловко. А помнишь, я тебе этот ножик дарил. Да, конечно, не помнишь, — хрипло засмеялся, — Или вовсе не Боря ты? Да мне насрать, будь ты хоть сам нерадивый.

Я аккуратно сделал подшаг в сторону. Дядя обернулся, протянул руку с зажатым предметом, похожим на резиновую клизму. Острый носик уставился в лицо, горло будто схватили стальные тиски.

— Не шали, Боря, нож брось и не дергайся.

Рука сама разжалась, выпуская оружие. Ноги подкосились, бухнулся на колени, оставив в земле солидные вмятины.

— Не торопись, племянничек. Сам встанешь, или помочь?

Нечеловеческая сила потянула голову вверх. Не хочешь без верхней части остаться — живо на ноги вздернешься. Бессильно заскрипел зубами, выгибая шею.

— Не нервничай, Боря, и не дергайся, раздраженным помрешь и уставшим. Что же с тобой такого сделать? Придавить так, чтобы не мучался? Нет, дорогой, у меня для тебя сюрприз. Живо ящик из воды тащи.

Ящик видел, значит давно наблюдает. За теткой следил или за мной? Не мог я такое наблюдение не заметить. Любой направленный взгляд для меня — как наждачкой по пенопласту. Хотя это в прошлой жизни было. Толстокожий ты Боря, как... свинья.

Дядя повел рукой с неизвестным артефактом в сторону пруда. Голова двинулась сама, остальное тело за ней невольно. Эффективная дрянь, на расстоянии держит. Шея как в ухвате для чугунных горшков. Если бы сразу нож скрыл, может быть метнуть удалось. Маловероятно, метание не тренировал вовсе. Упущение.

Ноги сами дошли к воде и зачавкали в иле. Чужая сила наклонила голову к вонючей воде. Артефакт ослабил действие, шею не отпустило, но руки вроде начали двигаться.

— Тащи на берег ящик, племянничек. Сказал, тебя сюрприз ждет.

Чтобы нащупать нужный предмет пару раз пришлось нырнуть, собирая на уши ряску. Вцепился в край, дернул, сорвал ногти. Не пруд, а молодое болото расставалось с добычей неохотно. Потянул еще раз. Еще раз сорвался, поднимая мутную волну и пугая притихших лягушек.

Возился в грязи, кряхтел, делал вид что не удастся ни нормально зацепить, ни удержать. Голова лихорадочно пыталась перебирать варианты спасения. Тело полностью сковано артефактом. Должна же у него батарейка быть. На сколько заряда хватит? Еще мысль — инквизоров вызвать. Соединить ладони и сказать про след нерадивого. За ложный вызов, предполагаю, быстрая смерть. Иначе от телефонных хулиганов отбоя не будет. Про похищение сказать? И Дашу и дядю Петю подставляю.

Дядя пытался управлять моими руками, но больше мешал. Смотрел, смотрел, как я в очередной раз приподнял край и сполз в болото, и потерял терпение.

— Давай сюда край, жирдяй рукожопый.

Попытался дотянуться с берега. Не получилось, наступил в жижу, вытягивая руку. Я навалился, толкая изо всех сил. По-настоящему толкнул, с чувством. Дядя охнул, подался назад, выдергивая добычу на берег. Выпрыгнул и запрыгал на одной ноге, полились непечатные выражения.

— Ох чтоб тебя. Достань сапог и выходи. Ты, конечно, в грязи образцово смотришься, но пора с тобой заканчивать.

Я сунул в чужую пленную обувь руку, пощупал. Ага, стелька тканевая, сгодится. На секунду загородил берег спиной, вылил внутрь пузырек с контактным ядом.

Выходить не хотелось, но ноги начали вскидываться сами, на манер кремлевской охраны. Пару раз падал, поднимался с чавкающим звуком. Вышел на берег в обнимку с сапогом. Согнулся, протянул:

— Вот, дядя, возьмите.

— Кидай, не подходи близко. Видел, как ты с ножом резво, ни к чему мне сюрпризы.

Обулся, довольно притопнул, не сводя с меня ни глаз, и не отводя загадочное орудие.

— Чего притих, разжалобить меня решил? — в руке дяди мелькнула пробирка со светящимся содержимым, — Еще не понял, для чего ты консервы достал?

Просипеть я смог только одно, — Чтоб ты утомился.

— Не ругайся Боря, не поможет. Сейчас мы раскроем несколько банок, польем их вкусной приправой, и ты, Боря, сожрешь их с таким наслаждением, будто не ел в жизни ничего вкуснее.

Бля, кажется, план понятен. Это же та дрянь, которой меня годами жрать заставляли. Аперитив нерадивого. Превышение дозы видел, не сомневаюсь, что сожру вместе с банками и добавки попрошу.

Дядя сделал несколько шагов в сторону. — Вставай племянничек, поднимай свой нож, и пора открывать вкуснятину.

Голову потянуло вверх. Извернулся, уперся ногами в ящик, резко распрямил, выпуская последние силы. Ящик подпрыгнул и снова улетел в воду. Хорошо пошел, с удачным рычагом почти на середину пруда.

— Ну почему ты Боря красиво сдохнуть не хочешь? — застонал дядя, разочаровано, — Конец тебе, понимаешь? В любом случае конец.

Я попытался вставить фразу в середине монолога, — Дядя, а ты не в курсе, где барон?

Надо как-то отвлечь, хоть на секунду, говорить начать.

Вопрос родственник проигнорил, будто не услышал, — Чего бы тебя другого жрать заставить? Может тины болотной? Или увести на середине и утопить?

— Дядя, а ты не в курсе, для чего исправник приезжал?

— А может согнуть тебя, чтобы сам себе яйца откусил.

Шею потянуло вниз, нос уткнулся между собственных сисек, и лицо скрылось в валиках жира, позвонки затрещали.

— Дядя, тебя птомант сдал, который аперитив нерадивого изготовил.

На слова мои дядя не реагировал никак, точно слышал только себя, — Ха, придумал, ты дерьмо свое жрать будешь. Сейчас я из тебя дерьмо выдавлю, и сожрать заставлю.

Шею отпустило, но все тело обхватили невидимые железные обручи, сжались, выдавливая остатки воздуха. Живот начало мять, как ком сырой глины.

— Знаешь Боря, что у дерьма вкус разный. Если оно у тебя жидкое — будет горчить от желчи. Если твердое — как будто мать природа в твою ладонь положила капельку счастья, сладкое, сочное, с пикантной горчинкой. А лучшее дерьмо, будто дикий трюфельный гриб, у...

Ага, попробуй из меня что-то выдавить, я не жрал ничего два дня. Стоп, а откуда у него такие познания глубокие? Еще и с литературными метафорами! Посмотрел на родственника другими глазами, с некоторым уважением.

— Дядя, слово говно происходит от слова говядина.

Опять ничего не слышит, ничем не цепляется.

— Игрался же в свои башенки и семью за столом веселил. Уехал бы в столицу и сдох там, во славу рода Скотининых. Так нет же, ты, крысеныш, на святое, слышишь, на святое покусился.

Не выдержал, подскочил, ударом под колени свалил меня на землю. Начал пинать в ребра, — Ты тварь, Игоря подставил.

Ну это сказано, что под ребра. До ребер такому худосочному типу никогда не достать. Хорошая защита на ребрах, просто бронежилет высшей защиты. Видно, что не боец, а мужичонка обычный. Да, в тонусе, пытается форму держать. Но чтобы такую тушу запинать — недостаточно на тренажеры раз в неделю.

А ведь правильной ногой пинает. Той самой. Хоть что-то радует, активнее стимулировать надо. Не может быть, чтобы действовать не начало. Тамерлану, припоминая летопись, тубетейку аконитом намочили[2], там в жутких корчах загнулся. А тут такой букет. С другой стороны полевых испытаний не было, через кожу это не в кровь напрямую. От тридцати минут до часа может пройти, прежде чем проявятся первые симптомы. Да и проявятся ли вообще? Все-таки другой мир, содержание алкалоидов никто не мерял. Надо было колючку какую закинуть, чтоб ногу наколол.

— Мой мальчик в себя так и не пришел. Тело полечили, а разум, разум не вернулся. Слышишь, гаденыш жирный. Мой сын хрюкает теперь, как свинья. Это ты, ты должен был в корыто уткнуться.

Вот чего он как с цепи сорвался, и не в себе. Игорю вчерашний ужин на пользу не пошел. Вот как можно любить своего сына и одновременно ненавидеть всех окружающих? Или только меня? Может я ему в детстве в тапки нассал?

— А может не нужно было детей барона травить? Глядишь и Игорь целее был. Дядя, разрешение конфликта — это же возможность для личностного роста. Между нами возникла

стена непонимания, но в любой стене...

Я что это вслух сказал? Родственник оставил в покое ребра, начал пинать по голове, стараясь сделать больнее. Вновь схватил свою грушу. Рукой мотыляй аккуратнее, голова оторвется.

— Придумал, придумал, гаденыш. Ты паскуда к Злому ветру пойдешь. Не захотел консервы жрать — посмотрю какая мерзость из тебя выйдет.

Смутно помню, как выбирались из парка. Я переставлял ноги, как кукла. Дядя шел сзади, сердито сопел. Ни разу на расстояние не приблизился, ни схватить, ни просто дотянуться. В один момент стояли среди деревьев, пропускали шумную компанию, оравшую романс. Попробовал крикнуть, но удалось только промычать, не открывая рта.

Сознание начало уплывать под деревянные шаги. Раз, два. Раз, два. В себя пришел во внутреннем дворике, в который никак попасть не получалось.

Площадка метров двадцать в диаметре, ровной черной плиткой выложена. Луна сюда не добивала, но света достаточно. Внутренний двор освещался громадными ладонями, которые просто висели в воздухе. Медленно вращались вокруг невидимой оси. По центру площадки зияла черная дыра, прямо как в деревенском сортире. Лучше бы из этой дыры воняло говном. Потому что из нее веяло угрозой. Не веяло, а просто несло. Смертельной, древней, неотвратимой, как от тикающего часового механизма. Что там внутри выяснять не хотелось от слова совсем.

— Дождался гаденыш, ну теперь посмотрю, посмотрю. Я еще и запись сделаю. Вылечу Игорька, вылечу. И будем мы с ним вместе пересматривать.

Голову неостановимо поволокло к центру. Ноги, наконец, отказали совсем, оказался носом на камне с жуткой болью вывернутой шеи. Пополз вперед как гусеница, отталкиваясь локтями. Обувь потерял еще в лесу. Вгонял пальцы ног между плиток, на секунды отсрочивая неизбежное. Носом, зубами. Лицом по земле, как по наждачной бумаге, часть шкуры точно на этот шершавом камне оставил. А камень знакомый, не просто плитка, из того же материала, что и милость на ладонях.

Дядя попытался свести свои руки вместе, но тогда действие артефакта слабело, и я начинал отползать обратно. Устроиться так, чтобы включить запись — не получалось.

— Да что ты, паскуда, никак не успокоишься.

Все хорошее когда-то заканчивается. Дядя продолжал говорить, но слова слились в сплошной неразличимый гул. Голова таки перевалилась через бордюр, и в лицо взглянула бездна. В самую душу проникла. Мгновенно вывернула самые потаенные уголки. Одновременно дохнуло жаром и могильным холодом. Сухой, обжигающий ветер подул в лицо с такой силой, что мгновенно глаза пересохли и чуть не лопнули. Грудь стиснуло, выдавливая остатки воздуха. Ладони запыхали так, будто окунулись в раскаленный металл.

Услышал голос далекий, будто из другой вселенной, — Нравится, паскуда, нравится. Здесь иссохнешь и подохнешь как собака безродная. А потом я утешу твою мамку губастую. Хорошо утешу, прямо в то место, каким она думала, когда тебя рожала.

Голос отдалился, превратившись в невнятное бубнение. Пытка продолжалась бесконечно долго, казалось, полыхает все, неизвестный напор воздуха разрывал рот, обжигал глаза. Пытался отвернуться, но жжение в лице не прекращалось. Казалось, с черепа полностью ободрали кожу и полыхают кости.

Внезапно отпустило. Оказался лежащим на спине, уставившись в светящиеся ладони,

порхающие над головой. Далекий голос вновь обрел материальность, — Понравилось, ублюдок, это только начало.

За мамку немного обидно, хотя губам вроде комплимент. Дядя, ну не сошлись мы характерами, бывает. Зачем других приплетать?

Попытался поднял руку, взглянуть на ладонь, продолжающую полыхать. Не удивлюсь, если камень до бела раскален. Удалось только вытянуть палец в сторону родственника, прошептал одними губами, — Чтоб ты сдох, обезьяна морщенная.

— Шепчи, шепчи свои проклятья. А проклиналка то отросла?

Поискал глазами симптомы. Хвала Вечному ученику, а симптомы то налицо. Дядя продолжал свои излияния, только немного в сторону, на невидимого собеседника. Двоится в глазах или потеря ориентации. Хорошее начало, резкое двигательное и психическое возбуждение. По лицу и руке судороги пробегают. Дышит неровно, лицо горит, испарина опять же. На очереди слюнотечение и быстро нарастающая слабость.

Очень хотелось спросить: «Дядя Остап, ты не веришь в проклятья, но скажи, не ощущаешь ли ты покалывание во всех членах, жжение и боли во рту, в груди? Не охватывает ли озноб?»

Нельзя дразнить раньше времени, ему мне шею свернуть — одно движение рукой. Вместо этого выдавил из себя, — Дядя, погоди, ты забыл рассказать, зачем это все. Зачем меня, Марину?

— Ты что-то прохрюкал, ублюдок? Ты что-то...

Подскочил, начал снова охаживать по ребрам.

— Вот так тебе, гаденьш, сдохнуть и не узнать за что. Думаешь я с тобой разговаривать буду, распинаться. Да как ты вообще пасть открыть...

— Ну как же, — я попытался сплюнуть кровь, но липкая тягучая масса поползла по лицу, — Так и помру, не узнав правды.

— Не помрешь, а сдохнешь, грязный, вонючий ублюдок. Как собака сдохнешь, как скотина.

Снова направил грушу в мою сторону. Головухватило и потащило в сторону опасности.

— Сгною, сначала сгною, потом глаза пальцами выдавлю. И мерзостью тут оставлю доживать, пока тебя кольями не забьют.

Столько злобы в милейшем дядюшке. И ни на секунду не задумался, что сам виноват. Еще бы минут пять-десять продержаться. Надо чтобы активнее ногой шевелил. Яд действует, и доза уже смертельная. Только второго посещения ямы я не переживу.

Начал сопротивляться как мог. Но что можно поделать, если голова отрывается. Судя по треску в позвонках — шея раза в полтора удлинилась. Судорожными толчками приближался к дыре, максимально отдаляя неминуемую смерть.

Макушкой дыру почувствовать успел, но морду не сунул, секунды не хватило. Давление враз пропало. Дядя переломился пополам и начал блевать, сначала остатками ужина, потом кислой желчью. Выронил грушу, начал шарить руками по камням. Руки задергались, как при игре на баллалайке.

Я начал шевелиться, проклиная избитое тело. Болело все, не каждая отдельная часть, а просто все тело ломало от любого движения. Сумел сделать пару оборотов, перекатился подальше от дыры, которая теперь в ночных кошмарах будет сниться.

Дядя периодически блевал, выхаркивая желчь с кровью. Переходил к бешеной

активности, срывая ногти о каменную плитку, пытался меня нашарить, найти грушу, которую я изловчился и пнул подальше. От приближающегося родственника удавалось откатиться. Собрался с силами, сделал еще оборот, другой, третий.

Дядя слабел, начал задыхаться. Прилег, согнулся в позу эмбриона. Чуть отдышался.

— Ты, ты что сделал, ублюдок? Это же ты, да? Как?

— Это проклятье дядя, тебя настигло проклятье Скотининых. Ты поднял руку на сына своего брата!

Остап выгнулся, выворачивая суставы. Прилег и мелко затрясся, выпуская пену. Еще десять минут судорожных шлепков и подергиваний, стало понятно — я победил.

Не убедительная победа, ни облегчения, ни удовлетворения нет. Долго лежал на спине, хватая вкусный воздух. Вот и узнал, что такое Злой ветер. Нехорошая это штука. Вот эта дырка в земле его источник. Камни вокруг и ладони в воздухе — его алтарь.

Как только в руки вернулась часть сил, соединил ладони, продолжающие полыхать. Активировал свою планшетку. Надо глянуть, как мое причастие в дыре на всей этой милости отразилось.

Большая красная надпись пульсировала на весь экран, отдавая в виски:

«Попадание под выброс Злого ветра. Немедленно покиньте опасную зону».

— Архитектура, ступень 0 (Высушено Злым ветром).

Тупо перечитал надпись пару раз. Дерите меня все ученики вместе, больше не рисовать Боре башенки.

Через полчаса удалось встать на четвереньки. Подальше от дыры, простого взгляда на которую хватало, чтобы волосы вставали дыбом. Встал на ноги, обошел по дуге родственника, от которого воняло кислятиной. Поднял грушу, не глядя запихнул в карман. Вытащил зелье. Светится зловеще. Красивая колба, пробка притерта. Не то, что мои пузырьки из пластика. Нюхать точно нельзя. Изучить свойства надо обязательно.

Как бы не хотелось домой, вернулся к пруду, забрал выпавший нож. В пруд кидать не решился, не факт, что найдут, не факт, что вообще искать будут. Но я бы, найдя труп у воды, хорошим магнитом порыбачил.

Вернулся к алтарю, хотя ноги сами уносили прочь, закинул нож в черную дыру. Стянул с дяди сапог, осмотрел ногу. Реально повезло, на пятке здоровенный кровавый мозоль. Пластырь ядом пропитан, ногти с грибок, между пальцев воспаление. Лечить такую ногу надо, а не упитанных подростков пинать.

Натянуть обувь назад сил не осталось, даже пытаться не стал. Зашвырнул сапог в дыру. Если чьи религиозные чувства и затронул, одним кощунством больше, одним меньше.

До комнаты дошел на автопилоте. Посмотреть повязки у кота сил не было. Краем глаза заметил, что молоко выпито, сам вцепился зубами в яблоко и упал на палас, как есть, прямо в вонючих лохмотьях. На кровать не решился, тут не только душ принимать надо, а откисать в кипятке не один час. Последняя спасительная мысль ускользающего сознания, — «Завтра, завтра в столицу».

[1] Отсылка на историю последней казненной в СССР женщины, травившей таллием детей в школьной столовой.

[2] Упоминание легенды об отравлении Хана Тимура соком аконита. Ядом была пропитана тубетейка.

Проснулся от такого яростного вылизывания лица, что на секунду подумал, что голова снова в дыре со Злым ветром. Кот так неистово работал шершавым языком, покусывал нос, наконец, присосался к глазу и зачавкал.

Ночь на дворе, пару часов всего поспал, чего это он удумал? Первой реакцией было переложить на пол и снова забыться. Стоп, я же сам на полу, а коробка на кровати стояла. Выбрался из коробки, слез значит. Интересно как, вся задняя часть забинтована с шинами.

Собственная чуйка заставила замереть и прислушаться. С ходу определил направление, опасностью веяло от окна. Явно, направленно. Встал за занавеской, стараясь не попасть под лунный свет. Долго напрягал глаза, пытаюсь что-нибудь рассмотреть во дворе.

Безветренно, тени резкие. В момент, когда начал сомневаться в своей адекватности, с такими родственниками до паранойи один шаг, одна из теней шевельнулась. Не просто сдвинулась, перетекла правее, угол сгладился едва заметно глазу. Тишина, мало ли что могло померещиться. Зная, куда смотреть, дальше стало проще. Заметил еще изменения, левее, потом прямо по центру. Не сразу понял, не туда смотрю, это тени от силуэтов на крыше. На крыше чужие, минимум трое. Двигаются медленно, осторожно и явно в мою сторону.

Скользнул в глубину комнаты. За мной, или нет? Не вращается же весь мир вокруг Бориса. Барона нет, казна рода, компромат, документы. Да что угодно целью быть может. Похитители Даши вернулись? За Остапа кто впрягся? Если за мной, надо уходить. Предупредить, внизу охрана сидит.

В стороне громыхнуло, послышался звон и женский крик. Далеко, где-то в противоположном крыле. Но тени тут, рядом. Отвлекающий маневр, значит точно за мной.

Метнулся в ванную, схватил последний целый пузырек с шампунем. Выдернул из-под подушки скакалку. Из оружия больше ничего нет. Нож в черной дыре, носок с песком на полянке остался. Влез в меховые тапки — единственное что без шнурков. Просить завязать некого, хотя можно этих, на крыше.

Оглядел комнату. Все, больше взять нечего. Стоп. Кот, он же меня разбудил. Ничего с ним не сделается, не за котом враги пришли. Вопреки здравому смыслу уложил питомца и взял коробку под мышку. Бросать своих — последнее дело. Уходить немедленно, шум поднять. На другой стороне усадьбы кричали, значит охрана уже там. Кого во дворе видел — на хороших воинов не тянут, да их и не много. Раньше тени медленно двигались, подбирались бесшумно. Теперь ломанутся сломя голову. У меня минута, не больше.

В коридоре было темнее, чем в комнате. Куда все свечи делись? Не важно, надо решить, куда бежать и что делать. Поплелся к лестнице на первый этаж. Добротная, мраморная. Шаги, траекторию бегущего человека еще вчера прикидывал. Между примеченными балясинами привязал скакалку, натянул, укрепил как смог. На три ступени ниже полил пол шампунем.

Вернулся наверх, выглянул за поворот. Все тихо. Встал возле кадки с фикусом, замер. Наблюдаем за дверью, до которой метров двадцать. Гость не один, четверо как минимум. Трое на крыше, и баба орала не просто так. А может больше? На улицу нельзя, у выходов будут ждать. Я бы дождался. Хотя во сне же тихо зарезать собирались.

Не успел перевести дыхание, дверь скрипнула. Не моя, соседняя, из комнаты дядьки. Сердце забилось чаще — точно за мной. Дверь ближе метров на пять, опасно, могу не

успеть. Крадучись вышла фигура в черном. Прямо ниндзя. В руках кинжалы, стойка киношная. Башкой крутит, решает, в какую сторону идти. Меня не видит, точнее не замечает. Прямо на виду стою. В копне сена, которой я прикинулся, меньше всего можно распознать фигуру человека. Пора помочь.

Я набрал воздуха сколько смог, выдержал секундную паузу, и завопил во весь голос.
— Тревога! Пожар! Нападение!

Все, уходим. Бросился за угол и вниз по лестнице, чуть не запутался в двух ногах. Не успел добежать до скакалки, шею обожгло, придав ускорение. Перескочил ловушку, понесся изо всех сил, нарушая законы физики. Заметил одобрительный взгляд с портрета, да славные предки, жив еще дух Скотининых. Пол и потолок поменялись местами. Прикусил язык. На последних ступенях полетел кувырком и распластался, собирая коврик в гармошку. Над головой звякнуло. Коробка вылетела из рук, кот взвизгнул, выражая недовольство. Прости дружище. Все приехали.

Рядом раздался вскрик, хлопок, на затылок плеснуло теплым. Сжался, ожидая смертельного удара. Открыл один глаз и встретился с укоризненным взглядом котейки, лежащего на спине. Двинул меня лапой по носу. Жив, я жив, кот тоже. Мушки, плясавшие перед глазами брейк, отступили. Оглядел тело, лежащее рядом. Труп, и патологоанатомом с двадцатилетним стажем быть не обязательно. Голова лопнула, как переспелая тыква. Мраморная колонна гораздо прочнее.

Шум, хлопки дверей, разговоры, крики. Просыпается дом. Нельзя останавливаться. Охраны человек десять, не хватит ни все осмотреть, ни всех защитить.

Выдернул кинжал, воткнувшийся в пол в сантиметре от макушки. В камень, прошу заметить. Отвязал скакалку, пока еще кто-нибудь не прокатился. Споро поковылял в столовую, потом на кухню. Пару раз встретил бегущих слуг с факелами, керосиновыми лампами. Никто не остановил, ничего не спросил. Хвала Вечному ученику, нигде не заперто. Прикинул направление, не с первого раза, но нашел боковую дверь, возле которой с Варварой беседовал. Откинул засов, вывалился на улицу и сразу припустил в парк.

Горящую конюшню обошел по дуге, народу немало и прибывает с каждой секундой. Некоторые прямо в том, в чем спали. Порадовал сводный брат Петя, сонный, закутанный в простыню, из-под которой нет-нет да и мелькали красные стринги. Тушить без командира никто не собирался, большинство стояло, соединив ладони. Ничего нового, у нас при пожаре так же, никто не тушит, зато на ютубе видео со всех ракурсов. Когда пожар скрылся за деревьями, чуть перевел дух. Лапнул шею. Елки зеленые, из жировой складки рукоять, прямо из холки. Еще один кинжал. Не беспокоит, значит кроме жира ничего не задето. Получается я из боя с прибылью вышел. Хотя еще не вышел. Если по следу или запаху будут искать — далеко не уйду.

Свернул к пруду, дорога уже не просто знакомая — как к себе домой хожу. Аккуратно перешагнул через труп. Мало ли, кто по следу пойдет, может задержит их натюрморт. В лесу не спрятаться, затеряться можно только в городе, должны быть места, людные ночью. С другой стороны, фигура чересчур приметная. Через ворота точно нельзя. В усадьбе народа много, не может быть, что все через главный вход шастают. Вспомнил, где видел тропинку в сторону забора. Если есть тропинка — значит по ней кто-то ходит.

Опять стоп. Боря плохо думаешь, медленно. Дядя Остап у пруда зачем аплодировал? В этом мире хлопки ладонями — это не бурные овации. Каждый аплодисмент — фотография на милость. Получается у него на ладонях целая серия фото, как я со старушкой справился.

Милость посмертно извлекают, вроде на третий день. Ее сразу новому счастливчику выдают, или внутрь смотрят?

Ругнулся и поплелся во внутренний двор. Незаметно двигаться становилось сложнее, но благо народ возбужден нападением и неожиданным пожаром. Скользнул в железную калитку, на месте труп. Кинжалом отсек кисти, перерезал проволоку и сбросил запчасти в дыру. Тому, кто хорошо знает анатомию, человеческое тело как масло. Хорошие кинжалы, точнее метательные ножи. Ухаживал за ними хозяин, наводил и в чехлах хранил. Жаль перевязь с тела не стянул. Один теперь засвечен, жалко, конечно, но отправляйся в ад.

Егор помочь может? Может, но не надо его напрягать, он ехать со мной окончательно не решил. Из домашних кто? Тоже нет, им сейчас своих забот хватает.

Вернулся к лесной тропе. Ходы на волю действительно были. И дыры, и подкопы, и места, где забор едва до пояса. Вылезти удалось только в четвертый, размером с ворота конюшни, и то, обдирая выступающие части тела. В первые три и пытаться не стоило. Сверяясь с картой в голове, задал направление и зашагал в сторону центра. До управы исправника пятнадцать минут на карете, со скидкой на незнакомый город и время суток — к утру дойти должен.

Добрался до улиц, освещенных фонарями. Начали попадать прохожие. Внимание привлекаю адское. Прикинул себя со стороны — ужас. Жирная голопузая туша, засохшая корка крови и грязи. Спина в приставших мозгах, рожа не просто расцарапана, кусок щеки на бок висит. Шея перебинтована остатками майки. Ага, еще взгляд исподлобья, звериный рык и руки растопырены. Поди догляди, может они от бугрящихся мышц не сходятся.

Вышел на площадь с кострами, дымящими бочками. Люди, сидящие люди, в основном оборванцы, как я. Но опять же, такую колоритную фигуру надо поискать. Самодельный барабан, что-то похожее на расстроенную гитару, пляшущие полуголые девицы. К группам не подходил, сворачивал в переулки, выбирался из тупиков и двигался в сторону управы. Особенно избегал костров, на которых что-то жарилось. От запахов ноги становились ватными и все тело начинало колотить мелкой дрожью. Вроде пока везло. Пару раз неясные тени начинали преследование, но разглядев в руке нож, быстро растворялись в темноте. Один раз пришлось согнуться и уползть на четвереньках. Серую фигуру разглядел со спины и свалил от греха подальше. На секунду задумался — а ну как это око и помочь, и защитить сможет. Но нет, двойное у меня к нему отношение. Кот в коробке не спал, глядел настороженно, но попыток выбраться не делал.

До управы добрался без приключений. Тарабанил в дверь, в железные ставни, толкал ворота, заложенные изнутри бревном. Глядя на ободранные костяшки, начал догадываться, что ночью в полицейском участке никого нет. Странно, заключенные в подвале точно должны быть, одного в наручниках сам видел.

До рассвета час, не больше. Небо светлеет, идти можно смелее, не нащупывая каждый шаг. Глаза слипаются, тело ноет, как одна большая отбивная. Внутренности бьются в агонии, не привыкшие к отсутствию вкусной сытной еды. Кот не тяжелый вроде, а от коробки руки отваливаются. Нельзя останавливаться, чуйка просто жалит, заставляя переставлять ноги. Двигаться тоже нельзя — больше шансов приключение на пятую точку найти. Свернул в проулок, из которого веяло прохладой. И дорога под уклон, не иначе путь к воде.

Вышел к реке, в мыслях плескалось отмыться и шею, лицо нормально перевязать. Картина за зарослями ивы не обрадовала. Наш пруд, по сравнению с тем, что открылось — просто прозрачный горный родник. Не повезло ручью, через нищие городские кварталы

протечь. Это сейчас ручей, пересохший и вонючий. По виду берега, укрепленного бетонными плитами, река чувствуется мощная, горная. В сезон такая и глыбы ворочает, и деревья несет вместе с корнями. Поплелся в сторону моста, светящегося в стороне.

Не доходя до моста, нашел-таки свое приключение. Не надо было нож в карман убирать. Пара бродяг коробкой в моих руках прельстилась. Вынырнули как черти из табакерки. Здоровенный амбал перекрыл дорогу, поигрывая суковатой дубиной. Лицо интеллектом не обезображено ну ни на грамм, прямо тролль подмостовый. Второй скользкий и тощий, на вид лет семнадцати. Подковылял, опираясь на костыль, и положил руку на плечо.

— Эй, постой!

Вот, сразу агрессия, вторжение на личную территорию и начало психологической борьбы. С другой стороны — это же превосходно. Гопник обыкновенный не атакует сразу, любитель поговорить и развести по понятиям. Жаль не знаю, насколько тут понятия с нашими совпадают. Будем отвечать максимально нейтрально. Боря улыбаемся, плевать что губа порвана. Это сбивает с толку, заставляет нервничать и опасаться. В обоих карманах по ножу, есть груша беспредельная. Магия на один хороший толчок тоже со мной. Аристократа во мне сейчас при всем желании не разглядеть.

— Мы знакомы? Чем-то могу помочь?

Гнусавый голос сразу начал наезд, — Ты откуда? Я тебя раньше не видел.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— А ты на мой.

Нормальный гопник, можно сказать классический. Прямо настоящий джентльмен подворотен, тупиков и подвалов — чтобы напасть, обязательно нужен повод. Как животное, все чувствует и пытается читать на невербальном уровне. Сделаем вид, что знаю порядки и правила мира, в котором обитают такие отбросы.

— Мы знакомы? Я тебя не знаю.

— Тебе что запахло с нормальными пацанами побазарить?

Затылком почувствовал угрозу. Есть третий и заходит за спину. Полуоборот, выводящий спину из-под удара, шагжок назад и классический ответ:

— С какой целью интересуешься?

— Че такой дерзкий?

— Ты не ответил на мой вопрос?

— Ты че грубишь?

— Я тебя не знаю.

— Ты че оглох или ваще опух?

— Мы знакомы? Я тебя не знаю.

Новый круг. Особо упертые могут так часами разговаривать, пока кто-то не ошибся или расслабится. Вновь за спиной угроза, волосы на затылке начинают потрескивать.

— А че ты такой толстый, денег много?

— Ты меня в чем-то обвиняешь?

— Не, ну че ты в натуре, нормальным пацанам хавать нечего, а ты вон какой.

— Собираешься по беспределу наехать?

Оборот в обратную сторону. Смещаюсь в сторону реки, но от меня, кажется, этого и ждут.

— Слушай, а че в коробке? В натуре че из жрачки есть?

Этот вопрос можно игнорировать, — Я тебя не знаю. Мы знакомы?

— А че ты вопросом на вопрос отвечаешь?

— Ты начал разговор, обоснуй причину.

— Для себя интересуюсь.

Ага, враг дрогнул или ему сказать нечего. Получается он просто подошел и для себя поинтересовался, ничего личного. Теперь главное палку не перегнуть.

— Проверка на масть?

Вопрос был в точку, — Не, ну я вижу, рваный пацан и косяков за тобой нет. Не знаешь меня? Ну так давай знакомиться.

Ага, рваный тут типа ровный или правильный. В остальном все как и везде.

— Борис.

— Чижик я, а это Груш.

Я покосился на здоровяка, — Он че, сам не говорит?

Детина выдал глубокомысленное — «Гы-гы», опустил дубину. Подняли открытые правые ладони. Все верно мальчики тут так здороваются. Краба никто не жмет, это же камни соприкоснутся, а это вещь довольно сакральная. Посветил в ответ своей, не убудет.

— Чижик, третьему скажи, чтобы вперед вышел. Рваные пацаны за спиной не стоят.

Голос за спиной хриплый, простуженный, стеганул, как плетью, — Эй, ты че сказал, что я не пацан?

Глаза обоих гопников выдали, этот главный, и они просто прилипали. Опасный голос. Не шакал, который пасется на падали. Это хищник, которому нужна кровь.

Ответил ему спокойно, — Ты кто такой? Я тебя не знаю.

Третий подошел вразвалку. Крепкий, коренастый, бритый наголо, опять же не старше двадцати, а фиксы во рту железные. Поднял ладонь. Молчим, ждем, улыбаемся. Пришлось повернуться спиной к первым двум. Угрозы пока не ощущаю, но это может измениться в любую секунду.

— Тебе что, поздороваться запаadlo?

— Я тебя не знаю, может ты не пацан рваный, а... — легкая усмешка с намеком.

— Ты че, меня пидором назвал?

— Я тебя не знаю.

— Ты че, твою мерзость, совсем берега попутал?

А вот мерзость — это зацепка, есть догадка, что этом мире слово более емкое, чем синоним гадости.

— Ты че во мне мерзость увидел? — можно переходить в атаку, — Обоснуй! — жидкие тут гопники на базар, то ли практики мало, то ли для этого особый навык качать надо.

Поперхнулся главарь, нахмурился, — Просто...

Теперь я тебя не отпущу, — Зачем просто, надо по существу.

— По существу не увидел, мерзость между словом.

— А че ты оправдываешься? Вину за собой чувствуешь?

— Я не оправдываюсь.

— А сейчас ты что делаешь? Не оправдываешься? Значит ты пиздабол, если за свои слова не отвечаешь. А пиздабол знаешь чей друг?

— Ты меня опять пидором назвал? — гопник прищурился.

Ага, нога подернулась, плечо вниз, рука за спину пошла. Нож сзади за ремнем, причем играть, пугать не станет. Будет удар, резкий и быстрый, даже вижу куда — снизу в бок, где у нормальных людей печень.

Спиной почувствовал, как коллеги чуть отступили и разошлись. Тоже что-то понимают, без нормального чутья в этих трущобах жизни нет.

Повернулся левым боком, — Чижик, по-пацански, коробку придержи. Главное, чтобы не сбежал, с него станется. Нож достать даже пытаться не стоит, оружие незнакомое, тело не тренированное — против матерого бандита только Чижика насмешу.

Щелчком по камню активировал воздух. Три быстрых вдоха, для насыщения кислородом. Чтобы вихрь на полную раскрутить, секунд пять надо.

— Груш, вали его к нерадивому.

Это я должен к Грушу в ужасе повернуться. Что и сделал, только не остановился, а крутнулся дальше. Изо всех сил, всю волю, все эмоции в руки. Воздух бандиту в грудь, который уже приблизился и отвел руку для удара. Простой упругий толчок, снежок лепить некогда.

Удар вышел знатный, гопник пролетел метра четыре и скрылся зарослях. Судя по отборному мату — колючих. Самого потрянуло, но не сильно, массы несопоставимы, а закон сохранения импульса един для всех.

Оправился бандит быстро, голос из кустов пошел визгливый, лишенный благородной хриплости, — Груш, мочи его, это благородный и он анаму потратил.

Наличие магии — синоним благородного происхождения. Логично, где простой работяга может ценную слезу достать?

Небольшое бревно, взлетело над головой, здоровяк недобро оскалился и двинулся вперед. Резвостью мысли Груш не отличался, но переведя взгляд с колышущегося куста на мою руку, бросил дубину и упал на колени. Я сам покосился на руку с зажатой грушей, неужели так страшно? Хотя сам же недавно на узел завязывался.

Повернулся к главарю, который выбрался из кустов, но тоже бухнулся на колени, бросив нож вперед. Причем не просто застыл, этот еще и позу принял интересную. Руки завел за спину, голову запрокинул далеко назад, подставляя горло. Видно пуганый, у нас тоже похожий контингент встречается, от малейшего окрика — лицом к стене и руки за спину. Не иначе этот артефакт — любимая игрушка правоохранительных органов.

Минута прошла в тяжелом молчании. Сопят, потеют. Первым заговаривать с владельцем такого артефакта очевидно нельзя. Ткнул кончиком в сторону главаря:

— Как зовешься?

— Замесом кличут. Ваше благородие, не губите, нерадивый попутал.

Достал кинжал, сделал шаг вперед и махнул рукой. На лбу нарисовался кровавый зигзаг. Заживет и будет крутой шрам. Останется очки надеть, вылитый Гарри, хотя зубы железные всю малину портят.

Спросил резко, опуская кинжалом задранный подбородок, — Понял за что?

— За гадство. По беспределу наехать хотел.

Повел рукой чуть в сторону, — Оставь что в карманах и исчезни.

Повторять не пришлось. Бандит вытряхнул нехитрое барахло и скрылся в сумерках. Не просто резво, со скоростью марафонского бегуна. Не вставая с колен, прошу заметить.

— Ну а вы чего, думал пацаны рваные, а вы черти.

Груш опустил глаза. Зажмурился и вжал голову в плечи.

— Чижик, неси коробку сюда.

— Боря, да это же кот!

— Я в коробку разрешал заглядывать?

Что-то Чижик не испугался совсем. Или храбрится и виду не подает. На артефакт косится, но в осадок не выпал. И дерзкий чересчур.

— А правда, из этих ты? — закрутил глазами, — Из оборов?

— Я тебя щас за такие слова на лоскуты, обером меня назвать, я по жизни пацан рваный, правильный. Косяка за душой не имею.

— Боря, а зачем кот? — вся блатная романтика из голоса Чижика улетучилась, остался обычный уличный подросток, оставшийся без прикрытия.

— Что значит зачем? — Это же кот! Хороший, жирный. Поделится бы с нормальными пацанами, вместе бы съели, а вы...

Лицо у Чижика вытянулось, — Эй, мы котов уважаем, не едим мы их, да и не пробовали даже. А че, реально вкусно? А чего перебинтованный, больной что ли?

— А я что, если только перекусить захотел, целого кота убивать? Чижик, тебя найти как?

— Да я, мы, всегда у моста вечером. Здесь территория Замеса, он то в малолетке сидел, всех в кулаке держит. Короче, под ним ходим. Ближе к мосту не суемся, там око часто ходит, и патрули бывают.

— Исчезли, оба. Нужен будешь — найду.

Гопники растворились, понятно, что они тут каждый камень знают. На месте унижения Замеса поднял кривой нож, перемотанный изолентой. С этим оружием мне точно не по пути — неведомо, скольких старушек им выпотрошено. Зашвырнул в середину вонючего ручья. Забрал пачку сигарет и зажигалку — настоящее сокровище.

Убрал артефакт в карман. Штука очень серьезная, просто так ей светить нельзя. Только хотел присесть, закурить, как пришел вызов от дядюшки, не с того света, с этого:

— Борис, с тобой все хорошо, где ты?

— Дядя Петя, терпимо. Слышал шум, испугался и дал деру. Я в парке нашем, в чащобе спрятался в надежном месте.

— Хорошо, жив и славно. Нападение на нас. Пока держимся, за подмогой послали. Если хорошо укрылся — сиди до утра и не отсвечивай.

— Добро. Дядя Петя, нас последний разговор помните? Насчет изгнания из рода. Я понимаю, что барона нет и у нас проблемы. Можно эту просьбу без него исполнить? Можно ускориться?

— Я подумаю, что можно сделать.

Пришлось резко разорвать связь. Интуиция подбросила с задницы и заставила двигаться дальше. Похлеще артефакта, что дергал за шею. Ох, грехи мои тяжки.

Мост впереди раскрылся в предрассветном тумане. Высокий, железный, будто вырезанный из стимпанковской сцены. На середине стояла женская фигурка в белом плаще. За перилами, обхватив ржавую балку. Не просто стояла, решалась, готовилась к последнему шагу...

Фигурка была не одна. Мост перекрыт, в стороне народ толпился как на ярмарке. Звук не доносится, но видно, как все возбуждены и озадачены.

В принципе, светает. Можно и к людям выбираться. Если убийцы не пойманы — ушли давно. Кто остался преследовать — на людях достать сложнее.

Выбраться на насыпь оказалось той еще задачей. Первую часть прошел легко, ступеньки и поручень, на который можно наваливаться и отдыхать через шаг. Последние метры преодолел как благородный гордый лев — на четырех конечностях, толкая коробку перед собой. Точнее на пяти, пузо тоже волочилось по земле, мешая подъему. Зато помогло не съехать вниз, когда руки отказали. Поднялся, отряхнулся, встретился глазами с десятком опешивших людей. Не каждый день из-под моста фырчащий бегемот выбирается, в крови, грязи и еще не пойми в чем.

Вперед скакнул молодой сержант, лопухий, стрижен ежиком. Звание по взгляду и прыти понял, знаки различия вообще не знакомы. Надо бы такой же прической обзавестись.

Полицейский вякнул, выпячивая грудь, и заслоня гражданских, — Гражданин, предьявите ладонь для опознания. Косится, нервничает, что-то на боку лапает.

А я чего? Держи, мне не жалко. Око стоит, снимает, но больше не меня, а вообще всю делегацию, а через раз — фигурку в отдалении. Аж как-то не по себе, не я центр внимания.

Поменялся голос, ушла строгость и боевой задор, — Борис, Борис Антонович Скотинин? Простите, ваше благородие, порядок такой.

Народ зашептался, пяток прилично одетых теток и десятков слуг, — Это, не может быть. Это Боря Скотинин.

— Скотинин?

— Да не может быть, это бомж какой-то пьяный обдолбанный.

— Не бывает бомжей таких габаритов, им есть нечего.

— Да, как же? Чего это с ним?

— Точно он, Борис, он с моей дочкой учится. Учился. Вот к чему приводят неравные браки.

— А это при чем, как?

— Женился на простой торгашке, и вот, докатился.

На стадо теток я даже не взглянул, пошел на оцепление как на таран. Мухины вассальный род. Так что полное право имею. Заграждение моего напора не выдержало, то ли конфликтовать себе дороже, то ли вид у меня больно грозный. Расступились полицейские, сержант в спину бросил:

— Ваше благородие, не надобно, спрыгнет она. Вот представителя, переговорщика ждем-с.

Буркнул через плечо, — Вы бы не ждали-с, а делали что-то-с.

Мост ржавый, с виду надежный, но такому, как Боря, лучше бы не наступать. Лучшие времена видал — лет сто назад. Качается, гудит, ветерок прохладный поднялся.

Олеся, та самая, стояла за перилами и крепко держалась за пучок арматуры. Почти как на видео, только вживую еще более тощая и жалкая. Лицо зареванное, в разводах. Глаза, нос-пуговка, все красное и распухло.

— Здорово Лясяндра. Есть пожевать чего?

— Борис, Борис Антонович, вы? Откуда? Не подходите.

— Да я чего, просто спросить хотел, вот.

— Нет, нету ничего, совсем.

— Как нет? Плохо. Вот вафли у тебя классные. Объеденье. А ты чего прыгать собралась, а поесть ничего не взяла?

— Совсем ничего, ни крошки.

— Жаль, да. Разве на голодный желудок такие дела делаются? И чего мне делать теперь?

В голосе прорезались рыдания, — Я все равно прыгну! Не отговаривайте!

Любой самоубийца, особенно вот так, на краю, все равно до последнего ждет чуда.

— Да я чего, и не собирался. Просто кушать хочу.

— Нет у меня ничего, не знала. Вот смотрите, вот, девчонка закричала с надрывом.

Из плаща показалась рука, точнее культия. У девчонки не было левой кисти. Повязка аккуратная, видно, что все зажило. Кожа молодая, розовая. Неделю назад мы точно виделись, все на месте было. Значит что-то случилось, день-два назад руку потеряла, а лекарь залечил.

Помахала мне перед носом, балансируя на ржавой арматуре, — Не могу я так больше! Я без руки теперь. Зачем мне жить? Зачем? Как? Нет больше у меня милости. Нет. Не хочу мерзостью становиться. Не стану.

Девочка в депрессии, горе переживает, понятно. Как правильно с теми, кто на подоконнике стоит разговаривать? Правила общие есть, главное — не обесценивать то, что потеряно, не давить. Каждый психолог мессией себя считает, свое рекомендует. Мир и любовь. Но это тема не простая — каждый случай уникален.

Я важно промямлил, — Все верно. Без руки жизни нет. Я бы даже не знаю, решился бы прыгнуть или нет. Я слабый, я бы не смог. А ты молодец, сильная. Потеря руки это все. Это смерть.

Стоп, «Я бы на твоём месте» нельзя говорить. Это ничего, кроме раздражения не вызовет, я же никогда на её месте не был.

Некстати донесся рев Мухина-старшего, — Эгоистка, давай, давай вперед. Думаешь только тебе хреново? Только о себе думаешь, а о матери, о семье ты подумала? Внимание хочешь привлечь? Ну так добилась, вот, вот тебе внимание, уже Скотинины тут. Этого добивалась? Давай, не будь идиоткой, слазь, пока я...

Высер просто на грани фантастики, именно так с самоубийцами и надо разговаривать, чтобы любые сомнения развеять. Хвала Вечному ученику, полицейские на руках повисли, оттеснили, увели подальше.

Олеся шумно задыхалась, сделала шаг к краю. Ничего она сейчас слышать не будет. Сначала из истерики вывести надо.

Жизнь её выбросила, друзей нет, родственники вижу какие любящие. Осталось смотреть на счастливых людей с одной мыслью — почему именно меня вот так покалечили и все отобрали. Все отобрали, стоп, в школе она за Борей хвостиком ходила, вечно подкармливала и в рот заглядывала. А Боря об неё ноги вытирал. Не только значит рука, не моя ли свадьба — последняя капля?

— Слушай Лясяндра, тут дело такое. Меня женили на днях. Но пока ещё не было ничего. С невестой. Но будет, сама понимаешь, — приблизился ещё чуть, зашептал торопливо, — По секрету скажу, ты же теперь никому не разболтаешь — я и не умею чего

как с женщиной делать надо. Тебе же уже все равно. Давай я потренируюсь чуть. Ну чтобы в грязь лицом не ударить.

Лицо у девчонки вспыхнуло, — Да как ты..., как вы смеете, как? Что бы я, да никогда, лучше прыгну, прыгну, прямо сейчас.

— Лясь, да ладно тебе, прямо как собака на сене. Не себе ни людям. Пойду тогда вниз, там подожду. Там вот очередь уже, но ничего мне тоже хватит.

— Не врите, нет там никого!

— Здрассте. И Чижик там, и Груш, просто в кустах прячутся. Боятся спугнуть, вдруг ты передумаешь. Они мастера по этому делу, тут же как ни день, так девчонка кидается, то любовь, то хомячок любимый сдох.

Олеся задохнулась от возмущения, губа оттопырилась от омерзения, — Не передумаю, никогда. Я не могу так больше. Не передумаю, нет. На острые камни прыгну, чтоб никому не достаться.

Егор тоже без руки. Рановато, для звонка, но делать нечего.

— Дядька Егор удели минуту. У тебя руки нет, расскажи, как живут с этим?

— Боря, ты не обнаглел часом? В такую рань любопытство свое тешить. Я твоим дядькой быть еще не согласился, а теперь вообще сомневаюсь...

— Егор, я никогда не звоню по пустякам. Мы на мосту с девчонкой молодой, — окинул взглядом тощую фигурку, — красивой. Потеряла кисть вместе с милостью. Вот спрашиваем, что делать?

Заметил, как Олеся от моего взгляда вспыхнула и наострила уши. Кончики завибрировали, как у летучей мыши, улавливающей ультразвук. Локализуем проблему, которая как бы с одной стороны, а мы с девушкой вместе по другую.

— Ты убийцу брата моего нашел? Чтобы командовать как барон.

Вздыхнул тяжело, — Нет Егор, не нашел, потому что не искал еще. Спасением сестры занимался. Но, кстати знаю кто Марину травил.

— Кто? Только скажи, я...

— Егор, это уже не важно. Помоги с вопросом.

— Как не важно, я должен, сделаю... скажи.

— Сказал не важно. Все решено уже, сделано. Расскажу при встрече.

— Стой, а сестру, что и сестру спас? Как?

— Ты надомил, спасибо. Не бывает неразрешимых задач, Егор. Бывает, что решение не устраивает. Давай по моему вопросу, коротко и по существу.

— Хреново без ладони жить. Защита от Злого ветра меньше то вполтину. Всю жизнь пахать придется, как проклятому. И не просто пахать, а учиться умениям, каждый раз новым. Все что развить удастся — выдувает на раз. А иначе никак. Не будет запаса — до мерзости один шаг.

После паузы продолжил, — Но это не самое страшное. Жить можно, приспособиться, на хлеб заработать. Опять же родичи, друзья не дадут пропасть. А как без милости жить? Вечный ученик через нее говорит с каждым. Сколько денег не знаешь — и хрен с ним, на бумаге можно баланс вести, а вот не знать какой уровень умений — просто гибель. Пойди гадай, что в какой момент у тебя высушит.

Я перебил, — Ну ты же справился, руки на себя не наложил. Значит есть способ.

— Думаешь я о суициде не думал? — У меня цель была, моя девочка, из-за нее держался. И благо в таком месте был — где о самоубийстве думать некогда. Не просто,

приспособиться, понять. Милость может найти обходной путь. Его надо почувствовать и принять по-новому. У меня не сразу, но голос в голове открылся.

— Голос значит. А как скоро?

— Ну, не так чтобы, через полгода что-то чувствовать начал, ощущать, а совсем уж...

Продолжу вопросы по категории — идиотские, — А новый камень присобачить куда-нибудь, типа вторую милость?

— Ну ты, Боря, поражаюсь, бывает рассуждаешь как ребенок малый. Ничему вас в школе не учат. Один раз милость дается, при крещении. Дальше на все воля Вечного ученика. Не приживается новая никогда. Сколько не пытались.

Олеся продолжала истерику, — А что мне делать, что? Отец сказал выгонит. А меня кто замуж возьмет? — голосок перешел на визг, — Кому я теперь нужна?

— Погодь секунду. Все, Егор, отбой, — Верно, Лесь, никому. Я же и говорю, раз столько навалилось всего — только с моста, другого выхода нет. А тебя отец выдать хотел? Или самой замуж охота?

— И ничего мне не охота, скажешь тоже. Да отец только о репутации своей печется. Что люди скажут. Что барон подумает. Он же перед Скотининым на задних лапках, — уши у девчонки вновь запылали, — Прости Боря, я не хотела...

Кажется понятно, за Борю ее выдать отец готовил. Интересно, а Скотинины в курсе были?

— Вот почему значит ты со мной дружила и кексика носила, и вафли. Это отец тебя подбивал. Я-то думал, что ты мне друг.

От негодования топнула ногой так, что зателепалась на ненадежном железе, охнула, обнимая конструкцию, — И ничего меня никто не подбивал. Мы всегда дружили, с первого класса. Только ты потом грубый стал, не вежливый. К когда магом стал... вообще нос задрал. А отец сердится, что я плохо... это. Сильно сердиться, ремнем начал хлестать. А скажи, ты чего там в ладонь шептал — красивая, да?

— Слушай, Лясяндра, я же не просто так сюда пришел, я специально тебя искал. Вот видишь, в каком виде. Спешил, а разбойники на меня напали, побили. Вот смотри в коробке котик раненый.

— Ой, рыжий, кис-кис, чего он, как?

— Меня защищал от разбойников и пострадал. Видишь спина перебита. Он задними лапами никогда шевелить не сможет. Только ползать теперь. А коту как без задних лапок — ваще никак. Это еще хуже, чем человеку без милости. Так что бери его с собой.

— Ужас какой, ты для этого пришел? Для этого? — оттолкнула коробку, опять закачавшись над бездной, — Не возьму, это же котик, он виноват чем? Ты же женат сейчас. И что ты сейчас говорил... про невесту, у вас правда не было?

Правда ужас. Я ей про кота, а она...

— Да это я так ляпнул. Конечно, не было, некогда мне сейчас о всякой ерунде думать. И не видел я эту невесту толком. Думаешь меня спрашивал кто? Также как тебя не спрашивают. Женили и женили, барону видней. В столице я новую жизнь начну. Свою, и никто мне больше не указ.

Очень сомневаюсь, что мне нужна в столице влюбленная дурочка с дурным вкусом и явным перекосом в сторону мазохизма. Это же уязвимость, размером с ковш экскаватора, приревнует и отчебучит гадость. Еще и дурная, таким способом проблемы решать. Хотя не совсем дурочка, по сути, рассудительная, осторожная, умеет выжидать и планировать.

Просто большой эмоциональный ребенок. Тем более — это человек, который со мной с первого класса, простой и надежный, как автомат Калашникова. Если не давать повода и присматривать — лучшего помощника не найти.

Решаемся, зажмурился, выпалил, — Короче, поехали со мной в столицу.

— Шутишь, да? Как же рука? Я же все же это... слово на букву М почти.

— Рука — не проблема, это просто задача, как в школе. Ее надо решить. А сложные задачи лучше решаются сообща. Для этого и есть друзья.

— Друзья, да? Я согласна и младшей женой.

Что-то быстро разговор от прыжка с моста к моей интимной жизни, от бедного котика к замужеству скачет. Надо бы коней притормозить.

— Не торопись, ты учиться дальше собиралась, планировала? Школу на все отлично закончила.

— Ну, отец говорил не надо. Нечего девке шибко умной быть. Он сплавить замуж меня хотел. За... извини, а когда про твою, про вашу свадьбу узнал — вконец рассердился, прямо стал на себя не похож.

— Кстати, чем он так?

— Это о чем ты?

— Про руку, это же отец?

— Ты понял, да? Катаной, — выдала девчонка со стоном, — Но он не злой, нет. Просто импульсивный. Я сама виновата, он махал, а я дернулась. Сама подставила. Знаешь, знаете... поеду. Мне точно здесь ничего не светит и терять нечего.

— Тогда Олеся, я должен предупредить... со мной не будет просто. Не будет счастливого замужества, веселых сопливых детей и котика на коленях. Хотя котик может быть. Я еду не учиться, чтобы вернуться, а покорять этот мир. Так что может даже лучше вот так с моста, проще.

— Что-то Боря, ты как-то по-другому говоришь, по-взрослому. И смотришь так, как не смотрел раньше.

...

С моста спускались вместе, во всю обсуждая планы. Не сразу, но удалось, сначала отвлечь, улыбнуть, а потом и развеселить девчонку. Сотни просмотренных стендапов мне в помощь. Берет свое молодость, только что была в шаге от смерти, а вот сейчас хохочет во весь голос. Толпа раздвинулась, дородные тетки в кокошниках бросились обнимать девчонку, ощупывать и причитать.

Подошел к Мухину, сказал буднично, — Я забираю Олеся в столицу.

Завизжал Мухин как пилорама, — Как так, не позволю, в прислугу, в содержанки? Да мы Мухины никогда, слышишь. Я сейчас, сейчас Барону.

Эх, взять бы этого Мухина за козлиную бородку, да об колено.

Дозвониться Мухин смог только дяде Пете с десятого раза, барон не отвечал совсем. Да я бы удивился, если бы ответил. Дядя Петя тоже не подкачал, обложил бедолагу вместе здрасте, такими непечатными оборотами, что незадачливый папаша за малым не сел на задницу. Из обрывка тирады успел разобрать — «У меня гитане брата убили, а ты про свою мокрошелку».

Новость хорошая, Остапа значит гитане замордовали. Раз следствие идет — нападение отбито, можно возвращаться.

— Подготовьте девочку к поездке в столицу, — склонился, прошептал в ухо, —

Сударь, вы ведете себя недальновидно. Все равно ей здесь смерть, не сегодня, так завтра с моста кинется. Запрете? Назло другой способ найдет. И в канцелярии графа совсем не обязательно знать, зачем вы девку на выданье покалечили.

— Я отец, я по укладу право имею. Этому, Домостройка!

— Не спорю, как отец имеете, а по-человечески?

— Обещайте на ней женится.

И этот туда же.

— Не будем спорить и ссориться. Девушка выйдет за того, кого сама выберет.

— Олесья, погоди, задание для тебя есть.

Отвел девчонку в сторону.

— Не теряем ни минуты, тебе надо милость по-новому научиться слушать.

— Как это по-новому?

— Внутренний голос развивать — несколько лет уйти может, а нам быстро надо. Есть одна идея. У тебя в детстве был друг, игрушечный, любимый. С которым разговаривала?

— Ох, не знаю, не помню даже.

— Вспоминай, у девчонок часто бывает. Игрушка самая любимая, ну?

— Зяблик, точно, Зяблик был, такой плюшевый, полосатый с носиком. Но его уже давно нет. Потерялся. Пропал. Ну помните в восьмом классе, вы Борис Антонович его мороженщику в залог оставили, когда на эскимо не хватало.

— Так, хватит выкать и отчество поминать. Называй просто Борис, Боря, мы теперь одна команда. Потерялся, пропал. — значит найдется. Полосатый это хорошо, носок снимай, давай сюда?

Девушка вспыхнула, — Чего?

— Я же не трусы попросил снять, а носок.

— Боря. Ты что говоришь такое.

Отучать придется, полыхать по любому поводу. Но с этим не сложно, поработаем, мозги на место поставим.

— Вот, хорошо, полосатый, похож на Зяблика?

— Ну, не очень, но так чуть-чуть.

— Надевай на руку, да, на левую, прямо на повязку. Теперь скажи что-нибудь за Зяблика. «Здравствуй Боря, я Зяблик». Не так, голоском повыше, пописклявее. И носиком шевели. Хорошо. Теперь нужно его обучить правильно. Скажи, что точно из милости помнишь? Вспоминай цифры.

— Ну, харита была 3234.

— Нет, харита точно не пойдет. Она после твоей выходки поменялась. Денег сколько точно?

— Ой, 23 рубля. Мне 100 рублей отец переводит, но я потратила много.

— Хорошо, еще что-нибудь, умение какое точно помнишь?

— Да все помню, только...

— Не надо глазами крутить, мы теперь в одной команде.

— Хорошо — рисование карандашом, 2 ступень, 31 единица. Верховая езда — 2 ступень, 80 единиц.

— Просто супер. Теперь слушай упражнение. Спрашивай вслух — «Зяблик, назови финансовый баланс». Теперь отвечай пискляво «Хозяйка, 23 рубля». «Зяблик — назови уровень умения рисования карандашом», теперь ответ — 80 единиц. Назови финансовые

обязательства — «Ежемесячное поступление — 100 рублей». Уяснила?

— Кажется понятно. Но зачем?

— Вопросы чередуй, каждую свободную минуту тренируйся. Может еще что вспомнишь. Отнесись серьезно. Милость подстраивается по каждого человека. И твоя вот так выход найдет. Зяблик любопытный, он все должен знать, поэтому крути им по сторонам. Еще он с людьми общаться любит. Если кто-то вопрос задает, на который не хочешь отвечать — проси Зяблика за тебя ответить. Сверху глазки-пуговицы надо пришить и язычок красный.

Народ рассосался быстро, попрыгивали в кареты, стоящие в стороне и в туман усвистали. Из свежего экипажа высунулась наглая морда с висячими усами, осмотрела неодобрительно и спряталась. Похоже переговорщик подъехал — опоздал товарищ.

Только сошел с моста, как силы полностью оставили. Сполз в канаву, на ходу вытаскивая пачку сигарет. Чиркнул кремнем и затянулся с таким наслаждением, будто это было первый раз в жизни[1]. Боря, не кашлять. Привыкай, нам теперь так много делать и часто.

Чего там на милости нового? Много нового и странного тоже.

Архитектура исчезла совсем, даже упоминания нет. Жаль карандаша и бумаги нет, посмотреть, что у меня реально с рисованием башен. Во, палочкой по земле можно попробовать.

— *(Умение не определено), ступень 1, прогресс 72 из 72, запрос в верховный Храм пилигримов — Отказ. Блокировка. Постановка в очередь на принудительную очистку.*

— *Отравитель, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 72 из 72, заблокировано*

— *Алхимия ядов, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 72 из 72, заблокировано*

Рекомендация посетить храм Вечного ученика для возврата к первоначальным настройкам.

Все остальное худо-бедно растет, и дизайнер, и архивариус, харита на 20 единиц скакнула, похоже от моего предупреждения о нападении.

Посыпались звонки. Сначала от дяди Пети, потом от Матушки. Ага, проснулись пересчитали поголовье и недостачу ищут. Хотя не просыпались, сомневаюсь, что спали вообще. Почему тогда раньше никто не звонил? Нет желания с родственниками общаться. Третий звонок взял, он от полезного человека, которого я хочу взять с собой. А ведь и не заметил, как научился вызывающего определять. Само получилось, только ладонь зажужжит — картинка в голове сама рисуется.

— Степан, привет, как обстановка в усадьбе?

— Борис Антонович, ответили, неужто живы? Нападение было, а вас нет. Ищем-ищем, а вас нет. Отбили нападение, а барона то тоже нет, но все равно отбили. А как душегубов прогнали все вас искал.

— Во как. А нападавшие чего? Узнали кто?

— Гитане. Одного зарубили, одного живым взяли. Еще один сам убился, на лестнице поскользнулся, аккуратно перед покоями вашими мозги расплескал. Но которого живого — все равно помер. Сразу воротник красной рубахи кусил. А они гитане да-а, могут так.

Куда-то в сторону прокричал, — Жив Борис, ответил. Все хорошо у него.

Я вообще-то не говорил, что у меня все замечательно.

— Степан, не отвлекайся, потери есть?

— Есть, ужас. Остапа убили, прямо у алтаря. Пара слуг тоже мертвы, и по мелочи еще.

— Пришли экипаж, заберите меня у моста железного.

— Борис Антонович, тревогу то вы подняли. Крик многие слышали, как же вы?

— Все потом. Скажу кому — пусть ванну наберут горячую, и Пантелея найди.

— Ох, а я и не сказал. Нет больше Пантелея. Повесился, прямо у себя в лачуге.

Застрелиться пьяным ежиком, что ни новость, то пыльным мешком по голове.

...

После третьей сигареты в голове наконец прояснилось. Настолько, что мозаика в голове закрутилась, выстраиваясь в картинки. Милость выдается во время крещения. А крещение происходит от слова крест. Непорядок, недосмотр. По-другому обряд называться должен, оладонивание какое-нибудь. Бага это или фича, как говорил Левушка?

По мозгам долбануло как кувалдой. Чтобы полностью переписать историю, нужно сменить четыре-пять поколений и провести очень кропотливую работу. Стирать, менять информацию во всех книгах, получается, не только учебники, все художественные тоже сменить надо, на всех языках. Очень похоже на крестьянскую работу в поле, чтобы получить урожай надо пеньки убрать, вспахать, засеять, поливать и сорняки полоть. Заботливо, с любовью.

Подери нерадивый, не могли в двадцатом веке эту милость изобрести. И двадцать первом не в начале точно. Вообще не изобретали ее тут, это технология пришла из другого мира. Пришла вместе с людьми, которые точно знают, что надо делать. Значит это у них не в первые, и самое печальное, не в последний раз. Как на милости написано, пилигримы что за гуси? Кто навыв до 6 уровня развил. Хрена лысого, недостижимая это будет планка, как морковка у носа. Таблицы с цифрами не видел, можно по своим что-то попытаться понять, спокойно бы сесть с карандашом и бумагой. Этот мир захвачен теми, кто стоит во главе пилигримов.

Современник ищет способ протащить милость на Землю. На мою Землю. Рокировка с Борей просто спектакль, идет подготовка к вторжению.

По спине потекла холодная струйка. Мой мир в опасности. А значит теперь у меня есть настоящая цель!

[1] Материал, приведенный в настоящей главе, ни в коем случае не является пропагандой курения или употребления табака в любом виде. Автор абсолютно не разделяет пагубных пристрастий главного героя, и всячески их осуждает.

Помощь прибыла споро, хотя сигареты кончились быстрее, ароматные и вкусные. Карета подъехала, только не к тому концу. Когда-то мост был не только пешеходным, но сейчас направить по нему экипаж можно только с большой тоски. Пришлось подниматься и перебираться на другую сторону, матеря нерадивого и всех его родственников. Правил экипажем Степан, никому не доверил.

— Борис Антонович, ох. Как же вы.

Выдавил из себя только одно слово, — Домой.

— Ваше благородие, вы ранены? Вы сражались?

— До-мой, сказал, — пополз в карету, цепляясь за ступеньки.

Эй, это не тот сарай, на котором я в прошлый раз ездил. У этого дверь узкая, ободрал бока, пока устроился прямо на полу.

— Ба, барин, там дознаватели из канцелярии Графа ожидают, всех опросили уже, только вы остались.

Домой сразу расхотелось, — Погоди, давай не домой. В квартал портных заверни, знаешь, где матушка костюмы заказывала?

Надо мысли в порядок привести и быть готовым к любым вопросам.

Привести внутренности в порядок не получилось. Уснул сразу, только телегу затрусило на первых кочках. На мысли, связанной с Остапом... Вынырнул из липкого кошмара, когда карета остановилась у знакомого крыльца. Никто мне дверку не открыл, выбрался сам, поднялся, вошел, хлопнув дверью.

— Борис Антонович, чем могу? Вы одни, госпожа Милослава не с вами?

— Один. Сам. Вот. Хочу новый костюм, но только настоящий. Стоп, не хочу костюм, хочу халат. Халат хочу, просторный, цветной, красивый.

— Нельзя сюда в таком виде.

— Тащи халаты, самые большие размеры, мерять буду. Правильные халаты неси, чтобы стройнили и придавали этой самой — мужественности, вот. И чтоб кубики пресса проявились, восемь штук.

— Борис, вы понимаете. Приходите с матушкой. У нас серьезное ателье, а не...

Прервал грубо, — Если ты, кусок дерьма, не поймешь свое место и на полусогнутых не принесешь халаты, догадайся, что будет? Не только Скотинины, любые аристократы будут обходить стороной твою вонючую лавку. Да что там аристократы — ни один человек приличный не зайдет.

Халаты успели, целый тюк. Мерял, сначала все, потом откидывал пачками. Фасон, расцветка не важны. Ни один на пузе не сходил. Хозяин молчал, косился одним глазом и прикладывался к бутылке. Слуга молчал, подавал и кланялся. Второй утаскивал одни тюки и приволакивал другие, также молча. Я ворчал, что тут не серьезное ателье, а лавка пьяного бомжа — ни одного халата на солидного джентльмена.

Воздух зазвенел, потеплел и мир вокруг замер. Точно есть в этом ателье приспособа для разговора со мной. Пентаграмма какая-нибудь или артефакт. Не зря сюда Борю пару недель возили.

— Здравствую Борис. Ты рад слышать мой голос?

Стыдно признаться, но на этот раз я, кажется, рад. Не так рад, как старому другу,

похожее чувство — когда созревший прыщ прорывается.

— Здравствую Современник, ты рад, что я еще жив?

— Боря, я наблюдаю за тобой с возрастающим интересом, но уже предупреждал — не обольщайся. То, что ты жив — не радует, это просто веселит и немного удивляет. Ты ушел от покушения, всю ночь где-то шлялся и всплыл на другом конце города. Не поделишься приключениями?

— Да нечему там делиться. Убийцы ночные шумели, спать не давали. Вот и встал прогуляться, знаете как вечерние прогулки полезны для здорового сна? И аппетит улучшается.

— Да, конечно, тебе ли на аппетит жаловаться, ты пришел сам, значит у тебя есть вопросы.

— Современник, ты знал, что меня травят зельем?

Слуга ответил осторожно, подбирая слова, — Скажем так, не знал, но допускал, что это возможно.

Не врет, зараза, но и не договаривает что-то очень важное.

— Ты ради этого вопроса сюда приперся и почтенных мастеров взбаламутил? Они ради тебя ателье закрыли. Давай нормальный вопрос, со смыслом, пока думаешь, я продолжу сказку:

Но даже в самом послушном стаде может завестись паршивая овца. Один ученик был ленивый, завистливый и жадный. Он не хотел учиться, завидовал богатству и славе мастера, успехам других учеников. Однажды мастер не выдержал, поколотил его палкой и выгнал, бросив в спину прозвище, приставшее навсегда — «Нерадивый» ...

Слава Вечного ученика прогремела по всему миру. Люди восхищались изящными работами великого мастера и его подмастерьев. Радовались ценам, которые он выставял за свои шедевры. Но на квартале плотников зрело недовольство, ибо доходы их пали, никто не хотел больше платить за грубую и некрасивую работу.

Человеческая зависть, жестокость и злоба не имеет границ. Однажды глава гильдии плотников коварный Юрот собрал всех недовольных на тайную вечерю. Были пролиты реки вина, гремела музыка и доступные женщины танцевали на столах. Заговорщики обсуждали планы и наущали бывшего ученика — как погубить учителя. Нерадивый ученик, в сердце которого поселилась лютая злоба, отдал мастерам все свои сбережения — тридцать серебряных монет, и купил коварный план.

Вечного ученика схватили чтобы жестоко пытать и казнить. Почернела кровь, вытекающая из ладоней, пронзенных ржавыми гвоздями...

Я понял, это намек, я же все на лету ловлю. А намек то жирный. Продолжил ровно с того места, где я закончил ублюдку читать, в облике сестры. А там ока не было, и еще артефакт стоял защитный.

— Нет, Современник, на самом деле мой вопрос в другом. Скажи, какую ступень ты занимаешь в иерархии пилигримов?

— Вот так, просто, в лоб? Боря, надо быть тоньше.

— Извини, Современник, какой есть.

— Хорошо, обещал, значит отвечу честно. Да, я являюсь пилигримом, тут нет секрета, это как признаться, что у тебя есть умение очень высокого уровня. Но я не вхожу в часть, управляющую другими. Я стою в стороне, ближайшая аналогия — как независимый аудитор перед советом директоров. Конец связи, Боря, до встречи.

— Погоди, я уеду в столицу, от этого ателье далеко, как я смогу с тобой связаться?

— Не тупи, Боря. Это тебе домашнее задание. Если ты сам не найдешь способа — значит я в тебе ошибся.

Обиделся, как пить дать. Не понравился ему мой вопрос, потому что сформулирован он неправильно. Одной этой информации достаточно, чтобы сказать — не зря я сегодня сюда приехал. Есть о чем подумать, есть.

Расплатился за халат, хмурый и озадаченный вышел на улицу. Грабеж. Двадцать пять рублей за кусок цветной тряпки, который таки застегнулся, но трое натягивали, языки высунув. Сам точно повторить этот подвиг не смогу.

Посидел трошки на том же месте, где точил спицу. Я узнал много, и что-то очень важное. Сам до конца сейчас не понимаю — насколько. Надо курева достать и все обдумать. Еще, Остап покоя не дает. Первое впечатление о нем — «Глуп, труслив и паталогически жаден». Первое и третье без вопросов, но настоящий трус не напал бы в открытую. Травить да, подставить и кинуть — пожалуйста. Но не так, ночью с боевым артефактом. Опять что-то упускаю.

Вывески над мастерской Леонтия не было, хотя след свежий — вот он. Снял что ли? Махнул рукой Степану, обожди пару минут.

Внутри все переменялось, никого беспорядка, ни паутины, ни следов запустения. Ровные полки, инструменты, отрезы тканей. Просто образцовое ателье. Мастера не видно, посередине комнаты застыл полицейский чин с лихо закрученными усиками. Моложавый, лет тридцати, видно, что энергичный, но энергию такие фрукты не в то место направляют. Завис, изучая свои ладони.

Обернулся на каблуках, — Обер-старшина Холодцов, Василь Сергеевич. Веду дознание по факту кончины мастера Леонтия. С кем имею честь?

Я ответил осторожно, — Это, Боря я. Имею у Леонтия интерес, — мир поплыл перед глазами, — Кончины? Мастер Леонтий умер?

Брови обер-старшины столкнулись, — Что за интерес такой?

Перед дознавателями юлить нельзя, работа у них такая — быстро на чистую воду выводить, — Собирался заказывать костюм в качестве платы за вывеску. Я делал тут вывеску. А как умер? Случилось что?

Обер-старшина нахмурился, — Как умер — это тайна следствия. Не положено. И не было тут никакой вывески. Когда последний раз Леонтия видел?

— Два дня назад приезжал костюмы забирать, у другого портного, наверху. Тогда же и с Леонтием говорил, и вывеску мы делали.

— Один приезжал?

— Не-е-е, с матушкой и око с нами было.

— Так-с, проверим. И больше не виделись?

— Вживую нет, по ладони общались, сейчас точно скажу — утром вчера.

— О чем говорили?

— Да ни о чем особо. В гости приглашал. Про артельного он говорил, который вывеской интересовался.

— Так, ты мне этой вывеской зубы не заговаривай. Сказал же — не было вывески. Ночью этой, где был и кто подтвердить может?

Я начал осторожно, — Сложный вопрос. Вечером найду, кто меня видел, утром на мосту, тоже народу много. Ночью правда подумать, вспомнить надо.

Отвернулся, повернувшись ко мне задом, обтянутым в белые лосины. Что-то я не то засмотрелся. Обер-старшина затараторил в ладонь как пулемет, — Господин исправник, да, закончил. Опросил, тело упаковали и отправили. Подозреваемого задержал, подозрительного вне меры всякой. Да, прямо как в учебниках пишут, негодяй вернулся на место преступления.

— Молодой человек, вы задержаны. Придется проехать для выяснения некоторых обстоятельств. Не советую оказывать сопротивление, вы имеете право...

— Гражданин обер-старшина, уверен, что это недоразумение.

— В управе будешь объяснять, там быстро разберутся, что ты за гусь. Под наблюдением говоришь? А не сильно ли зазвездился, чтобы око с тобой ездило?

— Василь Сергеевич, вы же фамилию мою не спросили!

— Да будь ты хоть сам...

— Все верно, я Борис Антонович Скотинин, сын барона Белозерского. Вот вам моя ладонь.

Обер-старшина Холодцов сполз на пол, будто разом вынули позвоночник. Не просто вынули, а резко выдернули из задницы. Сложился и сел на пол, завыл, запричитал:

— Да за что мне такое. Что делать, пропало, пропало все. Откуда ты взялся вот так по учебнику, — заломил руки, прямо как моя матушка, — конец моей службе, а у меня дети малые и четыре жены.

Во как, четыре жены значит. Вот бы энергию, потраченную на этих жен, да в правильное русло, например, на следственные действия.

— Ну, учебникам не всегда верить надо.

— Что ты понимать можешь? Все, хана, конец моей карьере. Нельзя, нельзя мне без подозреваемого, — вскочил, засуетился, — Сейчас, сейчас кого-нибудь задержим, уж я-то его разговорю, мигом сознается.

Не надо никого задерживать, за дверью только Степан, а у него тоже алиби не ахти.

— Василь Сергеевич, так время есть еще, давайте найдем виновного, настоящего. Я барону в делах помогаю, и ответственные поручения сам вел, расскажите, что известно, может свежим взглядом и подскажу чего.

...

Увалился в горячую ванну и сразу уснул. Нет, перед этим съел тарелку холодной каши и кусок сырой тыквы. А наперед накормил кота простоквашей и уложил спать. Ага, еще из объятий матушки вырвался, как из железных тисков, это было сложнее всего. Нет, сначала просочился мимо пары незнакомых щеголей, вышагивающих у крыльца. Не хотелось мне общаться с канцелярией, от слова совсем. Что перед этим было — не помню, как в мутном киселе все.

Очнулся, когда вода совсем остыла, от этого, собственно, и проснулся, зубы начали выбивать похоронный марш. Порезы, царапины обработал, залепил пластырями. Поздно боржомом пить, несколько часов в грязи, болотной тине и прочей дряни. Без антибиотиков, а значит хорошего лекаря — не обойтись. Максимум сутки до воспаления.

Что-то паршиво ты Боря выглядишь. Пару дней назад счастьем лучился и лоснился как масляный блин. Морда помятая, щеки обвисли как у бульдога. Взгляд затравленный, беспомощный что ли.

В комнате загрохотало, судя по топоту — толпа слуг и помощников.

— Боренька мы собирать твои вещи начинаем, скорей выходи, до поезда три часа, —

прорезался голос матушки, — живо весь гардероб на кровать.

Делать нечего, надо выходить и сдаваться.

Обнялись посидели на кровати, слуги бегали, сортируя мои пожитки: носочки к носочкам, панталоны к панталонам. Мама рыдала, не забывая отдавать распоряжения, око снимало. Я тоже слезу пустил, ну так, для отчетности.

Вежливый стук. Вошла служанка, поклонилась низко промежутку между мной и матушкой.

— Ваше благородие, ваша милость, госпожа Роза изволит пригласить Борис Антоновича на чашечку чая.

— Ну чего, сынок, иди с мамой Розой попрощайся, она же тебе добра желает.

Тетя Роза сидела на диванчике, сложив руки на животе. А где чай? Почему в спальне? Не к добру. Понимаю, что мы одна семья, но в ночной рубашке взрослого парня на учебу не провожают.

Полился бархатный голосок, — Подойти, Боря, расскажи, как дела у тебя? Мы все так волновались. Я прямо места себе не находила. Ты же мне как второй сын. Мой Ванюша далеко на службе, не звонит, не пишет. А прямо отрада для души, такой молодец и умница.

Обычно такими словами бродячего пёселя поглаживают, прежде чем палку или камень нащупать.

— Ну чего, ну. Все хорошо, все обошлось. Убегал, прятался, вот.

— Заставил ты поволноваться, подходи ближе, садись тут. А мне нельзя волноваться, совсем. Знаешь же, в каком я положении интересном. Это же ты всех предупредил и спас?

Внезапно мачеха переменяла тему, — Расскажи, Боря, а тебе моя Лилия нравится?

Я поперхнулся, — Как она может нравиться? Сестра же, вредная и дерется больно.

Мачеха хитро прищурилась, — Знаю, что нравится. И ты ей нравишься, поэтому вредная, потому и дерется. Хочешь секрет открою? Ты взрослый, Боря, умеешь хранить секреты?

Замотылял головой. Не умею, точно совсем не умею. Хватит с меня секретов.

— Да, Боря, отец Лилии на самом деле не барон. Я замуж уже беременная выходила, не так как сейчас, совсем малый срок. Про Ивана барон знает, он приемный, а про Лилию — ни-ни. Это будет наш маленький секрет. Так что можешь смело за Лилией ухаживать, она не будет против.

Не хочу я таких секретов. На алтарь Злого ветра хочу, головой в дыру.

— Мама Роза?

— Не надо меня называть мамой, я тебе не мама.

— Тетя Роза.

— Называй просто Роза, — заговорила мягким грудным голосом, — Видишь, какой живот у меня, там два малыша, два мальчика. Это великое чудо — рождение новой жизни, правда?

— Я чего, это. Ну да, правда.

— Дай руку, потрогай, не бойся. Коснуться такого живота — это счастье. Это к удаче, тебе же нужна удача? На учебе точно понадобится.

(Мама Роза. Боря, удача тебе точно понадобится)

Подошел, коснулся. Ну живот, теплый, мягкий. Женщина хороша, у папаши вкус точно есть, но в беременных эротике не больше, чем в мясорубке или миксере. Разве что для на голову отбитых.

— Боря, а хочешь посмотреть, чем я дитя кормить буду? Я же знаю, в живую ты никогда не видел? — хитро прищурилась, — Или видел у девочек? Признавайся, за кем подсматривал?

Пожал плечами. На хорошие сиськи посмотреть — как к психотерапевту сходить. Полезно в любом случае. Что-то встреча вообще в полный триндец превращается. Ну положим, смутить ей Борю удалось, и что дальше?

— У тебя жена теперь есть, молодая, красивая. Это ничего, что сразу не вышло. Она же тоже дитя неразумное, несмышленное. Ты бы сначала к взрослой женщине пришел, вот я бы рассказала, что и как. Ты не стесняйся, спрашивай.

Дальше мачеха начала отжигать по полной, — У нас уже есть один маленький секрет. Пусть будет и еще один. Это же здорово, когда между мужчиной и женщиной появляются секреты, — взмах ресницами, от которого занавески заколыхались, — А хочешь увидеть врата, через которые новая жизнь приходит в этот мир? Я разрешу прикоснуться...

В виски ударило горячим. Боря, я понимаю, что ты подросток на самом пике гормонального дисбаланса. Ну не совсем на пике, все же упитанность сказывается. Запоминай Боря, в первую очередь ты мужчина, который решения принимает исключительно холодной головой.

— Правда можно?

— Не надо стесняться. Знаешь, что происходит, когда настоящий сильный мужчина касается там, где у девочки самое сокровенное? Если он в это время смотрит в глаза, он может увидеть в них...

— Ой, не надо, вы же оттуда писаете.

Глупенький, не бойся, — голос, просто сладкая патока, — Будь хорошим мальчиком, закрой дверь на задвижку.

Приехали.

Неуклюже развернулся, роняя конверт из кармана. Удачно прямо мачехе под ноги. Ключет или нет? Если реакции не будет, придется бежать, чтобы невинности не лишиться, моральной.

Подошел к двери, приоткрыл, выглянул. Никого. Притворил, задвижку тронул. Спиной чувствую, что конверт подняла и читает. Три, два, раз.

Звон разбитого стекла и вынесенной рамы я запомнил хорошо, сам так в комнате делал. Выглянул в проем. Красиво. Мама Роза улепетывала к воротам со скоростью камня, выпущенного из пращи. Надо же — с третьего этажа прыгнула, на восьмом месяце. Преграда не остановила, двойным сальто взлетела на ворота, прямо над каретой и кучей народа. Оттолкнулась от башенки и сгнула.

Поднял мятое письмо. «Немедленно беги, все открылось». Убрал в конверт и назад, в родной карман. Здорово жажнуло, может еще пригодится.

Что это было? А ведь точно было. Раз — живот. Просто обычный живот, размером чуть меньше моего. Близнецы на таком сроке не просто толкаться должны, у них вечный боксерский поединок. Не заметил, Боря, на сиськи залип. Два — с какого перепуга жена главы рода такую дичь задвинула? Ладно бы перед кем-то равным барону или выше. Три...

Досчитать не успел, в комнату ворвался дядя Петя, Степан и прочие, вооруженные опасными острыми железками.

— Борис, ты что делаешь здесь? Что случилось? Опять ветер? — выдал дядя с порога.

Я медлить с ответом не стал, — Дядя Петя, и тебе привет, тоже рад видеть. Мне ехать пора, извини, провожать не надо.

— Стой. Роза где? Это же ее спальня.

— Если делать нечего — поищите маму Розу по разным темным каморкам, наверняка где-то усыплена и связана.

(Канцелярия графа Собакина

Пара молодых людей в дорогих костюмах отчитываются перед пожилой женщиной, вяжущей носок. Спицы мелькают с такой скоростью, что их практически незаметно)

— Анна Львовна, позвольте с докладом о нападении на Скотининых. Аналитики сходятся, что это не нападение, а диверсионная операция. План, ресурсы, все поддается оценке, прослеживается четкая линия...

— План говорите, диверсионная операция? Откуда при хорошем плане три трупа, да еще и явно гитане местного табора? Остальных задержали?

— Нет, табор ночью ушел, без следов. Умеют они исчезать бесследно.

— То-то. Цели определили?

— Сейф барона и родовая казна. Следы проникновения и попытка взлома. Предполагаем, что это цель не основная.

Старуха приподняла бровь, не останавливая рукоделье, — Обоснуй.

— В парке старую повариху зарезали, профессиональный удар в горло. Опытный киллер. Похоже просто не в том месте оказалась, не вовремя.

— Согласна, наемные убийцы грабить не ходят, но они могут сопровождать тех, кто чистит сокровищницы.

— Это не все, в лачуге на краю слободы родовой лекарь в петле. Следов борьбы нет, просто и буднично повесился или повешен.

— Повешен?

— Верно, первейшая мысль. Самоубийцы перед смертью обычно извлекают слезы и раздают родным и знакомым. Тут ничего, ни записки, никакой активности.

— По заказчикам что?

— Пока работаем, проверяем контакты табора.

— Скотинины все целы?

— Младший сын барона сбежал и ночью по городу шлялся. На ржавом мосту всплыл, где дочка Мухиных концерт устроила. Поговорил и с перил снял.

— Допросили?

— Допросим. Дальше интересней, в родовом алтаре Злого ветра труп, брат барона отравлен, который заведовал упаковкой Товара.

— С этого и надо было начинать, есть нестыковки?

— Да, и способ отравления, и сам яд, нехарактерны для всех, кто мог взять такой заказ. Картотеку проверили.

— Чем отравлен?

— Биологическое отравляющее вещество первого класса опасности. Смесь органических ядов в неизвестной пропорции. Больше ничего штатный птомант не сказал, ни состав, ни школу, ни кто изготовить мог. Он другие следы нашел — Остап в источнике Злого ветра убит, птомант с пеной у рта вопит, что не просто отравлен, а казнен по древнему ритуалу.

— Твой птомант давно проверялся? Не тронулся часом, этим самым, чем все птоманты оканчивают?

— Трезво говорит. В воздухе нашел эти... эманации. Сначала жертва Злому ветру, от самого убийцы, потом казнь и лишение милости. Обе ладони отсечены и тоже принесены в жертву, как и орудие.

— Этого мне еще не хватало, чтобы кто-то по старым легендам двинулся.

— Да, предполагаем, что Остап и был основной целью, все остальное для отвлечения внимания. По этой версии работаем.

— Передачу товара по линии Скотининых прекратить, пока посекундно нападение не разложите — кто, почему и зачем. Дикость. Слушай, а за что хоть казнили так по ритуалу этому, в старину?

— За предательство крови.

Смерть Пантелея не отпускает. Так и тянет проверить и выяснить, что случилось. Вроде в карету пора, а ноги сами в сторону слободы.

— Степан, проводи по парку чуть. Давай до домика лекаря и назад.

Надо Степана собой забирать предложить, только не просить, это целиком его должна быть инициатива. Да он вроде и сам уже созрел.

Сопел Степан, чесался, наконец, не выдержал:

— Борис Антонович, погодьте маленько. Лихо вы с этим, что Дашу похитил. Я бы не смог, никто не смог, а вы смогли, сдюжили.

Пожал плечами, я как человек трезвый, здоровый и самодостаточный, в похвалах вообще не нуждаюсь. И воспринимаю их исключительно с точки зрения манипуляции.

— И Петр Антонович не смог, хотя он любые проблемы разруливает на раз-два.

Чуть шаг замедлил, ждем-с, к чему он это.

— Ваше благородие, Я человек простой, грамотам не учен. Но и не только секирой махать. В охране баронской по сторонам смотреть надо и думать шибче. Возле тела Остапа, у алтаря, пропади он пропадом, следы грязи. Как есть с нашего старого пруда.

Уже интересней, кивнул.

— А ежели там у пруда посмотреть, штиблеты недалече нашел, на вас такие видал, вот, — совсем замаялся, дальше начал мямлить и заикаться, — Где душегубы Варварушку то порешили, много следов от этих штиблет. Я прикладывал, в точь совпадает.

Еще интересней, — и что дальше?

Охранник зажмурился, будто кидаясь в омут, — Борис Антонович, знаю я, что Варварушка тварь подлая. Столько слуг порядочных, честных извела и подставила. Знаю, что Остап барона обворовывал и свои делишки за спиной творил. Рано утром одел сапоги на три размера больше, и все следы у пруда затоптал. Сапоги в кузне сжег и вашу обувку тоже.

Совсем интересно. Ну что тут скажешь, не ошибся я, точно. Что-что, а правильных людей собирать — была у меня такая суперспособность, и Боре передалась значит.

— Борис Антонович, ну не учен я говорить красиво. Возьмите меня в столицу. Как болоту тут у Скотининых, тиной по горло затягивает, душит, мочи нет. Чую в вас что-то, что кровь будоражит. Как есть пригожусь. У меня и собрано все.

— Степан, пугать трудностями не буду. Понимаю, пуганый ты. А секирой хорошо владеешь?

Степан без звука наклонился. Блестящий топорик вынырнул из сапога, не секира, ну так ее в сапог и не спрячешь. Отвел руку чуть назад и разогнулся. Серебристая рыбка вжикнула и унеслась вперед. Шагов через двадцать дрогнула матерая акация. Топорик вошел так, что сердце защемило, в аккурат, где у взрослого мужика самое главное. Мне вытаскивать — минут десять раскачивать.

— Хорошая школа, без замаха, почти одной кистью.

— Оно точно, ваше благородие, не пальцем деланы. И с пращей могу управляться, и с кинжалом. Любыми повозками и экипажами. Выживать в природе могу, в отряде драться и взводом командовать тоже.

Ага, и на машинке... Но это я себе под нос буркнул, не в слух.

— Назначаю тебя начальником охраны Бориса Скотинина. Показывай, чего там у

лекаря.

У лекаря было все также, только сам лекарь не сидел на любимом кресле, укутавшись в плед, а лежал на столе, этим самым пледом прикрытый. Осмотрел сначала комнату, фиксируя все изменения. Тяжелый шкаф к двери сдвинут, но это я сам баррикаду видел. Прочие сундуки на месте, полки, шкафы не тронуты. Веревка на полу, какой-то идиот узел развязал. Жалко, узел тоже о многом сказать может. Стремянка деревянная на полу, поднял, прикинул, до балки под потолком достать легко.

Запоминал расположение предметов, царапин и пятен. Жаль я не Шерлок, чтобы по паре волос всю картину восстанавливать. Ничего не понятно, может главная улика больше скажет.

Тело сказало немногим больше. Лежало уставившись в потолок с легкой обидой и удивлением. Шея сломана одним рывком, подъязычная кость в труху. Это не шаг с табуретки, а полноценный прыжок из-под самого потолка. Вернулся к балке, не первой свежести, но толстая и прочная, на такой даже я свободно висеть смогу, если веревку потолще взять. Следы мощного рывка есть — в местах крепления со стеной свежая сеточка трещин.

Трупные пятна на всех положенных местах, кисти, стопы, точечные кровоизлияния. В ушных ходах кровь, по западанию языка понял, труп сняли часа через полтора после смерти.

Слабый запах перегара улавливался, но на самой грани. Постороннего, тревожного ничего. Осмотрел места, в которые легко незаметно игру воткнуть, шею, руки — ничего.

Странгуляционная борозда характерна для мягкой петли, волокна веревки не нарушены, как бывает если через перекладину тянут. Был бы скотч — можно было с пальцев и с шеи соскобы волокон снять, с другой стороны микроскопа все равно нет. Как хотелось забормотать вслух — «Причина смерти: механическая асфиксия вследствие сдавливания органов шеи петлей».

Закинул плед на лицо. Разочарование, расстройство. Какой же ты, Боря, ущербный. Нет ни врачебного чутья, ни интуиции криминалиста. Совсем нет, или наработать надо? Нихрена, у меня уже на первом курсе, да на первой же практике уже проявлялось. Да что там, еще до того, как медиком стать решил. Никогда мне в этом теле своих прошлых успехов не достигнуть.

Пнул сундук, Пантелей, тебе это и при жизни нужно не было, а теперь и подавно. Забрал скрутку с медицинскими инструментами.

— Степан, уходим, больше тут делать нечего.

— Барин, поняли чего? Смотрели так шибко по-ученому, будто знаете, где глядеть надо.

— Тело кто нашел? И сняли зачем?

— Так как конюшня запылала, Тришка жеребца баронского спасти кинулся и спину обжег. Мигом за Пантелеем послали. Два охранника Сидор и другой Сидор побегли, я сам послал. Потом второй вмиг назад стрелой, в петле говорит лекарь. Нам сразу недосуг было. Все душегубов ловили, потом конюшню разбирали, чтоб огонь на слободу не перекинулся. Вот Сидор первый его из петли и вынул.

Значит в тоже время, как я с Остапом семейные проблемы решал — Пантелей петлю вязал, сам или нет? Ни доказать, ни опровергнуть, ничего явного не нашел.

Следующей сценой, заслуживающей внимание, была сцена прощания с матушкой, насилу отлип, перемазанный помадой, тушью и соплями. На вокзал провожать не позволил, хватило концерта во дворе. Даша помахала из окна, прилипнув носом, не пустили на улицу

сокровище. Дядя Петя выдал манускрипт, свернутый в трубочку, обнял, по спине похлопал. Что-то незаметно в карман скользнуло.

Оглядел внимательно, серьезно, — Знаешь, Боря, я начинаю думать, что у тебя получится.

Я поглядел ему в глаза, кивнул, — Дядя, посади еще слугу в экипаж.

— Зачем? Стой. Погоди, я понял. Степан не вернется.

...

Как только карета закрипела по мостовой, расслабился, откинулся на подушках. Неужели все, вырвался? Оставляя позади нерешенные дела — последнее дело. Отчего куча людей в петле — не выяснил, а значит кто-то под ударом остался. Куда барон делся — не спросил, своих проблем хватало. Звякнула милость, особый звон и дрожь в кончиках пальцев, при поступлении денег от отца также было. Так и есть, от дяди Пети поступила целая тысяча с жизнеутверждающим напутствием — «Розу нашли, спасибо, успели вовремя. Племянник, постарайся не сдохнуть».

Кстати, чего он там в карман сунул. Коробочка в каких девчатам колечки дарят. Внутри слеза, блеклый розовый камушек. Один из четырех, которых за Дашу отдать готовили. Мог бы больше дать. Стоп, Боря, не жадничай, и на том спасибо. На дяде весь род остался, тем более что с бароном — нерадивый один разберет. Как узнать, от какого умения? Милостью придавить — применится сразу или нет?

— Егор, ты готов, ты решился?

— Ничего я не готов, чую, от тебя покоя не будет. Глаза бы тебя не видели.

Вредный старикан, но очень полезный. И с Дашей, и с Олесей помог.

— У тебя же один, а говоришь глаза. Стареешь, заговариваешься.

— Вали ты из моей жизни, мочи нет.

Последний аргумент, — Егор, хватит капризничать, как беззубый старикашка, со мной девчонка поедет, без кисти. Ей тяжело сейчас, боюсь руки на себя наложит. Если у нее перед глазами будет такой бойкий... мужчина в возрасте и тоже не целый. Понимаешь? В память о Марине, побудь рядом хотя бы пару дней.

Стыдно, Боря, ниже пояса бьешь.

— Стыдно, Боря, такими словами кидаться.

— Чего еще сказать, где тебя забрать? Мы уже выехали.

Встреча Егора прошла не совсем по плану. Услышал громко нехорошее слово на букву Б, крик, звон и грохот на крыше. Мигом выкатился, рывкнут так, что сразу сорвал голос, — Стоять оба.

На месте, где стоял Егор торчал знакомый топор, разворотив мостовую. На месте, где Степан правил лошадами — тоже кое-что торчало, один кинжал в сиденье, второй в стене сарая, аккуратно на уровне головы. Степан значит на крыше залег, Егор за кучей мусора схоронился, ждут чего-то и зубами скрипят.

Крикнул громко, надо переорать запасного слугу, изображающего недорезанного поросся, — Степан познакомься, это Егор, мой дядька.

— Я еще не согласился. А теперь и подавно.

— Борис, это душегуб, что всех твоих братьев порешить хотел, и тебя тоже.

— Егор, познакомься — это Степан, начальник моей охраны.

— Этот ублюдок меня по голове приложил, до сих пор гудит.

— Этот идиот меня чуть на пику не поднял, рубаху порвал, новую.

— Вот и славно, вот и познакомились. Здравваемся и едем дальше.

— Не стану я с этим татем здороваться.

— Шавка баронская. Это кто еще с кем не станет.

Потратил почти полчаса. Говорил сначала с каждым в отдельности, потом с обоими вместе. Насилу усадил обиженного Егора внутрь, а расстроенного Степана за руль, или за вожжи.

Егор молчит, насупился, деревянный протез разглядывает, будто первый раз видит. Надо отвлечь, пока еще чего не удумал.

— Егор, смотри вот в коробке котик рыжий, он с нами едет.

— У.

— И чего, не интересно, как его зовут и что с ним?

— Бу.

— Его так и зовут — Котик, не интересно почему?

— Бу-бу.

Понятно, тему сменим. Все непонятное и запретное из карманов сбросить до вокзала надо, путь поможет тогда. Дядька Егор, а не знаешь, что за штука это? Вынул костяную клизму, которой гопников пугал. Услышал второй раз слово на букву Б.

Дядька мигом очнулся, вскочил, приложившись макушкой о потолок, — Ты где это взял? Это же инквизиторский конвоир. В руке? Не отсохла, значит без привязки. Интересно, как? И ты с этой штукой на вокзал? А порожек ты как переступить собрался? Первый же патруль просветит.

— Нет, Степан, тут не драка, никого жизни не лишают.

Прилетел подзатыльник, резко, неожиданно, — Раз я твой дядька, значит воспитывать буду.

— Я откуда знал, что за ерунда это. Может детская погремушка. Вот, если потрусить внутри звенит что-то.

Подзатыльник — это плохо, тут только я могу раздавать подзатыльники. С другой стороны боевой ветеран с опытом. Дядькой себя почувствовал, плечи расправил, глаза блестят. Для виду ерепенился.

— Это не ерунда, не погремушка, а артефакт, для гражданских лиц запрещенный. С его помощью заключенных перевозят и опасных тварей. Шею как клещами зажимает, дернешься и голова долой.

Шею произвольно потянуло, рука сама отправилась ее пощупать, — Ого.

— За использование казнь на месте. Ты дворянин, поэтому не на месте, а после короткого слушанья, минуты в три. За хранение разрыв ноздрей и привет Рваные земли лет на пять. Ты дворянин, значит с целыми ноздрями и года на три всего. Но там все равно больше месяца не живут.

— Ты же выжил, сам говорил двенадцать лет.

Новый подзатыльник, не заметил с какой стороны прилетело, только почувствовал, что деревянной ладонью.

— Ай, если воспитываешь, я должен знать за что?

— Для профилактики.

— Спрятать можно? Ценная штука, самим не понадобится, так продать.

Старик заворчал, повозился в сундучке и завернул грушу во что-то, похожее на рыбацкую сеть, воняющую нафталином, — Знал, что пригодиться. Что еще есть, какие

сюрпризы?

— Да вроде все. А нет, вот колбочка, зелье мерзопакостное.

— Что за дрянь?

— Ты сам говорил название — Аперитив нерадивого, кажется.

— Что? — единственный глаз превратился в блюдце, — а вот за это церемониться не будут.

— А за артефакт значит церемонятся?

— Ну сам посуди — Зелье из конвек..., конвенции. За хранение казнь, за применение — казнь всего рода, всех старше 18 лет. За изготовление — лучше не знать, ты подросток не впечатлительный, но спать неделю не будешь.

Ни хрена себе, как Остап рисковал. Такое возможно только его прикрывал или сам граф, или кто покруче.

Егор достал новый кусок сети, — Как знал, запасную взял. Доставай, что еще есть? Это что за...

— Просто конверт, шутка дружеская.

Дядька вылутился на листок с иероглифом. Увеличенный глаз начал наливаться красным.

— Я сейчас карету остановлю, и сбегу без оглядки. И буду бежать до того места, где мне руку откусили. Это печать Нерадивого. И не того нерадивого, что через слово поминаем. Настоящего, за связи с которым по головке не погладят.

— Что, тоже смерть?

— Не просто. Сначала пытки. Чтобы подельников сдал. Потом очищение в источнике Злого ветра. Если думаешь, что это приятная смерть — я тебя поздравляю.

Поздравляю вас Шарик, вы Борис. Тут уже я сказал слово на букву Б и получил новый подзатыльник, — Дворянин всегда контролирует свои эмоции, и не выставляет их напоказ.

— Я умею, но столько всего навалилось, — Боря держись, пусть в роли дядьки освоится.

— Жги немедленно, с конвертом вместе. А пепел чтоб сожрал. Это что?

— Просто ножик замотал, острый, а ножен нет.

— Нихрена себе ножик. Это проводник Злого ветра. Наемные убийцы часто такие на дело берут, когда заказ на порешить извращенным способом. Если зарядить в источнике, оставляет рану, которая не закроется, пока умение не высушит. Как тебе? В штанах без ножен носил? И ничего не отрезал лишнего?

Опять полапал шею, коснулся повязки. С заживлением походу могут быть проблемы.

— Ага, понимаю, запрещен для гражданских, да?

Дядька рявкнул, — Запрещен для всего рода людского.

Глаза у меня забегали. Спрашивать про наказание за кинжал не стал.

— А у тебе еще этих тряпочек нет? Замотать тоже.

...

— Олесья, ты готова? Что на вокзале уже? Шустро. Нет, не передумал. Жди, едем.

Вот тут уже сомневаюсь, кто в кого вцепился, не ожидал от застенчивой девицы бульдожьей хватки. Получается, что я для нее шанс выбраться из этого городка, засасывающего как трясина. Или все-таки Боря у нее давняя безответная любовь?

Откинулся на мешок со своими труселями, закурил последнюю сигарету, точнее ее огрызок в сантиметр. Егор меня не знает, объяснять ничего не надо. Выпустил в потолок колечко.

— Егор, вот приложи еще пару колбочек. К остальному.

— Опять зелье?

— Ну как сказать. Капли для моего похудения, лекарь изготовил. Но в больших дозах яд. Пантелею уже все равно, значит изготовил и рецепт с собой унес.

— Боря, а откуда у тебя столько дряни, стесняюсь спросить?

— Если бы стеснялся, не спрашивал. Скотинины контрабандой артефактов занимаются, под крышей графа Собакина. Кое-кто из рода кое-что для себя оставлял. К рукам прилипало, вот и всплыло.

— Так значит смерть брата в этой стороне надо искать, может тут и барон замешан?

— Не все так просто. Новую жертву сегодня под утро из петли вынули, а у главного подозреваемого алиби.

— Да ну тебя, алиби, не верю, скажи кто. Алиби и подделать можно.

— Дядя Остап, который и меня и Марину травил. От него артефакты. Но у него алиби железное, такое не подделаешь. В это время его гитане то ли отравили, то ли зарезали.

— Чудны дела твои, Вечный ученик.

Вылезли на стоянке, мужики подхватили два моих баула. Карета дернулась и полетела назад. Степан и Егор друг на друга не смотрели, пошли демонстративно на расстоянии, от меня по разные стороны. Надо их пока разделить, пусть свыкнуться. Девчонку с носком на руке нашли быстро, но она была не одна. Сопровождающая тетка с шестым размером бюста смотрела огромными глазами, печальными как у недоенной буренки. Молчаливая и серьезная. Согласен, иметь такое украшение спереди — говорить вообще не обязательно. Зяблик тоже изменился, поменял цвет, полосы и обрел черные глазки.

Зяблик пропищал, — Боря, это Марта, моя горничная.

— Очень приятно Марта, спасибо Зяблик, передай Олесе, что это Егор и Степан, мои друзья и помощники.

Осваивается девушка с новой игрушкой. Сейчас умыта, одета, в меру накрашена. Волосы заплетены и уложены в высокую прическу. Совсем другое дело.

Марта выполнила легкий книксен:

— Борис Антонович, простите, я не смогу вам помешать, но буду стараться, чтобы молодая леди не оставалась с вами наедине до свадьбы.

Я хрюкнул, то есть выдал любимый Борин звук, универсальный на любой случай жизни.

Помощники по Олесе скользнули вскользь, с Мартой поздоровались основательно, раскланялись, толкая друг друга.

Марта мазнула взглядом по обоим, выдала чопорную улыбку и каждому по баулу. Отвернулась, ну что сказать, сзади она выглядела ничуть не хуже, чем спереди. Не зря орлы чуть не подрались, вырывая друг у друга поклажу. Был бы в старом теле, сам бы приударил, глядя в такие глаза, чудесно рассуждать о поэзии Бальмонта.

— Сейчас разделиться придется. Степан, с Олесей и Мартой пойдешь.

— Ой, а может не надо. Ой, Боря, а можно я котика возьму.

— Нельзя, котик не игрушка, за ним уход нужен, повязки менять, поить сможешь? Плюс — это мой котик. А ты вообще, хотела его с моста сбросить.

— Я!?

— Егор забурчал, — Почему не я с ними, ты сам говорил — с девочкой побыть надо.

Вижу я с какой девочкой тебя побыть потянуло. Придет время объясню, что мои приказы не обсуждаются.

— Слишком много одноруких вместе — подозрительно. Выкупайте целое купе и грузитесь. Поедем раздельно, действуют правила передвижения независимыми группами.

Пришлось эти правила растолковать.

— Друг с другом не общаемся, глазами не встречается, делаем вид, что незнакомы. Все общение по ладони. За другой группой со стороны наблюдать аккуратно. Обращать внимание на тех, кто идет следом или крутится рядом. Не вмешиваемся ни при каких обстоятельствах, даже при открытом нападении, если не было специального сигнала. Какого? Сейчас покажу.

Степан не выдержал, — Борис, это же простая поездка в столицу, ты чего удумал?

— Основа выживания в зоне вооруженных конфликтов. Теперь о том, в каких случаях какие сигналы можно и нужно подавать.

— Все запомнили?

— Степан, бумага, карандаш и конверты.

Прямо на земле написал краткие инструкции, пронумеровал конверты.

— Степан, тебе пять, просто храни в вещах и старайся, чтобы они не попали к посторонним. Олеся, тебе три. Твои не заклеиваю, а то от любопытства лопнешь. Можешь заглянуть, но делай вид, что ничего не видела, и тоже просто держи при себе. Это два для Марты. Повторяю, держать в вещах и не светить.

— Боря, что за игрушки, и мне будет?

— Егор, для тебя обязательно, но позже, сначала нам поговорить спокойно надо.

Олеся не выдержала, — Боря, мы же не в зоне, этих конфликтов, Зяблик спрашивает, зачем так сложно?

— Зяблик молодец, что вопросы задавать научился. Только глупый пока, не понимает, когда это в тему, а когда надо выполнять быстро, не задумываясь. Сделаем вид, что просто захотелось мне. Будет у нас такая игра, все вопросы по приезду. Правило действует на всю поездку. Степан, вперед, денег перевел. Егор, посидим полчаса, отдохнем.

...

Не успела первая группа отойти на сотню метров, как Олеся полетела назад, стуча каблучками.

— Боря, Борис, совсем забыла, вы, ты прав оказался.

Вздрыгнул и сломал карандаш. На чистом листке пытался изобразить что-то похожее на башню. Отдельные линии пальцы чертили без проблем, но только пытался вывести что-то похожее не только на торчащий писюн, на любую осмысленную конструкцию — все срывалось в каракули. Сделаем важное заключение — очень хреновое это дело — потеря навыка.

Осадил сразу, — Знаю, я всегда прав. Всегда и во всем. У нас был уговор. Все общение по ладони. Ты не справились с первым же поручением... и будешь жестоко наказана.

Девчонка охнула от грубого тона и несправедливой обиды.

Одноглазый бандит подал голос, — Зачем ты с девочкой так?

— Егор, не вмешивайся в воспитательный процесс, ты мой дядька, а не ее.

— Рассказывай, что у тебя.

— Милость, она ответила, откликнулась. Зяблик. Я спросила, — «Зяблик, назови финансовый баланс», и сама же сказала — «Восемнадцать рублей». Понимаешь, а хотела как обычно — двадцать три, но так само вырвалось. Хотела поправиться и вспомнила — верховая езда, аренда дорожки и костюма жокея, 5 рублей как раз сегодня списалось, в обед.

Обед! Зачем ты вернулась на мою голову. Напомнила. Я обед пропустил.

— Слышал, Егор, как внутренний голос открывать надо.

Егор завис с раскрытым ртом, — А может и мне так.

— Тебе не поможет. Не поймут люди. Одноглазый престарелый уродец с носком на руке — какая красота со стороны. И носки ты когда последний раз менял?

— Жаль не попался ты мне Боря раньше, со своими идеями, — выдал Егор и совсем тихо добавил, — Не уродец я, а мужчина хоть куда, мне Марта улыбалась, два раза.

— Зяблик, отлично, не останавливайся, упражнения продолжай. И передай Олесе, пусть Марту догоняет, а то вон Степан мечется, не решит, кого охранять. Наказание придумать Марту попроси, мне сейчас некогда.

Степану послал небольшого виртуального пенделя через ладонь, — Я тебе кого защищать поручил? Бороду выдерну. Успеешь сиськи помять, вам в одном купе двое суток трястись.

До здания вокзала дойти не успели. Точнее успели бы, если бы я не сделал крюк до палаток местного фасфуда, оттуда так умопомрачительно пахло, что ноги завернули сами. Ну надо, надо что-нибудь внутрь Бори закинуть, пусть он хоть на минуту успокоится.

Красная спортивная тачка взревела прямо за спиной, звук узнал сразу, только вблизи он оказался гораздо громче. Машина юзом пролетела по дуге, окатила из лужи и боком перегородила дорогу. Ниже спины заныло, не сулит эта встреча ничего хорошего. Паршиво получилось, и Борю не покормил, и перед ребятами неудобно.

Как и предполагал, народу внутри набилось как в маршрутку в час пик. Из узкого сплюснутого кабриолета вылезло пять молодых мажоров, две смешливые девчонки и здоровенный амбал в черном костюме. Толпа мгновенно окружила полукругом.

— Э-э-э, с кем имею честь?

Сказал я похоже что-то смешное, грубо заржали, перебрасывая друг другу бутылки с напитками. Амбал приблизился и навис как скала.

— Ты гляди как Скотинины сынка раскормили.

— Афоня, он вблизи еще жирнее, чем на фото.

— Мальчики, а кто это... такой упитанный? Это из-за него мы здесь?

— И это туловище в столицу учиться?

Скала сдвинулась, качнувшись с носков на пятки. Сквозь оттопыренные уши подсветило солнце. Заревел басом, — Ты что с дуба рухнул. Перед тобой виконты — Гавриил и Афанасий Собакины. Свинья, в лицо своих хозяев знать надо, забыл, кто вас ничтожных кормит и чешет?

Егор зашептал на ухо, — Его сиятельства сыновья. Неприятности будут.

Насчет неприятностей я и сам догадался, — Егор, отойди в сторону и начни снимать видео.

— У меня же рука деревянная. Милость же.

— Не важно, просто сделаешь вид, десяток шагов в сторону и соединишь ладони. Если на тебя обратят внимание — хватай сумку с артефактами и немедленно уходи. Не вмешивайся и помогать не вздумай. Стоп, снимать не надо, гляди любопытных вокруг сколько — без нас снимут. Просто пяться в сторону, пока все внимание на меня, сумку спасай.

— Преклони колени и протяни ладони. Перед тобой клановый перстень старшего.

— Ладони протяну, на счет коленей — не уверен. Дворянин ни перед кем не преклоняет колени, кроме своего императора.

Это был экспромт, так должно быть теоретически, или не так? Надо или не надо перед императором? А может и перед графом надо?

— Оно что-то хрюкнуло.

Амбал рывкнул, — Покажи вызов.

— Я это, чего?

Тяжелая ладонь легла на шею, придавив как железнодорожная шпала. Между прочим прямо на рану, не прекращающую ныть и дергать.

— Полегче Артур, не придуши раньше времени.

Голос из-за спины. Как же не люблю, когда заходят за спину.

— Вызов покажи, скотина. Виконт Афанасий ждать не любит, — проревел амбал и

кивнул в сторону прилизанного и напوماженного франта.

Типичный аристократ с тонкими усиками, в белоснежном костюме с тростью. Вид портили огромные очки-консервы, сдвинутые на лоб. Один из виконтов за рулем сам.

Я забормотал, — Вызов, да вызов. Где же он? — начал торопливо ощупывать, хлопать по карманам, которых у футболки почему-то не было.

Голову тряхнуло, — Нам долго ждать?

— Он что, язык проглотил? Отвечай, это тебя, значит, в академию выбрали? А не жирно ли будет?

Ну далась вам моя шея, обязательно на нее все шишки. Боре, между прочим, на ней голову держит, которой еще думать.

— Да, да, сейчас, вызов, вызов. А-а-а вызов, бумага такая! Да, а что вызов?

Подал голос второй виконт, рассуждая глубокомысленно, — За меня отец полтинник за семестр платит, а ты значит бесплатно собрался? Несправедливо, наш отец горбатится, чтобы содержать вас лодырей. Посмотри на него, только жрать, а теперь и учиться бесплатно.

Кто-кого содержит поспорить можно, но момент не подходящий. Тон знакомый — это тварь из тех, кто возражений не терпит, обидчивая и ужасно мстительная. Вид тоже под стать — одет в подобие мантии с кучей нашивок. Волосы кожаным ремешком перетянуты, в ухе здоровенная серьга с камушком. Да это же розовая слеза. Вот как богатство тут продемонстрировать нужно, а не костюмом с кривыми пуговицами.

— Согласен, брат, я просто глянуть хотел, на этого, кого Скотинины выбрали. Но думаю тут вмешаться придется, принципиально.

Рожа с серьгой перекосилась довольно, — Точно, брат, вызов Скотининым, а они наши вассалы. Собакиным такой тоже пойдет, по старшинству. Со всего Дальнего Востока по всем квотам только одна фамилия поступает — Зайцевы. Потому, что у маркиза самая крепкая рука. А Скотининым одолжение будет — ты вот этого в академии представь. Он же сдохнет там через три дня. Отец еще и спасибо скажет.

— Все равно отец сердиться будет, просил же на каникулах без происшествий.

— С чем тут происшествывать? Да я все равно с ним что угодно сделать могу, кроме убийства, а он даже вякнуть не смеет. А за убийство да, катастрофа, оштрафуют так, что две недели по клубам не ездить.

Нормально так беседуют, будто я пустое место. Красиво старший подбивает брата отобрать бумагу, а сам вроде и ни при чем. Крутнул головой по сторонам. Опять рядом ни одним оком не пахнет. Зато народа привалило. Сначала мобиль снимали, а теперь на намечающееся веселье переключились. Бесплатная потасовка — это лучшее развлечение, особенно когда лично ничего не угрожает. Десятка три человек застыли в одной позе с ладошками. Лоточники с пирожками тут как тут, эти точно знают, где прибылью пахнет.

Так, удар по шее был, тычок в живот тоже, выходит первый не я начал. Ох чувствую, чувствую, что сейчас я совершу поступок, о котором буду жалеть. Вот сейчас, вот, еще пару секунд.

Наклонился в сумку, долго шарился, засунув руку по локоть. Скосив голову на бок, поймал взгляд Егора, очень красноречиво единственный глаз намекал — Боря не надо. Как будто понимает, что сейчас будет.

— Скотина, сколько ты еще возиться будешь. Я могу и кнут взять.

— Брат, нельзя кнутом аристократа, только холопа, забыл?

Старший усмехнулся, — Кнутом нельзя, общество не одобрит, а вот кнутовищем зубы выбить — в самый раз.

Последнее шкребуршание по дну сумки, просветленное лицо, — Нашел, слава Вечному ученику, нашел, держите, — медленно вынул из баула руку, на ходу превращающуюся в скрученную фигу, и сунул обоим виконтам под нос. Как вам такая магия. Пошевелил большим пальцем, — Держите вызов!

Жаль не успел увидеть глаза пары ублюдков, которым никогда в жизни никто не смел возражать. Удар под колени пропустил. Амбал всегда на краю поля зрения держался. Исчез на долю секунды и все, лежу на спине и обзираю бескрайнее голубое небо. Работу спеца видно, телохранитель драгоценных особ, такому мне противопоставить вообще нечего. Сами особы и пара друзей живо обступили и начали окучивать ногами. С гиканьем, свистом, девичьим подбадриванием. Меня взрослый мужик запинать не смог, а тут четверка доходяг. Хотя удар старшего виконта поставлен лучше.

— Матвей, ты чего от коллектива оторвался?

— Нельзя мне, вам что, вы Собакины, а меня по судам затаскают.

— Не бойсь, мой батя кого хочешь засудит.

— Нехорошо, вот так толпой и лежачего.

— Тогда вещи его потруси, где-то вызов там.

— Да чтобы Матвей Девяткин в чужих вещах рылся!? В моем роду никогда так не унижались.

— Трус, пешком назад пойдешь.

Телохранитель Артур в отличие от этого Матвея щепетильностью не отличался. Живо разворошил мои скромные пожитки и извлек свернутую трубочку.

— Господин виконт, грамота у меня!

Звякнула милость новым звуком, особо протяжным, подушечки пальце закололо. Заняты руки, локти бока прикрывают, кулаки лицо, но очень надо эту новость посмотреть.

Осторожно приоткрылся, и рожа сама расплылась в улыбке, вот этого я и ждал. Большая надпись, красивая:

Борис Скотинин. Отказано в праве на принадлежность к фамилии. Изгнан из рода с лишением дворянского достоинства.

Восстановлено право второй очереди по материнской линии.

Борис Тараканов

— Харита, ступень 3 (кандидат в дворяне по праву рождения), прогресс 8 из 2016

Для подтверждения принадлежности к сословию требуется прохождение ритуала кормления предков.

С харитой интересно, таки удержалась на третьей ступени. Надо завязывать нарываться, любая публичная выходка — пойду вторую ступень осваивать. Мать из побочной ветви Таракановых, а это княжеский род, покруче Собакиных. Как ее за Скотинина выдали, не удивляет, учитывая какие тут водятся артефакты и зелья.

А ничего так новая фамилия, значит не Скотина я больше, я теперь Таракан!

— Ты гляди, мы его пинаем, а он в милость залип и лыбится.

— Пусть лыбится, дебил, вызов уже у нас.

Четверка оставили терзать мою тушку, собрались в кружок и уперлись лбами. Только амбал придавил ботинком, типа лежи и не рыпайся. Пятый не одобряет подельников, нахмурился и у машины ногти грызет. Между прочим, совсем не трус — открыто друзьям

сказать, что не принимает участие в шалости — мужество нужно немалое. Тем более друзья знатней, богаче и круче по всем направлениям.

— Читай скорей.

Минута тишины, бурчание и сопение.

— Не понял, что это за вызов такой? Никогда такой не видел. Именной, как это?

— Не понял, еще раз, так он что не на фамилию?

— И я не понял, дай сам посмотрю.

До виконта в мантии дошло быстрее остальных, — Это дорогой брат, именной Имперский вызов, выдаваемый за особые заслуги. Прием без экзаменов в любой лицензированный университет, факультет на выбор. К сожалению, персональный, прикреплен к личности. И на личном контроле э...

— И за какие заслуги такие? Эй, жирный, за что тебе говорят. Стой, ты куда собрался?

— Как куда? Домой. Как я понимаю, ехать в столицу мне теперь не надо. Именной вызов при свидетелях конфискован людьми графа Собакина. Имперским дознавателям объяснять будете — почему я не приехал.

— А ну стоять, мы тебя не отпускали.

— А вы уверены, что мне требуется ваше разрешение?

— Ты Скотинин, а значит обязан...

— Погоди брат, тут написано, — «Явиться Борису Тараканову».

Печально, была вероятность, что там останется Борис Скотинин, и Тараканову учиться вовсе не обязательно. Но это слишком просто. Так пачками бы от учебы или службы косили.

Напряженное перечитывание, разглядывание со всех сторон. Бедный манускрипт, тебя только на зуб не попробовали.

— Это Скотинин, я его фото видел. И вызов из Белозерска только один был.

— Сам вижу, что Скотинин, не понимаю, как так?

Удивленный враг — побежденный враг, как минимум наполовину, ну или на четверть.

— Судари, вы меня с кем-то перепутали, избили, унизили и отобрали документ императорской важности.

— Держи свой документ, важности, — Афоня швырнул бумагу под ноги, которая сразу свернулась в трубку, — Ты обязан сказать, что...

— Не уверен, что кому-то из вас чем-то обязан.

— Как ты смеешь?

Соединил ладони. Вызов исправника.

— Матвей Фомич, Боря, Борис желает вам доброго здравия, — фамилию не стал называть, ни прошлую, ни настоящую, только вопросы лишние возникнут.

— Чего тебе? Я делом занят.

— Да вот решил, дадите еще раз пест потрогать?

Собеседник задохнулся от негодования, — Ты, да ты...

Нормально, внимание привлек, теперь можно по существу:

— Извините, шутка неудачная. Тут на площади перед вокзалом молодые виконты Собакины публично оскорбили и избили аристократа. Нет не вассального, из княжеского рода. Абсолютно без причины. Записи? Конечно есть, тут человек пятьдесят засняли каждую мелочь. Знаю, что не по вашей части, но у вас же связи есть, пожалуйста, сообщите, куда следует. А то эта страшная женщина, которая нам беседовать помешала, обязательно опять вмешается. Ну вот зачем вам клановая война территории Белозерска?

Слушали мой разговор внимательно, все четверо, даже амбал стал чуть пониже ростом. Афоня выдал, — Он и оберов вызвал.

— Не сделают нам ничего оберы, вся власть у отца в канцелярии. Давай, звони ему и сознавайся.

— А че я? Вызов ты отобрать решил.

— А ты меня почему не остановил? Ты умнее и старше.

Надо в правильное направление их подтолкнуть. Побили крепко, во щеку опять разодрали, которая только корочкой покрываться начала. Губу разбили, одежда, очередной комплект только на тряпки. Но Боря персонаж не обидчивый, разумеется, если удастся выйти с прибылью.

— Господа, как будем решать возникшее недоразумение?

Тупят и друг на друга смотрят.

— Судари, инцидент, который между нами произошел, можно было посчитать детской шалостью, но среди взрослых людей так не принято.

Виконт, который Гавриил, недобро прищурился, — Погоди, идея есть. Брат, ты забыл, что конфликты с вассалами решаются только через канцелярию.

— И что?

— Конфликты с вассалами решаются только через канцелярию!

Туго до Афони доходит, Боря и то догадался — не видать нам с ним прибыли.

— Афанасий, конфликты с вассалами решаются только через канцелярию, а он не вассал.

— Подери нерадивый, он же не вассал, — до Афони тоже дошло, — Борис Тараканов ты оскорбил мою честь и достоинство, ты показал мне фигу. Это оскорбление можно смыть только кровью. Я вызываю тебя на дуэль чести. Здесь и сейчас!

С фигурой, конечно, погорячился. Но зато как красиво было. С другой стороны, все равно нашелся бы повод. Не привыкли братья признавать свои ошибки. Единственный вариант замять дело до приезда канцелярии и прочих органов — сделать так, чтобы Боря больше никому ничего не сказал. Лишать тебя сейчас Боря будут самого дорогого — твоей никчемной жизни, публично и показательно.

Стоит Афоня, ладонь задрал, ждет чего-то, неужто меня? И типа отказавшись я навсегда лишаясь чести, становлюсь изгоем и бла, бла, бла.

— Борис Тараканов отказывается от дуэли.

Гавриил задохнулся от возмущения, — Что, он отказался, все слышали? Да ты просто трус.

Довольно растянул губы, — Это точно, еще какой!

— Трус, жалкий, ничтожный.

— В самую точку, и чувствую себя от этого просто великолепно. Еще вопросы есть?

С Афоней и его друзьями бы прокатило, но этот старший чуть умнее, ненамного, как раз настолько, чтобы не дать расстаться по-человечески.

— Афоня, раз у него нет чести — он не может считаться дворянином. А значит его можно наказывать как простого холопа. Ну ка братишка, проучи, покажи мужику его место.

Афоня сбегал к машине, вернулся без трости, но со здоровенным кнутом. Неспешно развернул, разминая плечи. Худое оружие. Никогда мне не нравилось. В умелых руках вещь страшная. Если этот крендель им умеет владеть, дела мои хуже некуда. Хороший пастух за десять метров снимает с уха коровы слепня, не повредив животинку.

В подтверждение мыслей, все остальные участники резво бросились в стороны.

Кнут щелкнул в воздухе. Афоня вытянул руку с растопыренными пальцами, от хлыста во все стороны побежали блестящие водяные жгуты. Поползли как сытые удавы. Вроде не быстро, но сразу во все стороны, ни убежать, ни увернуться. Одна из петель захлестнула лодыжку. Коснулась кожи.

Мама, это не вода, ногу ожгло кипятком, и штанина задымилась. Попытался подпрыгнуть, но не в том я теле, чтобы две ноги зараз от земли отрывать. Я и одну могу с трудом, когда руками надежно упираюсь. Попробовал отшатнуться, поскользнулся на ровном месте, шлепнулся на задницу.

Накрыло ржанием со всех сторон:

— Покажи ему, Афоня, покажи.

— Сдери с него шкуру, чехол на мобиль получится.

— Это не аристократ, а тварь безродная, скотина жирная.

Спину жигануло так, что вскочил как мячик и заплясал на месте.

— У-у-у.

Вентилируем легкие, глубже, еще, еще. Пока не начну задыхаться от кислорода. Активировал воздух, закрутил вихрь вокруг тела. Стиснул зубы до хруста, пришлось скорчиться, чтобы держать ладони ровнее, коробка с котом под мышкой.

Еще, сильнее. Все силы, все напряжение в вихрь. Стена воздуха поднялась такой силы, что начал видеть окружающих через мутное стекло. Можешь же Боря, когда приспичит.

Еще, еще сильнее. Показалось, что не чувствую опоры. Боль в ноге и спине утихла, прервал значит мой кокон едкую дрянь.

Покосился вниз, пресвятые ежики, от башмаков до земли метр. Вот так значит, Боря, в воздух подниматься надо. А говорил — не могу.

Афоня начал раскручивать хлыст. Водяные струи заколотили по моему кокону, выбивая разноцветные брызги. А броня то держит!

Больше напряжение, больше эмоций и воли в руки. Сильных эмоций, не эйфории, а здоровой злости и гнева. Как же вы все меня достали, дебилы малолетние. Почувствовал, как под носом намокло. Не важно, кровь это или сопли. Не отвлекаться, сильнее, быстрее, выше. У меня есть цель. У меня теперь есть люди, которые мне доверились. У меня теперь есть сестра и мама. И еще кот у меня, прости дружище, надо было тебя Егору раньше передать.

— Эй, он что сбежать, улететь собрался.

— А вихрь хорош, такое тело поднял.

— Ага, тебя кислотной плетью пригрей, на луну заберешься.

— Эй, трус, а ну вернись и сражайся.

Сквозь ревущую, стонущую стихию рассмотрел площадь, да тут зевак уже не меньше сотни. Не отвлекаться. Я же метра на четыре поднялся. Вот же скотина, такие эксперименты бы на своей полянке.

Метров на тридцать от моего кокона ровный круг. Мостовая блестит, ни листьев, ни пыли. Подмел и дворника не надо. Что за мысль? Ага, дворника не надо, кого не надо? Стоп, ни листьев, ни пыли.

Запоздало ты мысль приходишь, и коряво. Соображать надо быстрее — моей анамы на пять минут хватало для вихря на ладони. А при таком расходе...

Через секунду я уже летел вниз. Анама кончилась резко и без предупреждения, кокон просто исчез и все. Кислота снова обожгла спину. Сердце ухнуло в район стоптанных

шпикетов, обхватил коробку с котом двумя руками и сжал зубы.

Законы физики во вселенной едины. Следующее, что почувствовал это удар спиной, выбивающий дух, резкую боль в затылке. Недовольный кошачий визг и вкус крови во рту почувствовал секундой позже. Свет померк, прикусил язык и на секунду отключился.

Ни листьев, ни пыли. Рука к уху:

— Степан, есть в усадьбе кто-то надежный, кто способен выполнить простое поручение и не будет болтать лишнего.

— Как не быть, хоть Сидор, хоть второй Сидор, оба надежные. Или еще один Сидор есть — на воротах охранник. Из того вообще слова не вытянешь.

— Первые два не пойдут, они тело обнаружили, значит могут быть замешаны. Свяжись с третьим, попроси аккуратно, без лишних глаз, войти в лачугу лекаря, подняться на стремянке к шкафу в углу и сделать фото, что там сверху.

— Сделаю.

Меня волокут, я снова в родном поместье на собственной свадьбе. Сейчас будет вонючее лечение и холодный душ. Как хочется под душ, просто бы воды глотнуть. Степан...

Нет, меня просто переворачивают враскачку, поднимая с... Вечный ученик, куда же ты смотрел?

Прямо под моей пятой точкой находился Афоня. Рука сломана в паршивом месте, локоть наружу, это он что рукой от падающего слонопотама закрылся? Не стой под стрелой — мудрость, выстраданная тысячами прорабов. Перелом — плохо, но гораздо большие опасения грудь, точнее блин, который от нее остался. Кровь изо рта, носа, ребра сложились и проткнули легкие. Дышать не может, сипит, шлепая синими губами. Кровь изо рта толчками, значит сердце не задето, работает. Что можно сделать? Немедленно в операционную с современным реанимационным оборудованием. И там пятьдесят на пятьдесят.

Или можно по-другому... Портал загорелся, мелькали люди, ага, лекари. Не может у виконтов не быть вызова экстренной помощи. Один, второй, третий. Афоню подняли и унесли. Гости нырнули туда же. Ага, не все.

Кажется, я остался один на один со старшим виконтом. Охранник ни в счет, сотня наблюдателей побоку. Егора, уныло косящего глазом, можно тоже не считать, он артефакты сторожит, за которые по совокупности...

Гаврилу колотило крупной дрожью. Зрачки расширились до размеров колес мобиля. Не бывает у нормальных людей таких зрачков, значит закинулся чем-то, а это совсем не к добру.

— Ты что натворил, скотина?

— Могу задать тебе тот же вопрос.

— Что? Одно мое слово, слышишь, одно слово.

Я приподнялся, щупая разбитый затылок. Поднял мятую шипящую коробку. Прости товарищ, — Ну и чего ты добился? Может остановимся и поговорим нормально?

— Артур перережь этому ублюдку горло.

— Артур, если ты убьешь аристократа на глазах половины города, канцелярия не поможет. Реши, что тебе важнее, слово малолетнего имбецила или репутация клана. Один сын не факт что выживет, второму отец не простит позора и останется без наследников.

Артур остановил шаг и застыл, опустив оружие.

— Что? Артур, это приказ.

— Господин Гавриил, я служу не вам, а клану Собакиных. Сейчас надо просто уйти, поквитаться можно позже.

— Артур, предатель, дай сюда, я тогда сам все сделаю.

Виконт выхватил у охранника кинжал, но сразу не кинулся, начал осторожно приближаться, по кругу.

— Скажи Гавриил, к чему все это? Наши семьи связаны не только вассалитетом. Зачем ставить под угрозу успешный совместный бизнес? Рушить то, что наши предки выстраивали десятилетиями. Учеба стоит сотню тысяч в год, поставки Скотининых приносят вам миллионы.

Даже если это не так — все равно что-то говорить надо.

— Ты боишься. И вообще, ты не Скотинин, ты насекомое.

Это он меня или себя убеждает?

Выпад. На покачивающихся ногах успел отпрыгнуть, но рукав зацепило. Блин, ну не котом же отбиваться.

— Через десяток лет ты сменишь своего отца и тебе также придется руководить делом. Вас отец зачем послал — познакомиться с сыном Скотинина перед учебой. Надо было поддержать и проводить на поезд. Так? Ты же студент. Поделился бы опытом, рассказал веселую историю. Что пошло не так?

— Все не так, скотина. Никто нас не посылал, мы сами.

Приставной шаг, обманный замах и снова выпад. Поймал взгляд Егора, показал одними глазами — нет, не смей, у тебя своя задача.

— Что тебе даст победа надо мной? Я не боец и ты не станешь чемпионом. Не заработаешь денег и красавицы рядом нет, которая кинется в объятия. Зачем тебе пустая победа? Твой брат пострадал случайно, но, если копнуть — определенно, по твоей вине.

— Тебе страшно. Ты прячешься за слова. Ничтожество, ты думаешь я отвечу?

— Ты уже ответил, тебе хотелось всего лишь подставить брата.

На площадь вылетела пара карет, телеги и десяток всадников. Начали выписывать круги, отгоняя толпу свистом и щелканьем бичей.

Рявкнул рупор, — Господа, с вами говорит обер-исправник Белозерской волостной управы. Прошу прекратить конфликт, сложить оружие и проследовать в экипаж.

А что, вовремя! Вовсе не охота Боре зарезанному быть, не понравится ему это. Вот прям предчувствие у меня такое. Покосился на Гаврюшу — досада, недоверие, обида.

Прямо над головой открылся портал, не такой мелкий, какие раньше видел, а большой, гудящий как трансформаторная будка. Как горох посыпались люди, деловые, серьезные, вооруженные до зубов.

Голос раздался громкий безо всякого рупора, магией усилен, не может человеческая глотка орать так, что хвоя с ёлки опала, — Господа, вы находитесь на землях, принадлежащих клану Собакиных. Бюро безопасности просит бросить оружие и поднять ладони. Всех неприсяжных немедленно покинуть площадь под страхом немилости Его сиятельства.

Вот это серьезная контора, не на лошадках, а порталом, и на исправника им насрать с высокой колокольни. Быстро граф узнал, что с сынком приключилось. Гаврюша расцвел, беспомощная улыбка на ходу превращалась в хищный оскал.

Третий портал ничем не впечатлил, его просто вообще не было. Люди, закованные в черное матовое железо, просто появились среди прочих. Вооруженные не пещерными орудиями, а короткими черными автоматами. Прибывших людей и пару наблюдателей в серых хламидах вообще никто не заметил. Не каждый день на площади появляется здоровенная железная будка на трех куриных лапах, которая загудела и начал водить по сторонам парой раструбов.

Кто в Старкрафт играл, такими вещами не напугать. Я сам не играл, но на Левушкины баталии через плечо смотрел. И смотреть особо нечего, вроде местного танка, а пламя и пар из сочленений — как раз для устрашения аборигенов.

Голос хлестанул тихий и вкрадчивый, цепляет за душу, такому отказать никак нельзя, — Вы находитесь на территории Российской Империи. Второй отдел Имперского инквизория просит всех граждан без исключения сесть на землю и коснуться ладонями земли. Оставшиеся на ногах через десять секунд будут развоплощены. Девять, восемь...

Погорячился я, прошлую контору серьезной назвал. Вот это я понимаю служба. Группа с захвата при поддержке боевой машины. То, что я допрыгался, это, как говорится, и Вечному ученику понятно. Но людям графа гадость тоже.

Сижу, дышу, точнее пытаюсь отдышаться. Разбитый затылок саднит, за шиворот натекло. И как же все-таки хочется ЖРАТЬ. Боря, тебя бьют и пинают, а все мысли — как бы брюхо набить.

— Два, один...

Надо же, нашлась пара деби..., пара отважных и храбрых, кто решил проверить слова на деле. Двух мужиков, продолжавших стоять и лыбиться, скрутило, как выжимаемую половую тряпку, и швырнуло на землю. Красиво языки вывалили, примерно также Шварц показывал в фильме «Вспомнить все». Наверное, они этот фильм не смотрели.

Фигуры в светящихся латах загнали людей Собакина в портал. Подгоняя прикладами и

пинками, век бы любовался. Гаврюшу достаточно вежливо под руки провели в карету к исправнику. Мне указали пальцем на вторую. Тоже вежливо, но настойчиво. Нашел глазами Егора, улыбнулся и пожал плечами, надо поддержать, а то увидит кислую морду, непойми чего надумает.

Дорога — вообще ничего интересного. Везли как особо охраняемую персону. Обер с каждой стороны и тройка на лавке напротив. Кавалерия по бокам, шашки наголо, почти как уважаемую персону.

Слепок милости делать не стали, что радует. Не хотелось бы светить, что там за три дня поменялось. Зато медицинский осмотр провели по всем правилам. Лекарь, больше похожий на здоровенного мясника ничего лечить не стал. Просто ощупал каждую складку, зарисовал и сфотографировал все синяки, ссадины и ушибы. Все под присмотром исправника, не сводящего с меня глаз ни на секунду.

В оконеч на руки одели полосатые носки. Ух, будет у меня два Зяблика. Ан нет, с дырками для пальцев. Оказалось чехлы для милости. Застегнули браслеты на предплечье. Ткань прочная, сидят плотно. Как понимаю, с ними не то, что не поколдуешь, и не позвонишь никому.

— О, погодите, а мне что, звонок не положен?

Исправник усмехнулся криво, — Чего раньше молчал, что законы знаешь? Ну, ну, давай, звони папочке, жалуйся.

А что, если не знаю, их исполнять не обязательно? Надо свой звонок потратить на что-нибудь полезное.

— Степан, все нормально, устроились?

— Да, выехали, сидим качаемся, смотрю, гляжу. Только вас...

— Без вас и без только. Третий вариант готовь.

Исправник дернулся, — Ты кому звонил, что за вариант, что за третий?

— Матвей Фомич, это мой слуга Степан. Стол номер три — это пелемешки. Люблю я пелемешки прямо сил нет. Вот номер три, чтобы лепили, а как приеду — сварят. Но еще больше пелемешков — люблю окрошку, — это номер два. И не со всякой ерундой, типа кефира, а только с настоящим квасом. А номер один — это чесночные колбаски с пивом. Их...

Опять дежавю. Знакомая допросная, стол, вода, стена из темного стекла. А где сигареты? Закурил бы, плевать мне сейчас на все. Прятаться, дурачка играть. Мозги бы прочистить не помешало. Чем они так засоряется, если их постоянно прочистить тянет?

— Что же ты Боря, как же ты так обделался?

Привстал, покосился на сиденье. Ладно, не надо переигрывать.

— Эй, чего, они первые напали. А я чего?

— Про нападение погоди, дойдем еще. Вот, жалоба на тебя первая, утром на мосту подбивал дочку Мухина с моста спрыгнуть. Если бы не заслуженный переговорщик — мастер Люций, прямо не знаю, что бы было. А ты знаешь, что у Матвея Мухина лучшие лошади во всей области? И контракт с городом. То-то, откуда тебе. А понимаешь, что тебе за срыв поставок важнейших стратегических продуктов будет?

— Э-э-э...

Не давая опомниться, исправник продолжил, — Вот вторая жалоба, честный гражданин Виталий Замесов утверждает, что ночью был избит и ограблен. Да, у гражданина Замесова были в прошлом проблемы с законом, по молодости. Но он давно встал на путь исправления.

Хочешь увидеть словесное описание нападавшего? А знаешь Боря, сколько за последнее время нападений на порядочных людей у этого моста? Вот стопка — только за последний месяц. Получается, что все дела теперь раскрыты!

Дальше продолжать? Мешал следствию обер-старшине Василию Холодцову. Он такое дело громкое раскрыл, на повышение пойдет. А ты мешал, все записи приложены. За препятствие следствию у нас медали не дают.

За что тебя отец из рода выгнал? Думаешь не узнаем? Следствие все докажет, покажет и на чистую воду выведет.

Новые случаи смертей в усадьбе опять вокруг тебя. Слуга кому еду носил? Лекарь кого лечил? Теперь не отвертишься.

Я молчал, только с каждым словом исправника челюсть раззявливась все сильнее, приближаясь к столу. Аргументы железные, ни с чем не поспоришь, пытаться оправдываться — только глубже увязнуть.

— Ну что, теперь к главному перейдем. Говоришь у вокзала не ты конфликт начал? Как же так, а я вот совсем другое вижу. Тебя как генерала встретили, на мобиле, только без оркестра. Дружески по плечу похлопали, корректно и вежливо, а ты? Раз — нагрубил, два — валяться начал, не как аристократ, а словно какая пьянь подзаборная. Лицом Гавриилу Арнольдовичу большой палец на ноге ушиб. Плохо тебя, Боря, манерам учили. Немыслимое дело — сыновьям графа Собакина дулю под нос. В отсталой Европе за такое бы сразу на кол.

Надо инициативу перехватывать, только как?

— А нельзя другое видео посмотреть, это издалека и разговора совсем не слышно.

— Нет, Боря, это единственная сохранившаяся запись. Не перевелись еще равнодушные граждане.

Исправник продолжил, — Ладно, это все мелочи, пусть не подумал, оступился, понять трудно, но можно. А вот это падение твое, это очень серьезно. Это покушение не просто на сына нашего Светлейшего. Это ты на саму власть руку поднял, на руку, которая не только тебя кормит, а всю нашу южную вольницу.

— Это была дуэль, и не я ее начал.

— Ты отказался от дуэли, громко и при всех, — выпалил исправник и поднял вверх указательный палец.

— Вы же сказали, нет записи, где разговоры слышно.

— Ах, вот ты как заговорил? А показания свидетелей ты учел?

С моей стороны тоже свидетель есть, но я его не привлеку даже на плахе.

— Я не виноват, что упал. Анама кончилась.

— А это еще проверить надо, сама она кончилась, или ты так момент подобрал.

— Ничего я не подбирал, я, можно сказать, первый раз в жизни в воздух поднялся...

Исправник перебил, — Дело мне просто видится. Завидовал братьям Собакиным, так? У них богатство, знатность и мобиле есть. И красивые девочки с ними дружат. Скажи, давно задумал напакостить или, скажешь, опять просто кушать хотел? Ладно, можешь ничего не говорить, а я за тебя уже все написал, и признание, и прошение о помиловании. Наш же граф, он не изверг какой. Поворчит-поворчит и простит.

Немного подзавис от такого поворота, на стеб похоже или дешевый развод, но говорит серьезно, уверенно. Ан нет, в уголках глаз тщательно скрываемое торжество. Это концерт, только не понятно, для меня или для кого-то еще. Если концерт, то в нем может участвовать несколько инструментов.

Подписывай бумаги и иди в камеру, как раз сейчас у заключенных обед. Ты же не хочешь обед пропустить? До завтра посидишь, а там и решения канцелярии поспеет.

— А почитать как же? Отец учил, что бумаги, это серьезное дело, надо сначала все изучить. А если не понимаю чего — надо у знающих людей спрашивать. Вот слово — аффекта, совсем незнакомое. Не знаю я такого.

Видя, как я кручу исписанную кипу, исправник не выдержал:

— Ты что, документы не подписывал никогда? Пора мальчика в коротких штанишках отбросить, взрослая жизнь, поступки взрослые, и за них надо отвечать. Приложи ладонь вот на специальное место и мысленно согласишься.

— Не получается.

— Чего не получается, для идиотов сделано, большой черный квадрат.

— Да не, квадрат нашел, квадрат знаю, это как треугольник, только потолще. Согласиться не получается. Вот прямо все внутри говорит, прямо говорит — ну не так все было.

Усы дернулись в раздражении, — Ага, понятно, бывает. Значит тебе чуть помочь надо, чтобы согласие получилось. У нас тут часто так, сейчас с тобой добрый дядя поговорит, и согласие само-собой получится.

Добрый дядя вошел через секунду после знака исправника, будто стоял за дверью. Не высокий, но крепкий, с бычьей шеей и сонными глазами. Подошел к столу и спокойно без эмоций начал наматывать полотенце на небольшую дубинку.

Как по заказу послышался пронзительный крик. Истошный и берущий за душу, сверху справа. На верхнем этаже как по заказу что-то приключилось. А кто у нас на происшествия первый смотреть кидается — те, кому нос в любые делать совать надо. Если око смотрело через стекло, значит оно сейчас побежало искать источник воплей, если я в этой жизни что-то понимаю.

Исправник засуетился, — Пойду гляну, кто там палец прищемил, вы тут тихо посидите, не шумите пару минут.

Только дверь закрылась, добряк сделал шаг вперед и без замаха ткнул орудием в плечо. Рука мгновенно повисла плетью.

— У-у-у, больно.

Дубинка выписала крендель перед носом. Добряк помахал ей в воздухе, принаравливаясь, постучал по ладони. Удар сбоку по шее, снизу по почкам и тычок во второе плечо. И на все секунды полторы. Отличная связка, быстрая и безотказная.

— А, а, а, не бейте, за что.

Потом была двойка по ногам, от которой я повалился на пол лицом вниз.

— Дяденька, не бейте, помогите.

Удары посыпались с разных сторон, точные, острые, ни разу не повторился. Мастер, за ногу его дери, и ведь синяков не будет. Как по учебнику — все в нервные узлы.

Я орал после каждого тычка, стонал, ворочался на полу, как медуза, брошенная на берег. Неспешно вошел исправник, глянул в зеркало, поправил воротничок, — Ой, Боря, ты упал, как же так, не осторожно. Не лежи на полу, простудишься. Ну как, появилось согласие? Или мне еще погулять?

— Ой, Матвей Фомич, появилось, появилось, прямо наружу рвется. Только встать надо.

Вдвоем подняли меня, взгромоздили на стул с покосившимися ножками.

— На, подписывай и вали в камеру.

— Ой, дяденька исправник, согласие то появилось, вот только теперь появилось еще маленькое сомнение. Прямо такое крохотное. Может не нужно ничего подписывать, пока матушка не приедет? Или дядя Петя? Как вы думаете, а?

Исправник скорчил кислую рожу, переглянулся с помощником, — Сомнение? Да, так тоже бывает. Сомнение — это плохо, но у меня есть радостная новость. Мы умеет делать так, что сомнений не остается.

Новый знак пальцами. В допросную юркнул малозаметный шнырь мышиной внешности, держа мою коробку на вытянутых руках.

Исправник выпрямился, заглянул прямо в глаза, — Мы тут изучили улики и вещественные доказательства, включая кота рыжего, одна штука. Ранение с уличной жизнью несовместимое, не выживет такой. Это же твой кот, Боря? Похоже придется ему помочь, чтобы не мучался. Нехорошо, Боря, издеваться над животными. Сейчас поможем.

— Обер-сержант, принесите ведро воды.

Сузил глаза. Переигрываешь Матвей Фомич. Или это уже не игра? Не хотите синяки оставлять? Значит другого варианта нет.

Приподнялся на кресле, — не надо вставать, Боря, — рука легла на плечо, придавливая на место. Мне много и не надо, масса позволяет, перехватил свою левую руку за запястье и всей массой двинул о ребро стола. Если точно знаешь куда и как надавить — переломить руку не труднее китайской палочки. Резкая боль захлестнула, вроде и был готов, но губу прокусил насквозь. Не способен Боря терпеть, опыта нет. Кость лопнула, прорывая кожу и полосатую тряпка надулась и тоже поддалась.

От неожиданности хватка на шее ослабла. Подался вперед и успел сунуть под кровяную струю лицо. Упал на пол ... три, два, один... закричал так, как не орал никогда в жизни:

— Не бейте, дяденька исправник, не бейте больше, не убивайте. Все скажу и все подпишу.

...

Сновали люди, слышались крики и свист. Недоброе шипение и топот.

Меня несут, нет волокут рывками. Узкие коридоры не позволяют взяться сбоку, а для двоих моя масса неподъемна.

— Тащите дальше, он тут не поместиться.

— Усыпляют, надо кости вправить.

— Застрял. За шею не тяните, у него там рана.

— Сначала кровь, кровь остановите.

Окончательно пришел в себя на кушетке, в комнате с решетчатым окном. Рука в лубке, полосатые носки с обеих рук сняты.

В кресле напротив солидный джентльмен. Седые виски, уставшие глаза, взгляд внимательный и серьезный. Аура власти, силы и спокойствия. Опасность? Нет, не чувствую. Пытается скрыть тревогу, неуверенность. К чему напряжение? Он тут не совсем легально. Сидит, изучает.

Вот и личная встреча с тем, кто исправника прикрывал. Матушка от его имени по стене сползла. Чего от меня ждет? Продолжения Бори? Сомневаюсь. Этот человек не враг и становиться его врагом желания нет. Сиди, изучай.

Сигнал от Степана. Не вызов, легкий толчок пришедшего сообщения. Картинка верхушки шкафа, пара тряпок, старый шарф, мышеловка. Неудобно смотреть, когда одна рука зафиксирована, голова на бок. Не мышеловка важна и не тряпки. Следы пыли, явные

концентрические круги.

— Степан фото видел?

— Да, барин, смотрел, ничего не понял, зачем...

— Степан, это следы воздуха. Явное доказательство, что Пантелей повешен с помощью воздушного вихря. Скажи Сидору чтобы не вздумал трепаться и сидел как мышь. Подготовь список у кого в усадьбе такая стихия достаточной силы. Если сам не знаешь, прикинь у кого спросить, но предельно аккуратно.

Фигура на кресле двинулась, — Борис. Прости, что отвлекаю. Меня зовут советник Холль, и я здесь не из-за простого любопытства. Нам надо поговорить.

— Где мой кот? Что с ним?

Советник ответил спокойно и доброжелательно, — По-видимому все хорошо. В комнате отдыха выполз из коробки, добрался до пакета, в которых конторские обеды носят, распотрошил и сожрал сосиску.

— Холль, странной имя, вы часто это слышите?

Советник продолжил, не обращая внимание на мой пассаж. Инициативу терять не хочет, — Признаюсь, я проверял тебя, и мой помощник опять немного перестарался. Извиняться не буду, пустые слова ничего не значат. В качестве компенсации возьми эту серебряную слезу. Она не даст тебе никаких умений, просто больше никто и никогда не сможет прочитать твою милость. Разумеется, кроме того, что ты сам позволишь. В это мире очень мало людей, кто знает о ее существовании. И еще меньше тех, кому это доступно.

— В этом мире?

— Да, я знаю, что ты чужой.

Довольно категорично сказано, снова проверка или нет?

— По долгу службы, так сказать. Моя работа находить сущности, проникающие к нам время от времени. Бывает долго сидим без работы, бывает просим помощи у коллег. Стоит потерять сознание во время некоторых атмосферных явлений, и есть шанс что вместо тебя очнется чужой.

Да, эти сущности приходится находить и быстро уничтожать. Истреблять, выкорчевывать. Потому что это не прихоть. Это необходимость, суровая и обстоятельная, как чистка зубов по утрам. С теми, кто приходит, невозможно договориться. Они всегда начинают убивать, уничтожать все, до чего могут дотянуться. Если их не остановить сразу, а дать время освоиться, жертвы могут исчисляться сотнями.

— Ай, погоди, а откуда они приходят... эти?

— Оттуда же, откуда пришел и ты, сумев сохранить разум. Из сухих миров. Из миров, пронизанных язвами Злого ветра и дырявыми, как старый сыр.

В основном сущности прорываются из нехорошего места, где все совсем печально. Не в основном, а всегда, иначе такой уверенности бы не было. Значит не будем разубеждать.

— Во как,... любопытно, — а что еще можно сказать, когда тут имперская шишка душу изливать начала.

— Тебе всего лишь любопытно? Ты чужой, и уже убивал, как минимум дважды. Без колебаний, без сомнений. Если будет необходимо — ты сделаешь это снова.

Но ты другой. За это время ты построил намного больше, чем разрушил. Всего неделя в полной изоляции — и уже что-то построил, кого-то спас, кому-то дал надежду. Они могут только разрушать, а ты другой. С ними невозможно договориться, но мы говорим.

Ну говоришь, положим, пока только ты.

— Мне неизвестно, откуда ты прибыл, не знаю зачем, по своей воле, или за тобой кто-то стоит. Не ведаю, какие у тебя цели и есть ли они вообще. Одно понимаю точно, ты не будешь сидеть сложа руки. За тебя говорят твои поступки, — хитро прищурился, — Как ты понял, не только те, которые видит око.

— Ты прикрыл меня, во время лечения кота?

Собеседник ухмыльнулся, ответил ехидно, — Только не говори, что ты был лекарем зверей. Отдыхай, договорим позже.

Исчез за дверью. Понятно, что он, можно было не спрашивать. Ушел, давить не стал, дает время освоиться, собраться с мыслями. «Я убью тебя раньше, чем к тебе прикоснется имперский инквизитор», некстати вспомнилось обещание. Почему я еще жив? Не то, чтобы не радуется, но этот факт и меня начинает удивлять.

Потом был птомант, мрачная старуха в черной мантии, вошла без стука, минуту подержала за руку, зыркнула исподлобья и также молча исчезла. Пульсирующая боль в руке исчезла, осталось только адское желание почесаться.

Пришла женщина, накормившая горячим бульоном из термоса. Райская жидкость опять растворялась прямо на языке, а обманутый желудок продолжал кидаться на свою темницу. Маленький термос, одно издевательство. И почему его женщина двумя руками держала?

Приперся лекарь, на этот раз не просто ощупывал. Презрительно кривил морду. Снял бинты и поддержку. Водил пальцами по руке, касался лица, боков. По ощущениям — куча мелких порезов и ушибов рассосалось. Хотелось попросить сильнее сердце укрепить, но язык не повернулся.

Все лечение за казенный счет, или выставят?

Пришел..., нет не очередной посетитель, а просто сон. Совершенно незаметно отрубился. И первый раз в этом мире сон увидел. Бестолковое мельтешение. Лица и ладони. Ходячие трупы и серые хламиды. И все это приправленное немислимим количеством еды: печеной, вареной и жареной.

Проснулся от тянущей пустоты внутри, сглотнул голодную слюну, вытащил изо рта кусок изжеванной простыни, метра полтора влезло. Держись Боря, знаешь же, ничего тебе не светит. Попробуй переключиться на что-то полезное. Чем котики занимаются, когда делать нечего? Правильно! Подростки тем же — залипают в милость.

Основательно изучил, что же там у меня между ладонями насобиралось:

Борис Тараканов, путь Вечного ученика

Сопротивление Злому ветру — $2 \times 25 \% + 11 \% = 61 \%$

— Харита, ступень 3 (кандидат в дворяне по праву рождения), прогресс 2 из 2016

Для подтверждения принадлежности к сословию требуется прохождение ритуала кормления предков.

Доступны умения 9 из 12

— Сатранг, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 12 из 72

— Магия воздуха, ступень 2 (приобретённое), прогресс 86 из 1728

— Дизайнер наружной рекламы, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 30 из 72.

— Хирургия семейства кошачьих, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 25 из 72.

— Архивариус, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 33 из 72.

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 72 из 72, запрос в верховный Храм пилигримов — Невозможность перевода на следующую ступень. Блокировка.

Принудительная очистка.

— (Умение не определено), ступень 1, прогресс 2 из 72, ошибка идентификации

— Отравитель, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 72 из 72, Отказ перевода на следующую ступень. Блокировка. Принудительная очистка.

— Алхимия ядов, ступень 1 (открыто самостоятельно), прогресс 72 из 72, Отказ перевода на следующую ступень. Блокировка. Принудительное изъятие.

Требование посетить храм Вечного ученика для диагностики милости.

Со второй частью милости совсем все плохо. Нет, совсем все плохо — это в прошлый раз было. Теперь еще хуже.

На странице с контактами множество новых лиц. И незадачливые гопники тут, и Мухины, и куча оборов. Собакины в количестве четырех штук. Все для активации доступны, правильно понимаю — значит все живы. Пятый аристократ Девяткин, нормальный тип, только что забыл в компании ушлепков? Телохранитель Артур, остановился вовремя, а такому прирезать — как почесаться. Леди Алевтина, леди Виолетта, с именами девочек по вызову — ничего не запомнил кроме мерзких визгливых голосов.

Заглянул в архив и довольно хрюкнул. Первое, стартовая страница появилась — «Формализованное досье Бориса Тараканова», цель — «Прогноз сценариев взаимодействия с лицами, принимающими решения». Миниатюрные иконки разложены по категориям: семья, представители власти, случайные знакомые, деловые контакты. Для всех новых лиц автоматически созданы отдельные папки, разлинованы разделы — наполняй не хочу. В папке с материалами два видеоролика. Один у исправника видел, с площади, с такого ракурса, где не видно кто кого задирает. Ага, еще и почти без звука. Второе с моста, судя по

углу обзора — от ока, что стояло в сторонке. Получается какие-то видео получают статус общих и автоматически попадают всем участникам.

На этот месте завис на два часа. Пока в памяти свежо отстучал характеристики и описания новых друзей. Рука работала нормально, ничего не мешало. Хорошо птомант работает, по ощущениям — пару дней поберечь и полную нагрузку давать можно.

Боря, не ленись. Алевтину и Виолетту видел, не ври что не запомнил. Чудовищными усилиями достал из памяти словесные портреты, приметы и одежду.

Немного подкорректировал структуру материала и сразу заценил прирост — пара десятков единичек капнуло. Думаю, еще пару подходов, и перевалит на вторую ступень.

Смотрел, смотрел, на серебристый шарик, похожий на капельку ртути. Применять или нет? Отравит? Я и так в его власти. Шпионский? Он и так каждый мой шаг знает. Ушел специально, дает время проверить и оценить подарок.

Поехали. Сжал горошину ладонями. Просто растворилась, без цвета, звука и других эффектов.

Активна серебряная пелена, доступны настройки виртуальной личности.

Вроде без сюрпризов. В виртуальную личность перетащил сатранг, магию воздуха и дизайнера. Прогресс оставил реальный, чем меньше вранья, тем надежнее. Подумал и добавил архитектуру второй ступени, просто заколотил в свободной строчке — нечего никому о моей потере знать. Нарисовал финансы с парой рублей и прикрепил рабочий стол с рисунками башен и блондинками.

Отключил, включил заново, архитектура исчезла. Похоже защита сработала, показывать можно только то, что есть. Скрывать — пожалуйста. Если подумать — слишком хорошо бы получилось, писать все, что вздумается. Из сленга Левушки — читерски.

Лежал и просто думал. Камера — ничего интересного, обычная клетушка два на два. Окошко под потолком, не будь я не Борей, можно было бы подтянуться и на волю глянуть. Но Боря не любопытный. Наконец есть минутка просто полежать и покрутить то и это туда-сюда.

Тревожно с этим советником. Кто-то, сидящий очень высоко в надзорном органе, ведет свою игру. Проверки с исправником — его затея. Говорит разумно, первое впечатление человека открытого и честного. Вот только нельзя с такими жизненными установками занять высокое место в силовых структурах — это невозможно в принципе.

С Современником еще хуже. Его цель — это моя Земля, старая, добрая, сердцу милая. Сценарий захвата давно готов, все роли расписаны, чего ждут? Что-то мешает, или кто-то. Если что-то — это точно способ перенестись живым весом. Портал открыть. Проблема точно на той стороне, могли бы открыть с этой — давно бы открыли. И этим сейчас занимается настоящий Боря. Но мешать может и человек, один или организация. Как здесь, так и там. Один или организация? Поговорю с советником, может что прояснится.

Бодрый голос вывел из полудремы, — Борис, ты знаешь, что история этого мира насквозь фальшивая?

— Советник, так и зайкой можно оставить. Я читал летопись явления Вечного ученика, пару глав точно. В остальное время только суетился и бегал. Остановится и подумать как-то особой возможности не было. Да и кому нужна, эта ваша история.

Холль взвизгнул, — Вечный ученик — это сказка для оправдания бессмысленного бега по кругу. Шоры на глазах загнанной лошади, которая приближается к пропасти. Я наблюдаю за тобой, ты тычешься как слепой котенок, носишься с никчемной коробкой, пытаешься

защитить близких. Кто они тебе? Ты хочешь создать островок того, чего был лишен в прошлой жизни? Или это плацдарм для чего-то большего?

Не понимаю, что останавливает вот прях сейчас ему открыться. Мне не повредила бы поддержка, партнер, соратник. Если разговаривает, есть вероятность, что я ему нужен больше, чем он мне. Нельзя про Современника говорить, сейчас точно нельзя.

Видя, что я не реагирую, Холль добавил, — Знай, что все бесполезно. Этот мир обречен! Я расскажу, что выяснил за тридцать лет ковыряния в навозе и просеивания песка.

Для своего рассказа советник приблизился и начал смотреть прямо в глаза, очень для него это важная тема, а может важна моя реакция. Начал говорить артистично, с выражением, не забывая размахивать руками:

Это случилось почти две сотни лет назад. На Палме шёл 1947 год. Тогда этот мир назывался по-другому, но я нигде не нашел настоящего имени. Мир восстанавливался после опустошительной войны, поднимался с колен, начинал строить и творить. Казалось, что все ужасы позади, но оказалось — это начало конца.

Сначала появились источники странного ветра, от которого люди начали превращаться в пускающих слюни идиотов. Провалы в земле появились сразу на всех континентах, их оцепили и стали изучать. Странное явление не сдерживало ничего, ни толщи бетона и свинца, ни броня из сверхпрочных сплавов. Не помогали ни силовые поля, ни заговоры деревенских старух. Со временем источников становилось все больше, и они жалили все злее.

Любой человек мог внезапно почувствовать лицом порыв тёплого ласкового ветерка. Повернись к ветру спиной, и, если он продолжает дуть в лицо — беги, так, как не бегал никогда в жизни, иначе потеряешь всё.

Попав даже под короткий выброс, человек мгновенно лишался того, что умел делать лучше всего. Плотники больше не могли держать в руках топор, а шофёры не могли садиться за руль.

Пустели целые города, люди в панике пытались бежать, спасти свои семьи, найти укрытие. Пришла новая погибель. Те, кто лишались того, что умели — не обретали покой после смерти. Чем более умелым и мастеровитым был человек при жизни — тем более опасное и смертоносное существо из него выходило. Существо, которое умело только убивать.

Когда ужас и отчаяние достигли пика, появились они. Странные люди возникли из ниоткуда, достаточно похожие на нас, чтобы не пугаться разницы. Обычные высокие люди с каменными копытами.

Пилигримы, так они называли себя, предложили людям защиту и ничего не попросили взамен. Они подарили людям чёрный камень, надёжно защищающий от Злого ветра.

В местах самых мощных прорывов они построили свои храмы, и заперли смертельную стихию. Но храмы служили не просто ветреной тюрьмой, там чужаки проводили свои странные обряды, а ещё выставили на обмен невиданный товар — волшебные Слезы. Способ, позволяющий мгновенно овладеть тем — о чем раньше не мог и мечтать.

Пилигримам были не нужны ни власть, ни золото, ни другие наши ресурсы. Слезы не продавались, их можно было только обменять на другие Слезы.

Зачем нобелевскому лауреату по химии его скучный гений? Его легко можно обменять на Слезу повелителя огня, мановением брови сжигать поля и дыханием плавить металл.

Зачем лучшему бомбардиру Европы скорость и умение владеть мячом? Сколько можно

бегать на потеху публики? Не лучше ли вовремя, на пике карьеры научиться поднимать мертвецов и насылать проклятия?

Люди потянулись в храмы, чтобы обменять то, что есть, на то совсем не нужно. Человечество не сразу поняло, что превратилось в дикарей, которым принесли стеклянные бусы.

Таксист, лихо гоняющий по городу, секретарша, виртуозно печатающая на машинке, переводчик, болтающий на пяти языках — Пилигримы принимали все, щедро раздавая свои подарки.

В мире появилась и расцвела магия. Люди научились повелевать растениями и исцелять любые раны, научились летать и швыряться файерболом, жить под водой и мановением пальца строить дворцы.

Красивая сказка? Золотой век? Как бы не так! Самое интересное только начиналось.

В любом мире есть особые люди, которые имеют истинную власть. Они быстро почувствовали угрозу своим устоям. Они не польстились на дары Пилигримов, зачем тебе дешёвые фокусы, если ты повелитель мира? Люди разделились на два лагеря, и началась война. Мир погрузился в хаос почти на сорок лет.

У людей были боевые машины и подводные корабли. Быстро появились вычислители и шары, летающие так высоко, куда не достигают птицы. Люди поняли суть и природу вещества, изобрели оружие страшной разрушительной силы — немыслимой ранее. А ещё была жажда выжить, спасти свой мир и прогнать чужаков любой ценой. Они не могли проиграть, они забыли прошлые распри, объединились и почти победили.

Пилигримы были плохими бойцами. Они хитрили и извивались, прятались и отступали, трясясь над своими жалкими жизнями. Пилигримы очень боялись смерти, сдавали один храм за другим и почти убралась из нашего мира. Почти. Люди уже праздновали победу, осталось нанести последний удар, и враг бы сбежал, поджав хвост.

Но люди проиграли!

...

Советник опустился на кресло обессиленный, нелегко ему рассказ дался. После такой речи говорить не тянуло. Нечего тут сказать. Но что-то сказать надо.

— Подери меня нерадивый, Вечный ученик и пресвятые ёжики.

Холль усмехнулся, — Скажи мне чужак, почему? Что могло пойти не так? Не скажешь? И никто не скажет. Пилигримы впустили в мир Злой ветер и собрали урожай. Сейчас они продолжают сеять и выжимают жалкие остатки. Мой мир обречен. Целые континенты захлестнула мерзость. Южная Америка, Африка, Австралия превращены в сплошную рваную землю, где не осталось ничего живого. Большинство крупных островов потеряно, среди населенных районов постоянно возникают смертельные очаги.

Я выдавил из себя, — Печально. Ты хочешь все исправить? — картинка, которая вырисовывалась в голове, в целом совпадала, но масштабы реально поразили и опечалили.

— Исправить — нет, это невозможно. Из горки золы никогда не получить то, что было сожжено. Спасти, то, что осталось — возможно. Это и есть моя главная цель. А еще — отомстить. Сто восемьдесят шесть лет мой мир терзают шакалы. Я мечтал приблизиться настолько, чтобы ударить в сердце. Тридцать лет я выслуживался и угождал, но я выбрал неправильное место. Я приблизился не к сердцу. Максимум, чему я могу навредить — будет простой занозой в заднице.

— Ты хочешь, чтобы твоей занозой стал я?

— Я достаточно разбираюсь в людях, чтобы не разговаривать с такими как ты с позиции силы, что-то навязывать или требовать. У тебя своя дорога. Если когда-то в чем-то наши цели совпадут — ты сделаешь больше, чем мы..., чем я за долгие годы.

Не обижайся на старого дурака. Это просто мысли вслух — нужно стать их частью, понимаешь? Только изнутри можно что-то понять, повернуть, изменить. Поэтому я отдал тебе серебряную пелену.

— Мягко стелешь. Пожалуй, я могу предположить, что случилось в конце.

— Ты не можешь этого знать. Я лично сжигал архивы старых знаний. Прочитал тысячи книг. Изучил горы газет и журналов того времени, но не нашел причины, ни малейшей подсказки.

— Знать не могу, но знать и не обязательно. Достаточно понимать людей и то, что ими движет. Вот достойное завершение твоей истории:

Но люди проиграли!

Что же могло случиться в шаге от победы? Удар прилетел с неожиданной стороны, это был удар в спину. Потому, что нас предали. Приблизился момент, когда богатство и власть ничего не стоит. Истинным властелинам мира пришло время умирать от старости. И они отнесли Пилигримам свои Слезы, чтобы обмануть смерть.

Советник присел в кресло и крепко задумался, стиснув кулаки. Молчал долго, я не мешал, пусть обтекает.

— А ведь ты можешь быть прав. Ты еще более страшное чудовище, чем я представлял. Боря, я тебя понимаю, у тебя нет основания мне доверять и открываться. Мои идиотские проверки. Но я не мог по-другому, я должен был убедиться. Доверие не появляется на пустом месте. И с телом тебе не повезло. Прости и просто следуй своим курсом.

— Как же наблюдатели, мне продолжать играть тупого подростка?

— Око, да, это важный вопрос. Научись различать простое око, которое выполняет свою работу, от наблюдателей, приставленных за тобой лично. Первых можешь не опасаться. Но вторые, ... их глазами может смотреть враг.

— Я свободен?

— Как птица. Жили в древности пингвины — такие упитанные птицы, в пустынях яйца прятали, в песке. Только забери своего зверя. Исправник приоткрыл коробку и получил когтями.

Про вторжение в другой мир ему ничего не известно. Занимается безопасностью, на досуге грезит — как бы удавить шайку пилигримов. Задался целью, найти себе помощника? Среди его подопечных умеют только убивать. Тогда откуда такая идея?

— Скажи, советник, пришельцы из сухих миров. Случай, как мой, такое было раньше?

— Только легенда. Даже не легенда, а пьяный бред полоумного пилигрима, прожившего столько, что от него пахло тысячелетним тленом. Я запомнил, искал, и я нашел. Я нашел тебя.

— Скажи, советник, мой кот, чью сосиску съел, чей это был обед?

Холль отшатнулся в недоумении, — Это важно? Дежурного лекаря, что тебя осматривал. У тебя сохранился мой контакт. Свяжись, если или когда будешь готов говорить. Еще, не свети моим именем, не хотелось бы потерять то, что созидалось тридцать лет.

Ушел, не закрыв за собой дверь. Значит я свободен, а Собакины? Это моя проблема. Что человеку, пытающемуся спасти осколки своего мира — мелкие дрызги аристократов?

Позиция советника в целом понятна, но это не моя война. Вот только удастся ли остаться в стороне?

Вздыхнул и понял. Никогда я с этим советником работать не буду. Фанатик, самый что ни на есть махровый. Жизнь учила держаться от таких не просто подальше, а бежать без оглядки. А еще он моего кота никчемной коробкой назвал. Я, конечно, не Джон Уик, чтобы из-за питомца город на уши поставить, но исправнику тоже лучше мне на глаза не попадаться. А кот, между прочим, за меня сражался, пока я в отключке лежал. Отомстил лекарю, что меня лечить не стал, и главного обидчика пошкарябал.

(Палма. Белозерск. Управа, кабинет обер-исправника)

Распахивается дверь и входит советник Холль. Исправник мигом вскакивает и вытягивается по струнке. Поникие усы, бегающие глаза и дрожащие руки выдают немалое смятение, обиду и страх)

— Ну что Матвей Фомич, как настроение? Дошло-таки, до чего тебя самостоятельность довела?

Унылый исправник выдает заискивающим голосом, — Господин советник, я же все-все как велено.

— Как велено? Кота ты зачем тронул?

— Ну так велено же напугать, угрожать, применить силу. Вы же сами сказали, границы проверить надо, этого... Обычный же кот, что с того?

— Для тебя может и обычный, а у него в этом мире может и нет никого ближе. Представь, как это со стороны выглядело. Входит око, избитый подросток вопит со сломанной рукой, лицо в крови, а твой помощник дубинкой машет. Пацан княжеского рода, из Таракановых, а твоя управа задерживать аристократов вообще не имеет права.

— Так точно, плохо выглядит, но я же как велено, для общего дела.

— Очень плохо. Видео уже в Москве, дай Вечный ученик, чтобы дальше четвертого отдела не пошло. Таракановым тоже отправили. Там мало того в панике, откуда у них новый родственник, так теперь и это видео. Старый Василь не знает на кого боевые треножки слать, то ли на Белозерск, то ли на Собакиных.

Исправник мнет фуражку, — Простите, советник, получается и задание я не выполнил, и вас под удар подвел.

— Матвей, тут ты неправ, с заданием ты хорошо справился. Границы его возможностей показал.

— Да что показал, он же вопил и мямлил. Боли боится, еще бы чуть и...

— Эх, Матвей, ничему тебя жизнь не научила. Он выполнил свою задачу максимально эффективно, учитывая доступные ресурсы и минимум информации. С телом, в котором двигаться невозможно, не то, что проблемы решать. Защитил свое животное, ничего не подписал, и тебя подставил. Не случайно, время точно рассчитано, заорал не от боли, а только когда сержант дверь приоткрыл.

— Вот как? И что же будет теперь?

— Принимай направление на перевод, пару лет придется усы поморозить, потом вернем аккуратно. Помощнику твоему с добрыми глазами не так повезло. Ход делу будет, повоевать ему точно придется. Применить свои навыки, так сказать, на не совсем живых.

(Палма. Красногор. Резиденция графа Собакина, садовая беседка в зарослях шиповника.)

Граф пьет чай с баранками в обществе единственной жены.

Сильная, волевая женщина встревожена, говорит осторожно, тщательно подбирая слова)

— Канцеляристы внимательно изучили все записи, — Гавриил намеренно подставил брата и подтолкнул к тому, что случилось. Повреждения серьезные, за месяц восстановится, но про физические нагрузки пока можно забыть. Для бумажной работы у него умишка маловато, не понятно, куда его теперь.

— Пусть выздоравливает, там видно будет. Двух племянников погоню ссаными тряпками, ни умы, ни силы, ни чести. Чтобы душу их в столице не было. Девяткин хорош, из парня будет толк.

— Девиц этих тоже гони. Женщина должна направлять мужчину, нет бы братьев остановить — эти только визжать и ногами дрыгать. Что со старшим делать думаешь? Да, провинился, но не забывай, он наш старшенький.

— А что поделаться с ним, такой уродился. Подлый, мелочный и злопамятный. Ума нет, но этот хитростью свое возьмет. Отберу мобиль на время, может хоть чуть повзрослеет. Хотя есть идея — иди-ка сюда, а не попробовать ли нам нового сделать, прямо сейчас...

(Там же, спустя двадцать шесть минут, четырнадцать секунд.

Супруга графа переводит дух и поправляет растрепанную прическу)

— Скотинина, которого из рода поперли, куда девать думаешь?

Граф кривится, наткнувшись локтем на рассыпанные баранки, — А что с ним не так? По видео ясно, что умысла не было, не повезло мальчику, на великовозрастных дебилов нарваться. У него вызов именной. Поэтому и второй отдел вмешался, они его до направления на учебу ведут. Не хочу с этой конторой пересекаться, себе дороже.

— Да, а ты его последний разговор с Гаврилой внимательно слушал?

— Не слушал, все же и так ясно.

Женщина взвизгнула, — Ну так послушай...

Пара минут созерцания голубого экрана. Прерываемая сопением и покашливанием.

— Загрызи меня нерадивый, парень не так прост. Артура одной фразой успокоил. Чего ему барон про наши дела наплел?

— В том то и дело, что ничего, я же лично Антону память сканировала. Плюс у него закладки ментальные, не мог он ничего сказать, глаза бы лопнули.

— Значит сам до всего дошел. Силен. Наши бы так рассуждали, можно было бы всю Империю на колени поставить. Такого надо или вербовать или убирать сразу. За спиной оставлять — последнее дело.

Женщина выдохнула, — Я бы не стала ему ничего предлагать, ни в каком виде. Ничего личного. Рано или поздно он узнает правду, а месть за отца — страшное дело.

— Значит выход один. Не дайте ему покинуть Белозерск.

Воля!

Незабываемое ощущение, понимаешь его только один миг, когда за спиной закрываются скрипящие ворота. Не важно сколько отбыл, год, десять или несколько часов. Вот прямо сейчас в сердце ворвется дух долгожданной свободы. Тьфу, как заговорил.

Мне надо в столицу. Единственный вопрос, ответ на который может перечеркнуть все — сколько у меня времени? Любыми способами добыть информацию. Сколотить несколько команд, обучить для выполнения разных поручений. Мне нужно много людей, и очень, очень много денег, неприлично много. Что там еще в списке? Перестать быть полным ничтожеством, и разобраться с толпой вокруг, многим успел мозоли оттоптать.

Грешным делом, подумывал в силовые структуры податься. Обером стать. Холль показал — это тупиковый путь, самая верхушка — просто ловить попаданцев или дрязги аристократов разбирать. Надо стать пилигримом и попасть к тем, кто готовит вторжение. Академия — это мой путь наверх.

Холль — новый неучёный фактор. Считает, что наживка проглочена. Вкусный, сочный червяк со стальным крючком внутри. Отпустил леску и дает возможность свободно поплавать, почувствовать свободу. Чтобы потом внезапно подсечь. Ну-ну, посмотрим, что из этого выйдет.

Вдохнул полной грудью, воздух все тот же. Ворота за спиной не скрипели, просто я так себя накрутил. Сходу обнял Егора. Однорукий старик от неожиданности крикнул.

— На вокзал, надо догонять наших.

— Хвала Вечному ученику, Боря, я уж и не чаял. С нашими поговорил и все думаю, и Степа тоже.

— Уже Степа? Вы же враги смертельные.

— Да что там враги, баловство одно. А тут дела такие.

Остановился, сунул коробку, — Погоди, надо узнать не натворил ли ты чего с перепугу?

— Степан доложи.

— Едем без происшествий. Егор тут звонил, таких страхов рассказал.

— Страхи отставить. Номер три отбой, переходи ко второму.

— Принято.

Сухо и четко. Вот так всех своих приучать буду.

Егор не выдержал, — Скажи, что там у него в конвертах. Номер два — это же ты номер конверта сказал?

— Инструкции, Егор, просто инструкции. Номер три — на случай моего временного отсутствия. Четыре — случай если пропаду на подольше. Пять — вариант моей смерти. Номер два ничего интересного, по приезду сразу начнет поиск съемного жилья. Небольшого домика на окраине в тихом месте. С самым главным — с большим деревом во дворе, с которого не должно падать ничего съедобного.

— Вот как? А я думал, игра такая. Теперь понимаю, это...

— Приедем, разберем все конверты вместе, расскажу: что, зачем и из каких соображений. Найди, где сигареты продаются, мне подумать надо.

— Я дядька или кто? Купил уже, вот держи, думай. Твой сорт. Ты как покупал раньше то? Милость табак до 18 лет не оплатит, еще и в канцелярию сообщит.

— Вот так и покупал, то одного попрошу, то другого.

Перед входом на вокзал засмотрелся на светящийся порожек, понаблюдал как Егор его бодро перешагнул с сумками. У нас на вокзалы тоже всякую дрянь проносить через рамки — фантазия нужна. Внезапно столкнулся с выходящей старухой. С клюкой, кривая, замотанная тряпками, как копна сена. Придержал дверь, от меня не убудет.

Старуха захрипела, — Молодой человек, осторожнее надо быть.

— Прошу прощения, неуклюжий я.

Потопталась, добавила чуть тише, — Осторожней надо быть, с оружием проклятым.

Увидел глаза птомантши, которая лечила кости, огромные и злые:

— Отдай то, что самому не жалко. Не отдашь — он сам заберет.

— Э, кто?

Сплюнула под ноги, посмотрела таким взглядом, что я чуть не провалился. Быстро спохватился, опять тупишь, Боря, — Простите, сколько у меня времени?

— Милость у тебя крепкая, пару дней в запасе, — хлопнула створкой, живо припустила в сторону, позвякивая палкой.

Чуть не кинулся догонять и расспрашивать. Шифруется. То, что хотела сообщила. Советнику не сказала, или это он послал?

Он заберет. Злой ветер. Рана на шее, она не видела, но почувствовала. Заберет умение, случайное, или по своей логике, наиболее развитое. Значит надо पहले отдать то, что не жалко. В принципе у меня там непонятной мути столько, еще ни один удар кинжалом в запасе. Как отдать? На алтаре или в храме. Надо найти дыру в земле, при воспоминании о которой по спине побежали мурашки размером с футбольный мяч. Надо, но сейчас есть проблемы важнее.

Паровоза в Москву до утра ожидаемо не было. Прогулял я последний, ушел час назад. Скачал расписание, прикоснувшись к квадрату у стойки. Уселся изучать. Опасно полагаться на вещи, в надежности которых не уверен.

Кот высунул морду из коробки, оживать начинает, проявлять интерес к тому, что рядом. Уставился на свечение моих ладоней, глубокомысленно муркнул.

— Ты думаешь прокатит? Все поставить на вот это расписание, и насколько точно оно тут соблюдается? Котик, да ты оказывается оптимист.

— Егор, нельзя нам до утра ждать. Не выпустят нас Собакины. Бери себе билет до Ростова, хватай сумки и ныряй живо.

— А ты как же?

— Я следом. Пойду изучать особенности местной транспортной коррупции.

Изучение прошло успешно, хотя и не с первого раза. Третий по счету проводник сначала грозно топорщил усы, но услышав жалобную историю про хулиганов, которые на вокзал не пускают, побить хотят, получил полторы цены и подобрел. Пару минут шмыганья носом и я в тесном купе, зажатый стопками грязного белья.

Паровоз красавец, что-то среднее между поделкой Черепановых и пьяными фантазиями сценариста фильмов про Безумного Макса. Труба есть, фырчит, работает — и ладно.

— Егор, сходим перед Ростовом на станции X. В город нельзя, тебя рядом со мной однозначно срисовали, не подумал вовремя. Предстоит самое сложное, за три минуты перебраться через шесть путей — мне физически сложно будет. Пересядем на товарный до Красногора.

Егор возмутился, — Боря, нельзя в Красногор, это же гнездо Собакиных.

— Можно, там нас никто не ждет. В городе будет окно в полтора часа. Тебе нужно будет купить женский парик, яркую помаду и бюстгалтер самого большого размера, что найдешь. Плюс неброский закрытый экипаж, нам нужно перебраться на другой вокзал. Попадем в скорый до Москвы и можно сказать ушли.

...

Все получилось. Для разных проводников, разные истории, кто-то повелся на преследование от обещания жениться, кто-то на побег от призыва — «Видите тетенька, какой я толстый, меня же на службе совсем-совсем плохо будет». Пожёванная жизнью дама украдкой смахнула слезу — у самой подрастает трое. Добавка от двойной цены билета опять же творила чудеса.

Разместились не в самом богатом вагоне, проводница выделила пару коек среди толпы простых крестьян и рабочих. На прощание буркнула, — Око в этот вагон редко заходит, только если шум, дебош пьяный или ограбят кого. Если что — я вас знать не знаю.

Скорый на Москву набирал обороты. От сумасшедшего метания кружилась голова, вторые сутки без нормального сна. Выпил три кружки горячего чая без сахара. Одной заварки попросил, за что расстался с суммой, примерно равной бюджету чайной плантации. На зоне при сложных этапах заключенные несколько дней одним цифирем спасаются. Растянулся на нижней полке.

Неясным важным вопрос остается. Холлю известны мои приключения, когда ни ока рядом, и не снимал никто. Можно было спросить в открытую? Нет, нельзя. Ответ на такой вопрос выходит за рамки извинений за неаккуратные проверки. Это уже самому задолжать, признать, прогнуться и согласиться с его правилами. Он думает, что взял меня за бубенчики, крепко, надежно. Поэтому поводок отпустил подлиннее, чтобы я привык.

Современник тоже хвастался, что знает как освобождение Даши проходило. Одна у них технология, или способы разные? Запись из глаз, активируется если ладони вместе. Нечего же мешает и без рук работать, во благо безопасности Империи. Основная функция милости — защита от Злого ветра. В руке проволока с функцией проводника или скорее антенны.

Стопаньки. Кажется есть что Советнику предложить за ответы и должным не оказаться. Вышел в тамбур, закурил. В вагоне дымили много, но обилие детей не позволило присоединиться.

— Привет Холль, есть деловое предложение, информационный обмен.

— Ты точно в безопасности, никого нет рядом?

— Иначе бы не звонил. Советник, скажи, как ты получаешь информацию? Ту, когда ока нет рядом.

— Я могу сказать, но ты должен пообещать...

— Советник, у меня есть чем с тобой расплатиться, не давая никаких обещаний.

— Что еще за способ?

— Это зависит от твоего ответа.

— Мы не начнем работать вместе, если не будем доверять друг другу.

Тут полностью согласен. Оборвал связь. Мы вообще не начнем работать, если ты не будешь выполнять что я говорю, быстро и без лишних вопросов. А если серьезно — мы вообще вместе работать не будем.

Пара минут на новую сигарету. А вот и вызов. Подумал значит и решился.

— Гм. Боря, хорошо, я поделюсь. У тебя на милости есть документ, защищенный ключом. Это не совсем документ, это слово Вечного ученика, особое, называется.... Не могу

сказать. Слово активируется любой сильной эмоцией — испуг, гнев, радость. И тогда владелец другого слова начинает видеть и слышать. Надо только ключ знать. Как я его получил тоже не скажу, я еще не уверен, что ты все понял и готов...

Просто чудесно, что-то подобное и подозревал.

— Убрать можно.

— Только владелец, гм, кто поставил, но я не могу сказать. Скоро само исчезнет, недели три потерпи, теперь давай, что ты там...

— Холль, хорошо, теперь о грустном. Ты говорил, что не знаешь, сам я прибыл, или кто-то послал?

— Послал?

— Не так выразился, скорее пригласил так, что отказаться было неудобно. Тот, кто меня сюда выдернул не шахматист, э-э-э, не игрок в сатранг, я изначально неправильно его оценил. Это рыбак на крупную хищную рыбу, и он ловит на живца. Советник, я просто наживка. Чтобы осторожный и матерый хищник клюнул — наживка должна трепыхаться. Должна пищать и дергать лапками. Это как раз то, что я и делал всю неделю. Я не уверен, что снасть подготовлена на тебя, но ты клюнул.

— Боря, ты что говоришь такое, это же...

— Ты засвечен, Холль, если у тебя есть пути отхода, самое время ими воспользоваться. Надеюсь, это наш разговор не последний. Конец связи.

Так, приятеля успокоил, пусть думает. У меня стоит шпионское приложение, которое передает что я вижу, если я начинаю нервничать. Значит нервничать не нужно. Почему эмоции? Почему скоро исчезнет?

Доверяй, но проверяй. Включил милость, нашел запароленный документ. Действительно, ни удалить, ни перетянуть, срывается и возвращается на место.

Раз — срок, через три недели мне восемнадцать лет. Два — не хочет раскрывать владельца. Три — способ активации, очень похоже на..., на родительский контроль. Заботливые родители ставят, чтобы чадо было под присмотром.

— Мама, как дела? Как Даша?

— Ой, Боренька, ты в столице уже, да? Устроился? У нас все хорошо. Даша про тебя спрашивает, когда с Борей поиграем? А когда в гости к Боре поедем?

— Еще еду, мама, у меня все прекрасно.

— Ты кушай хорошо, спать ложись вовремя. Степан с тобой поехал, да? Он серьезный, в обиду не даст. Я слышала, ты Олесю с собой взял. Она хорошая девочка, но знай, что тебе не пара.

— Мам, у меня стоит слово, через которое ты видишь то, что вижу я.

— Боренька, какое слово, я...

— Мама, это не вопрос. Ты видела достаточно, чтобы понимать — я изменился и сейчас говорю серьезно. Есть возможность поменять ключ?

— Боря, значит ты узнал. Вот только уехал и узнал. Это слово, «Око матери», так все делают, ты же мой маленький, всегда останешься. И у Даши есть, и Наама за своими присматривает, мало ли. Но я могу убрать, могу, правда. Хотя оно до совершеннолетия только, дальше милость не позволит.

— Не надо ничего убирать. Нужно обязательно изменить ключ, немедленно.

Плотину на той стороне прорвало, — Сынок, я молчала, плакала, там такое видела. Остап...

Я рывкнул, — Ни слова. Соберись. Сама можешь заглядывать, если спать по ночам неохота. Все видео сохраняй надежно. Ключ поменяй. Думаю, исправник его скопировал, когда приходил еще до гибели моего дядьки. Еще ты теряла сознание на примерке костюмов, помнишь? Все, отбой, как устроюсь, обязательно сообщу.

Не заметил, вроде несколько минут поговорил, а половины пачки как не бывало. Табак хороший, настоящий. В нашем мире такого давно нет. Просто вкус детства. Рухнул на полку, вытягивая ноги. Надо еще чаю, и обдумать нормально, что понял.

Не додумал, уснул. Равномерный стук колес на меня всегда действовал благотворно и успокаивающе.

...

Проснулся от тревожного звука. Недалеко, в соседнем вагоне, или ближе. Никто не слышал, или внимание не обратили? Народ, которого в плацкартном вагоне было немало, не реагировал никак. Сидели, выпивали, травили байки. Тетки с баулами, сопливые дети. В основном народ дремал, обняв узлы с нехитрыми пожитками, как Егор, уронивший голову на сумку с артефактами. Не пуганый здесь народ, не знает, что такое выстрел из пистолета с глушителем.

Тронул дядьку за плечо, — Егор, тревога, надо уходить.

...

(В этот месте есть намек на бонусную проду — «Борис Скотинин и утонувшее око»)

...

(Палма. Степь 800 километров от усадьбы Скотининых

По едва заметной пыльной колее идет вереница кибиток. Вокруг снуют всадники, подгоняющие лошадей гиканьем и свистом. Три всадника отстали от других и идут спокойным шагом)

— Дети мои, нам нужно серьезно поговорить. Мы уходим, надолго и очень далеко. Беззаботная жизнь кончилась, перечеркнутая одной ошибкой.

— Прости, отец, все пошло не по плану.

— Тут нет твоей вины, Алмас, нас заманили в ловушку и подставили.

— Прости, отец.

— Не извиняйся, нет, сын, это ошибка только моя. У нас появился коварный изощренный враг, и его не взять грубой силой.

Всадник на огромном черном жеребце, вытащил из-за пазухи тряпочку и бережно развернул.

— Янко, доченька, это сокровище нашего рода — рубиновая слеза наездницы стального треножника. Меньшее сокровище, чем ты, но у меня не осталось выбора. Я не желал тебе такого пути. Это сложная стихия, ты понимаешь, она доступна не всем.

— Отец, я готова, я выполню все, что от меня потребует род, — черноволосая красавица протянула руку, — я готова прямо сейчас!

— погоди, подумай до завтра..., ты можешь отказаться. Это не та жертва, на которую можно склонить силой или авторитетом отца. Ты никогда не сможешь создать семью и иметь детей.

— Отец, я даю ответ сразу, и он не поколеблется, как дух нашего табора.

— Янко, ты неправильно понимаешь силу нашего духа. Я говорил, что он подобен лозе, легко гнется в любую сторону, но его нельзя сломать. Невозможно сломать, то, в чем нет стержня. Наш стержень не внутри, он в гривах наших коней, в ветре, раздувающим ноздри, в

гитарах наших мужчин и в огненных танцах женщин с черными глазами. Если примешь эту слезу, у тебя никогда не будет нормальной близости с мужчиной.

— Да будет так!

— Даю тебе трое суток. Используй порталы, лети в любой город и возьми от этой жизни все, что хочешь.

— Отец, папа, как можно...

— Теперь тебе все можно. Ты поедешь в столицу вслед за врагом, ты станешь его тенью. Сама выберешь момент, когда можно будет нанести удар. Решешь и ужалишь в самое сердце.

(Палма. Черное море. Верхняя палуба корабля «Приватир нерадивого».

Голос капитана ревет над безбрежной гладью так, что чайки в испуге выписывают восьмерки и роняют помет. Бородатый мужик с гнилыми зубами и женщина неопределенного возраста на коленях в позе покорности)

— Вы не справились. Могли шагнуть сразу через ступень и стать подмастерьями. Задание легче легкого, незаметно взять подростка и привезти для беседы.

Женщина подняла взгляд и сразу уронила вниз. Из прокушенной губы показалась алая капля.

Мужик подал голос, — У нас сутки, если пройдет зачисление, его больше не достать. У нас нет никого, кого близко подпустят к имперской академии.

— Кажется я это уже слышал. Ты не справился, совершив ту же ошибку, что и Аврора.

— Капитан, я понимаю, мы плохо подготовились и не совсем поняли, с чем, с кем имеем дело.

— Не прячь свое поражение за красивыми словами. Ошибка глупая и позорная. Ты недооценил врага. Вы оба недооценили противника и ошиблись дважды.

— Капитан, я все равно не понимаю, как такое возможно.

— Вижу, что не понимаешь. И Аврора не понимает. Вы до сих пор видите в нем жирного подростка, недалекого и никчемного. А значит ошибетесь снова.

— Капитан, позвольте, нам все исправить, есть новый план...

— Глупо и обидно, если такая ошибка совершается дважды. Это знак, это сигнал — что вы ни на что не способны. Прочь с моих глаз. Я займусь этим делом лично.

(Палма. Храм Нерадивого. Кафедра ментального анализа.

Профессор проверяет ученические альбомы. На вошедшего посетителя поднимается один глаз. Второй продолжает изучать работы. Руки не останавливаются перелистывать страницы)

Господин профессор, я не верю, что моя сестра провалила экзамен. Уверен, это было подстроено, это Вороновы. Они не могут простить проигрыша на дебатах.

— Твоей сестре досталось легчайшее задание — подтолкнуть к суициду девчонку, которая и так была в одном шаге. Она не справилась с такой элементарной вещью, нам не о чем разговаривать.

— Погодите, я следил, она делала все идеально, и даже больше. Никакой переговорщик не мог бы ее остановить. Даже сам Вечный ученик не смог бы...

— Прикуси язык. Вашему кругу запрещено помогать кандидатам. Ты сам признался, что вмешивался.

— Я не помогал, моя сестра не нуждается в подсказках. Я просто наблюдал, это не

запрещено, она все делала правильно.

— Последний решающий экзамен, печально, она не справилась и будет отчислена. Позор, ваша семья потомственные загонщики с безупречной репутацией.

— Господин профессор, неужели ничего нельзя сделать?

— Работы сданы и запечатаны. Комиссия расписалась в ведомостях, перепилась и развлекается с первокурсницами, еще не испорченными сложными зачетами. А на что ты готов пойти, чтобы все исправить? Внимательно подумай, прежде чем ответить.

— Это ментальная ловушка? Вы проверяете меня. Тогда на все. Да, я готов на все.

Профессор забарабанил пальцами по столу, будто на что-то решаясь.

— Хорошо, лови информации по человеку, который помешал твоей сестре сдать экзамен, подставляй милость. У тебя минута, жду оценку.

— На вид полное недоразумение. Голый, грязный, в крови. Изгой. И такая туша. Аристократ. Младший сын, не наследник. Лишний вес, на этой теме полно комплексов. Учился в родовой школе, значит без буллинга, хотя дома старшие братья наверняка доставали. Легкая цель, по шкале я бы назначил стандартную четверку. В чем подвох?

— Эта стандартная четверка подошла к стандартной двойке, обработанной твоей сестрой и через минуту от внушения не осталось следа. Открой следующую папку.

— Чего он ей сказать мог? Всего минута, и девчонка скачет вприпрыжку.

— В том то и дело, не все развивают свое тело, некоторые тренируют мозги. Разговора не слышно, чтец по губам разобрал только пару глупых фраз. Я озадачился и собрал еще материал. Моя личная оценка этого фрукта по шкале ментальной устойчивости намного выше.

— Откуда такие выводы, профессор?

— На этой кафедре преподаватели не держатся больше пары лет. Минимум десятку выпускников каждый год достается дипломная работа, так или иначе связанная с подставой преподавателя. Как ты думаешь, почему я остаюсь на этой должности более полувека?

— Профессор, вы лучший. Вы очень осторожны и смотрите на несколько шагов вперед.

— Не увлекайся. Я помню твой зачет по неприкрытой лестнице, по моему мнению, автомат ты не заслужил. Разрешаю проанализировать все его записи за последние три дня. Включая добытые не совсем легальным путем. По нашей шкале у него не меньше двадцати пунктов.

— У столичных чиновников, еженедельно посещающих психотерапевтов и тренинги, не бывает выше двадцати. Он переговорщик очень высокой ступени, или хранит другие сюрпризы?

— Это тебе и предстоит выяснить. Будет непросто, но тем выше награда. Обнулите ему хариту любым способом. И тебе, и сестре зачтется...

Дорогие читатели, первый том окончен.